

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАН, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаелян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козыг (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевера (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широкалов (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта-Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджжо Де Маркус (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПН № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2023

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Современные медиа как инструмент стратегии не прямых действий <i>Ларионов В.В.</i>	5	The modern media as a tool of the indirect approach <i>Viktor V. Larionov</i>
Феноменология и проблема визуальности. Часть 1 <i>Лумпова М.А.</i>	15	Phenomenology and the problem of visuality. Part 1 <i>Maria A. Lumpova</i>
Атомизм, «Сумма теологии» и эксперименты Б. Либета: противоречия в решениях проблемы свободной воли субъекта <i>Воробьева К.В.</i>	28	Atomism, «Summa Theologica» and B. Libet's experiments: contradictions in solutions to the problem of the subject's free will <i>Kristina V. Vorobieva</i>
Религиоведение, философия и теология в теории бедной веры М.Н. Эпштейна <i>Логиновский С.С., Головина М.А.</i>	40	Religious studies, philosophy, and theology in M.N. Epstein's poor faith theory <i>Sergey S. Loginovskiy, Mariya A. Golovina</i>
Икона и кинолента: концепция обратной перспективы П.А. Флоренского в творчестве С.М. Эйзенштейна <i>Потанов М.М.</i>	53	An icon and cine-film: the concept of revers perspective by Pavel Florensky in the Sergei Eisenstein's works <i>Mikhail M. Potapov</i>
Социально-антропологический аспект концепции К.Н. Леонтьева <i>Филин Д.А.</i>	63	Socio-anthropological aspect of K.N. Leontiev's concept <i>Dmitriy A. Filin</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Концепт измененных состояний сознания и его проблемное содержание <i>Мусс А.И., Вовк Д.В., Михайлова А.В., Чичерина Ю.А., Курсанова А.А.</i>	71	The concept of the altered states of consciousness and its problematic nature <i>Alexander I. Muss, Dariya V. Vovk, Alexandra V. Mikhailova, Yulia A. Chicherina, Alena A. Kirsanova</i>
Психологическое насилие сквозь призму деятельностного подхода <i>Чулошников А.И.</i>	84	Psychological abuse through the prism of the activity approach <i>Alexey I. Chuloshnikov</i>
Динамика аддиктивных проявлений в процессе взросления у подростков в период пандемии COVID-19 <i>Ваганова К.А., Ужегова А.А., Газарова А.Н., Евдокимова Е.А., Балева М.В.</i>	98	Dynamics of addictive manifestations in the process of growing up in adolescents during the COVID-19 pandemic <i>Kseniya A. Vaganova, Anastasiya A. Uzhegova, Anna N. Gazarova, Elizaveta A. Evdokimova, Milena V. Baleva</i>

Отношение к диагнозу и внутренняя картина здоровья у пациентов онкологического профиля как психологические ресурсы совладания с болезнью <i>Бергфельд А.Ю., Формакидов Д.А.</i>	110	The attitude to the diagnosis and the internal picture of health in cancer patients as psychological resources of coping with the disease <i>Alexandra Yu. Bergfeld, Dmitry A. Formakidov</i>
Определение стратегически важных направлений в работе психологической службы медицинского вуза <i>Бузина Т.С., Олейников С., Макарова И.В.</i>	120	Determination of strategically important directions in the work of the psychological service at a medical university <i>Tatiana S. Buzina, Sergei Oleynikov, Irina V. Makarova</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Роль вертикального доверия в регулировании установок и трудового поведения работников предприятий <i>Германов И.А., Лапин П.М.</i>	131	The role of organizational trust in the regulation of work attitudes and labor behavior of industrial employees <i>Igor A. Germanov, Pavel M. Lapin</i>
Особенности взаимодействий врачей и пожилых пациентов в сельской местности на примере Ленинградской области <i>Галкин К.А.</i>	141	Specific features of interaction between doctors and elderly patients in rural areas (a case study of the Leningrad Region) <i>Konstantin A. Galkin</i>
Информация для авторов	152	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.070

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-5-14>

Поступила: 25.10.2022

Принята: 31.01.2023

Опубликована: 10.04.2023

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИИ
НЕПРЯМЫХ ДЕЙСТВИЙ***Ларионов Виктор Владимирович**Вологодский государственный университет (Вологда)*

Наличие высокотехнологичного вооружения давно показало, что «тотальная война» как метод и «победа» в ней как цель являются в настоящий момент устаревшими концепциями. Процесс увеличения разрушительной силы ядерного оружия до крайности «самоубийства» стал причиной пересмотра военной стратегии в целом, что привело к отказу от воздействия на противника посредством грубой силы и переходу к асимметричным методам, применению которых способствуют широкое распространение и доступность не только и не столько разрабатываемых современных технологий, сколько уже готовых технологий двойного назначения, которые можно использовать в военных целях. В настоящее время медиа перестали рассматривать исключительно в значении посредника между исходным событием и реципиентом этого события, в них признали инструмент манипулирования общественным мнением. Английский военный историк Б. Лиддел Гарт преобразовал принцип стратегии не прямых действий в философский концепт, под которым в настоящее время понимается искусство комплексного воздействия на политическое устройство и систему жизнеобеспечения атакуемого государства с последующим обострением внутренних противоречий, созданием кризисной ситуации и вооруженного конфликта, перераспределением сфер влияния, созданием «буферных зон» и «поясов нестабильности», получением доступа к источникам сырья и рынкам сбыта. Объектом исследования выступают современные медиа, в качестве предмета исследования выбран процесс реализации стратегии не прямых действий посредством новых медиа технологий. Цель работы заключается в определении способов, масштабов и последствий воздействия медиа на современное общество. В качестве методологической основы для проведения системного исследования может быть использована теория не прямых действий Лиддел Гарта, позволяющая найти практическое решение любой проблемы, возникающей вследствие явной противоречивости интересов и неизбежно приводящей к вооруженному конфликту. Результаты исследования могут быть использованы для проведения анализа этапов подготовки и ведения «гибридных войн» в контексте использования медиа в качестве эффективного инструмента непрямого управления современным обществом в военных целях. На сегодняшний момент существует ряд стандартов, инструкций и договоренностей по регулированию развития биотехнологий и биоинженерии, о запрете производства, хранения и распространения отдельных видов оружия, но в то же время не имеется ни одного похожего документа в сфере медиа, что делает ее практически неконтролируемой.

Ключевые слова: иконический поворот, медиа, не прямые действия, подконтрольное сознание, современные технологии, сублиминальное воздействие, теория Лиддел Гарта, цифровой след.

Для цитирования:

Ларионов В.В. Современные медиа как инструмент стратегии не прямых действий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 5–14. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-5-14>

THE MODERN MEDIA AS A TOOL OF THE INDIRECT APPROACH

Viktor V. Larionov

Vologda State University (Vologda)

The presence of high-tech weapons has long shown that a «total war» as a method and a «victory» in it as a goal are currently outdated concepts. The process of increasing the destructive power of nuclear weapons to the extreme of «suicide» caused a revision of military strategy as a whole, which led to the rejection of the idea of influencing the enemy through brute force and to the transition to asymmetric methods, the use of which is facilitated by the wide distribution and availability of not only and not so much developed modern technologies as many ready-made dual-use technologies that can be employed for military purposes. At present, the media have ceased to be considered solely as an intermediary between the initial event and the recipient of this event, they have become recognized as an instrument for manipulating public opinion. The principle of the indirect approach was transformed into a philosophical concept by the English military historian Liddell Hart. This concept is currently understood as the art of complex influence on the political structure and sustenance of the population of the attacked state, with the subsequent aggravation of internal contradictions, the creation of a crisis situation and armed conflict, the redistribution of spheres of influence, the creation of «buffer zones» and «belts of instability», gaining of access to sources of raw materials and markets. The object of the study is the modern media, the subject of the study is the process of implementing the indirect approach through new media technologies. The purpose of the work is to determine the ways, scale, and consequences of media influence on modern society. As a methodological basis for conducting a systematic study, Liddell Hart's theory of indirect approach can be used, making it possible to find a practical solution to any problem that arises as a result of a clear conflict of interests and inevitably leads to an armed conflict. The results of the study can be used to analyze the stages of preparation and conduct of «hybrid wars» in the context of using the media as an effective tool for indirect control of modern society for military purposes. At the moment, there are a number of standards, instructions, and agreements on the regulation of the development of biotechnology and bioengineering, on the prohibition of the production, storage and distribution of certain types of weapons, but at the same time there is not a single similar document in the field of media, which makes this field practically uncontrollable.

Keywords: iconic turn, media, indirect approach, controlled consciousness, modern technologies, subliminal impact, Liddell Hart's theory, digital footprint.

To cite:

Larionov V.V. [The modern media as a tool of the indirect approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 5–14 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-5-14>

Введение

Развитие современных информационных технологий и сети Интернет значительно расширили возможности в сфере коммуникаций не только крупных государственных и коммерческих организаций, но и рядовых пользователей. Однако мало кто задумывается о том, что все, что мы делаем в медиaprостранстве, контролируется не только провайдерами и органами государствен-

ной безопасности, но и специальными службами иностранных государств, которые помимо скрытого и удаленного сбора информации, включая информацию ограниченного доступа, успешно применяют широчайший спектр технических методов шпионажа, создавая тем самым непосредственную угрозу информационной безопасности России. В настоящее время ископаемые виды топлива быстро истощаются и в ближайшем будущем могут перестать быть главной

причиной международных столкновений. Новые вооруженные конфликты с большой долей вероятности будут цифровыми, противостояние в которых в первую очередь направлено на достижение лидирующих позиций в таких областях, как искусственный интеллект, изучение генома человека, информационная безопасность и создание новых видов оружия. Немецкий еженедельник *Der Spiegel*, ссылаясь на документы, рассекреченные бывшим сотрудником ЦРУ и АНБ Э. Сноуденом, опубликовал содержание американской цифровой военной стратегии, в соответствии с которой США готовятся к доминированию в киберпространстве, тем самым превращая Интернет в зону беззакония, где собираются действовать по своей собственной прихоти.

Лиддел Гарт преобразовал принцип стратегии не прямых действий в философский концепт [Лиддел Гарт Б., 2008, с. 12–13]. Автор пришел к выводу о том, что наличие высокотехнологического оружия, делает «тотальную войну» как метод и «победу» в ней как цель устаревшими концепциями. Процесс увеличения разрушительной силы оружия вплоть до возможной крайности «ядерного апокалипсиса» стал причиной пересмотра военной стратегии в целом, в результате ее основным инструментом стали выступать не прямые действия. Это позволило вести войну более разумно и без применения грубой силы, не вызывая упорного сопротивления противника, а воздействуя на него ассиметричными методами, применению которых способствуют широкое распространение и доступность не только и не столько разрабатываемых современных технологий, сколько уже готовых технологий двойного назначения, которые можно использовать в военных целях. Технические объекты в этическом и в ценностном плане нейтральны, они не воплощают и не транслируют каких-либо систем убеждения, но ответственность за последствия их применения возлагается исключительно на тех, кто их использует. Эту истину в качестве предупреждения еще в древности сформулировал великий мудрец Овидий, сказав, что «всякое в мире добро можно во зло обратить» и именно это утверждение как нельзя лучше дает объективную оценку всей деятельности человека, производимой им под влиянием экспоненциального роста технологических достижений в современном обществе.

В настоящее время под непрямыми действиями следует понимать искусство комплексного воздействия, направленного на политическое устройство и систему жизнеобеспечения атакуемого государства с последующим обострением внутренних противоречий, созданием кризисной ситуации и вооруженного конфликта, перераспределением сфер влияния, созданием «буферных зон» и «поясов нестабильности», получением доступа к источникам сырья и рынкам сбыта. Непрямые действия, связанные с политическим, экономическим и морально-психологическим воздействиями на противника, способами его дезинформации и подрыва изнутри всегда играли ключевую роль. При этом в последнее время все чаще отмечается, что для достижения геополитических или экономических целей используется скрытое или «латентное» противоборство, а также интенсифицируется применение невоенных форм борьбы. К основным способам комплексного воздействия, направленного на дестабилизацию обстановки внутри страны вероятного противника, можно отнести разрушение информационно-духовной сферы общества, экономики и сферы безопасности.

Объектом исследования выступают современные медиа; предметом исследования - процесс реализации стратегии не прямых действий посредством новых медиа технологий. Цель работы состоит в определении способов, масштабов и последствий медиа воздействия на современное общество. Автор полагает, что адекватной методологической основой для такого рода исследований является теория не прямых действий Лиддел Гарта, позволяющая найти практическое решение любой проблемы, возникающей вследствие явной противоречивости интересов и неизбежно приводящей к вооруженному конфликту.

Медиа как инструмент социального воздействия

Медиа как инструмент социального воздействия

Отправной точкой в появлении медиа можно считать наскальную живопись, выполненную древними людьми эпохи палеолита и ставшую возможно первым инструментом передачи информации потомкам задолго до возникновения письменности о значимых событиях в жизни

племени, его обычаях и ритуалах. Развитие письменности подтолкнуло людей к переходу от пещерных стен к другим более удобным носителям информации и вскоре практически полностью вытеснило традиционную устную форму передачи сказаний, легенд и приданий. Большие объемы текстов, определяющие, например, наличие всех существующих взаимосвязей между основными элементами того или иного сложного технического устройства, практически не воспринимаются человеком без поясняющего графического материала в виде иллюстраций, схем, графиков и диаграмм. Так, в инструкциях по сборке мебели текстуальная часть выполняет лишь роль справочного материала, представляя информацию о компании-производителе, ее реквизитах и гарантийных обязательствах, в то время как сам алгоритм сборки представлен рядом последовательных схематических рисунков с подробным указанием используемых деталей.

Принимая во внимание тот факт, что память человека имеет образно-ассоциативный характер, за основу медиареальности целесообразно принять визуальный образ, который становится новым универсальным языком целой эпохи, не столько отображая события, сколько конструируя и конституируя их. Этот процесс в медиафилософии получил название «иконический поворот» [Boehm G., 1994; Савчук В.В., 2012, с. 16–29]. Он обозначает сдвиг в социально-культурной ситуации, при котором вопрос о бытии переводится в план анализа визуальных образов, констатируя тем самым то, что в истоке формирования реальности роль визуального образа является основополагающей. Необходимо отметить, что визуальный образ есть восприятие человеком каналов аудио- и видеoinформации, при этом тактильные, обонятельные и осязательные каналы, неотъемлемо присутствующие в жизни каждого индивида, полностью репрессируются. В настоящее время существуют технологии, позволяющие передавать запахи и тактильное воздействие на расстоянии, создавая тем самым эффект полного присутствия. Для этого по информационным сетям совместно с аудио- и видеопотоками необходимо синхронно транслировать сигналы управления на датчики воздействия и картриджи с ароматами, находящиеся на стороне пользователя. Следует отметить, что из-за вы-

сокой стоимости оборудования данные технологии в жизни рядовых пользователей широкого применения так и не нашли.

В настоящее время медиа перестали рассматривать исключительно в значении посредника между исходным событием и реципиентом этого события, в них признали инструмент манипулирования общественным мнением [Lasswell H.D., 1971; Лабуш Н.С., 2017, с. 158; Маклюэн М., Фиоре К., 2012] в связи с тем, что медиа не столько транслируют информацию, сколько определяют формы ее восприятия [Хоркхаймер М., Адорно Т., 1997], обладая способностью кардинально менять как сущность коммуникации (сообщения), так и сущность информационного потока в целом [Kittler F.A., 1985]. Медиа полностью стерли географические границы государств, предоставив тем самым пользователям возможность круглосуточного общения в реальном времени с людьми, которые могут находиться даже на других континентах, позволяют наблюдать как за важными, так и за обыденными событиями, происходящими внутри отдельно взятых стран, и получать оценку произошедшего. С другой стороны, то, что видит пользователь посредством медиа, не может отражать всей действительности происходящего ввиду того, что его просто физически нет на месте событий, поэтому остается либо доверять транслируемой информации, либо ставить под вопрос увиденное. Таким образом, то, что мы видим посредством медиа, по сути является лишь тем, что нам показывают, и довольно часто во время просмотра медиа-контента появляется чувство, что, например, в новостных лентах транслируется недостоверная информация, однако в то же время мы не можем допустить, что это возможно на центральных государственных каналах. В этом случае имеет место обращение к ранее сформулированному стойками в теории познания «различию между теми фактами, которые можно знать с достоверностью на основе ощущений, и теми, которые на этой основе только возможны» [Рассел Б., 2019, с. 348]. Жан Бодрийяр в книге «Симулякры и симуляции» [Бодрийяр Ж., 2015, с. 12] определил последовательность смены фаз эволюции образа, показав, что образ в первую очередь есть не что иное как отражение базовой реальности, который далее искажает ее, затем маскирует ее отсутствие и,

наконец, отражает полное отсутствие ее принадлежности к какой-либо реальности вообще, чем бы она ни являлась, тем самым становясь своим собственным чистым симулякром.

Ряд проведенных научных исследований доказал, что интернет и в особенности социальные сети заставляют наше тело реагировать физически [Леонгард Г., 2018, с. 142], вырабатывая эндорфины и дофамин от простого осознания того факта, что кому-то из других пользователей сети настолько понравился выложенный контент, что он поставил под ним «лайк» или же оставил на странице положительный комментарий. Известный футуролог Г. Леонгардт в книге «Технологии против человека» ввел понятие «цифровое ожирение», которое трактует как психическое и техническое состояние, при котором данные, информация, СМИ и всеобщее цифровое единение распространены до такой степени, что однозначно негативно сказываются на здоровье, самочувствии, настроении и жизни в целом [Леонгард Г., 2018, с. 179]. Медиа все больше и больше ограничивают нас, отделяют от созерцания окружающего мира и прямого общения с людьми, загоняют нас обратно в пещеру Платона, наполненную иллюзиями обыденного мира, формируют зависимость от «умных устройств» и современных технологий, в конечном итоге выступая в роли троянского коня, внутренний механизм которого может быть использован как во благо человечества, так и против него.

В любом обществе всегда существовала и существует четкая система ценностей, определяющая поведение человека, которая включает в себя идеи и идеалы, религиозные убеждения, национальные традиции и обычаи. В ней формируются четкие нормы и шаблоны воспитания, а законы и нормативно-правовые акты принимаются на основе многочисленных проб и ошибок. Однако среди представителей любого общества находятся и те, кто по ряду причин не принимают установившиеся нормы поведения, а только прикрываются ими, чтобы не выделяться на фоне остальных.

В медиапространстве большинство людей считает, что, зарегистрировавшись на веб-сайтах или интернет-сервисах под вымышленными именами, они приобретают статус «инкогнито», однако это мнение является ошибочным и абсолютно не соответствует действительности. Существует такое понятие, как *циф-*

ровой след или *цифровой отпечаток* (англ. digital footprint), представляющий собой уникальный набор действий, совершенных пользователем в Интернете посредством просмотра веб-страниц, который впоследствии сохраняется в виде файлов cookies. Сбор данных может производиться как по пассивному цифровому следу [Girardin F., 2008], т.е. без ведома владельца, так и по активному цифровому следу, когда пользователь намеренно или неосознанно публикует свои персональные данные, чтобы рассказать о себе на веб-сайтах или в социальных сетях [Madden M. et al., 2007], проявляя тем самым крайнюю недалекость и неосторожность в обращении с новыми технологиями. Необходимо отметить, что еще в 1999 г. Скотт Макнили, главный исполнительный директор американской компании Sun Microsystems, говоря о конфиденциальности в Интернете, сказал: «У вас нет частной жизни. Смиритесь с этим!» [Sprenger P., 1999].

Действительно, в последнее время мы все чаще и чаще сталкиваемся с негативными последствиями влияния интернета, что выражается не столько в полной потере приватности и анонимности, сколько в том, что использование столь популярных «умных устройств», включая фитнес-браслеты, которые в тандеме с мобильными приложениями позволяют как производителям, так и представителям государственных силовых структур анализировать не только маршруты нашего перемещения, но и сердечный ритм, фазы и продолжительность нашего сна и даже насыщение крови кислородом. Определенно можно сказать, что технологии и те, кто их внедряет и уже внедрил, способны в настоящее время дать исчерпывающую оценку каждому из нас, определять то, о чем мы думаем и вырабатывать алгоритмы управления, стирая тем самым границы между нашей человечностью и современной технологичностью.

Формы и способы непрямого действия на современное общество при помощи новых медиа

Рост военно-политической напряженности на Ближнем Востоке, Украине и в других регионах мира свидетельствует о том, что не прямые действия выступают в роли источников военных угроз, осложняющих характер межгосу-

дарственных отношений, и приобретают скрытый механизм их эскалации в политической, экономической, межэтнической и межконфессиональных сферах. Формы не прямых действий реализуются посредством лоббирования «своих» президентов и правительств, скупкой за бесценок национального достояния и национальных богатств стран-доноров (в обмен на обещания им гарантий безопасности и других тайных привилегий), использованием террористических организаций, действующих на сопредельных территориях, осуществлением «гуманитарных» интервенций, а в ряде случаев переходом к открытому военному воздействию под ширмой миротворческих операций. Фундаментом для не прямых воздействий выступает полная информационная осведомленность государства-агрессора в отношении атакуемого субъекта. Действительно, применительно к предмету исследования можно сказать, что тот, кто не обладает полной информацией о враге, просто не представляет для него никакой угрозы, поэтому современные медиа и как элемент сбора данных, и как элемент воздействия на общество стали активно использоваться в качестве инструмента не прямых действий.

Экспоненциальный рост трафика в сети Интернет стал отправной точкой в процессе появления технологий, получивших название Big Data/«Большие данные» [Ларина Е.С., Овчинский В.С., 2014], успешно применяемых в разведывательной и контрразведывательной деятельности, направленных на обработку в режиме реального времени не структурированных информационных массивов различного формата и объема, в которые также входит автоматически сгенерированная информация и управляющие сигналы от подключенного оборудования, с целью анализа их содержания, структуризации, выявления корреляции и установления дальнейшего контроля за поведением общественных субъектов на основе выстраиваемых между ними социальных связей. Результаты статистического анализа, учитывая гигантский объем выборки, с большой вероятностью позволяют прогнозировать поведение объекта, которым может быть крупная компания, население отдельно взятого региона или экономика целого государства, как при самостоятельном принятии решений, так и под внешним воздействием. Таким образом, технологии больших

данных позволяют получить крайне эффективное средство воздействия, способное создать необходимую информационную реальность, или, иными словами, искаженную картину мира, обеспечив тем самым поддержку общества в необходимости и оправданности применения силовых мер.

Рассматривая технический аспект формирования видеоинформации, необходимо обратить внимание на эффект 25 кадра (сублиминальная реклама, англ. Subliminal message), лежащего в основе методики воздействия на подсознание людей посредством вставки в видеоряд скрытого материала. Несмотря на то, что в 1958 г. наличие психологического эффекта было полностью опровергнуто Американской психологической ассоциацией, интерес к сублиминальному, подпороговому воздействию не пропал, а, наоборот, в последнее время значительно усилился, в первую очередь за счет достижений в области когнитивных дисциплин и нейронаук. К другим способам воздействия посредством эффекта 25-го кадра можно отнести биовирусы, которые, используя цветодинамические изменения в транслируемой информации [Баришполец В.А., 2013], позволяют вводить пользователя в гипнотическое состояние и посредством изменения артериального давления влиять на его общее физическое состояние. Акустическое воздействие применяется в основном на частотах, лежащих ниже порога слышимости человека, поэтому на транслируемые стимулы накладывается более громкий маскирующий фон или используется специальное программное обеспечение, способное преобразовывать человеческую речь на подпороговый уровень восприятия [Баришполец В.А., 2013]. Не изменяя непосредственного поведения людей, подпороговое воздействие в медиа способно как минимум возбуждать эмоции и влиять на переоценку сложившихся убеждений, что уже в ближайшее время может привести к возникновению реальной проблемы сублиминального воздействия, выраженной в перспективе надвигающейся эпохи психотерроризма.

Необходимо отметить, что руководство США уже более семидесяти лет пытается найти методы и способы контроля и манипулирования человеческим сознанием. Ряд таких проектов, как «Чаттер» (Chatter) 1947–1953 гг., «Блуберд» (Blubird), начавшийся в 1950 г. и переименован-

ный в 1951 г. в «Артишок» (Artichoke), были направлены на разработку техник и препаратов для ведения допросов и вербовки агентов, в которых широко использовались техники гипноза, наркотические и психотропные вещества [Ross C.A., 2000]. Проект «МК-Ультра» (MK-Ultra – Manufacturing Killers Utilizing Lethal Tradecraft Requiring Assassinations), аббревиатура которого переводится как производство киллеров, использующих летальные методы тайных операций, стартовал в 1953 г. под непосредственным контролем нацистских ученых, тайно переправленных через Ватикан и Южную Америку в США после окончания Второй мировой войны. Его продолжением стал проект «Монарх» (Monarch), в рамках которого продолжились исследования по психологическому программированию не только военнослужащих, но также гражданского населения, преимущественно детей. Цель проектов «МК-Ультра» и «Монарх» заключалась в выведении посредством наркотиков, пыток и гипноза рабов с подконтрольным сознанием, у которых полностью отсутствуют принципы морали и традиционные ценности, которые готовы выполнить любой приказ своего «хозяина», каким бы низменным и преступно-циничным он бы ни был, а затем совершить акт самоубийства [Rutz C., 2001; Victorian A., 1999].

Применение результатов этих исследований можно наблюдать не только в ходе проведения специальной военной операции ВС РФ на Украине, но и в течении восьми предшествующих лет 2014–2022 гг., когда по указанию и полном содействии США, а также ряда других представителей блока НАТО, начался этап масштабированного и тотального «зомбирования» людей, в основу которого была положена националистическая идеология Третьего рейха по отношению к русскому народу и народам Донецкой и Луганской Народных Республик. В короткие сроки из эфира были удалены все оппозиционные каналы, лидеры и активные сторонники неугодных политических партий подвергались преследованиям, многие из которых получили реальные тюремные сроки, а некоторые и вовсе были ликвидированы. В стране началось формирование националистических батальонов, проводились факельные шествия, были развернуты учебно-тренировочные лагеря для обучения ведению боевых и террористических

действий не только представителей силовых структур, но также и детей. Был введен запрет на русский язык, переписана история, снесены памятники и монументы памяти участникам Великой Отечественной войны, СМИ наполнялись информационными вбросами («фейками»), введена цензура на новостные программы с четко выстраиваемой повесткой дня для манипуляции пророссийской информацией.

Поскольку воздействие на технические системы государственного или военного управления может быть расценено как акт прямой агрессии, то основным способом ослабления национальной и военной безопасности геополитического конкурента становится применение стратегии непрямых действий, основным инструментом которой, как уже было отмечено выше, являются медиа. Именно они позволяют с течением времени оказывать губительное воздействие не только на моральные ценности человека, но и на его поведение в обществе. Посредством медиа современное общество в последнее время все чаще и чаще подвергается процессам по *дестабилизации, дегуманизации, деинтеллектуализации, атомизации, дезориентации, космополитизации*, испытывает *троллинг, устрашение* и становится жертвой воздействия *вирусных атак*. Здесь необходимо отметить, что все вышеперечисленные процессы могут использоваться страной-агрессором как по отдельности и с разнесением по времени их проведения, так и одновременно.

Под дестабилизацией понимается умелое провоцирование недовольства населения страны военно-политической, социальной, экономической нестабильностью, низкими результатами борьбы с коррупцией, высоким разрывом в уровне доходов населения, упущениями в сферах здравоохранения, образования, правосудия, наличием нерешенных межнациональных и межрелигиозных проблем. Особое внимание отводится дискредитации армии и правоохранительных органов.

Дегуманизация является механизмом, направленным на разрушение системы моральных устоев общества с насаждением альтернативных, античеловеческих ценностей, автором которого является американский социолог Джозеф Овертон [Сивков К., 2016]. Именно так в Европе и США был легализован гомосексуализм, а в настоящее время продолжается пропа-

ганда педофилии, внедряется ювенальная юстиция, начался процесс легализации каннибализма, идея которого уже активно обсуждается в социальных сетях и на некоторых форумах находит поддержку до 77 % [Сивков К., 2016]. В качестве еще одного примера можно привести случай, когда голландские телеведущие съели по куску мяса друг друга в прямом эфире [Телеведущие съели..., 2011].

Деинтеллектуализация направлена на разрушение отечественного интеллектуального производства, перспективных разработок и системы образования в целом, посредством «перекупки» ведущих специалистов, использования на стратегически важных предприятиях страны импортного программного обеспечения и «умного железа». Главное внимание уделяется размыванию философской и методологической познавательной (когнитивной) деятельности.

Процессы атомизации и дезориентации в первую очередь нацелены на насаждение квазирелигиозных и лженаучных идеологических схем, хаотизацию сознания, подрыв доверия к руководству государства. Если лидер, пытаясь сохранить стабильную обстановку в стране, использовал силу, его обличают как кровавого диктатора, а если проявил мягкость, то он является главой коррумпированной верхушки.

Космополитизация призвана разрушить национальные ценности и произвести их замену на иностранные. Основной целевой аудиторией данного процесса выступает молодежь, у которой до конца еще не сформированы собственные ценности. В итоге формируется некая легальная социальная группа открытых носителей идеи «свободы самовыражения» и ее субкультура, реализуются попытки по дискредитированию истории и культурного наследия.

Троллинг позволяет внедрить в сознание пользователей сетей требуемое понимание комментируемых событий, либо разжечь нездоровый ажиотаж вокруг них, с целью их актуализирования и обсуждения. В одной из своих статей В. Буренок сравнил человека, занимающегося троллингом с муравьем информационной войны, и действительно, несмотря на то, что его действия носят ярко выраженный локальный характер, на огромном количестве сайтов эта работа действительно достигает поставленных целей [Буренок В., 2014].

Устрашение характеризуется переходом манипулируемых национальных СМИ в своих репортажах и программах от сухих фактов, логически обоснованных выводов и аналитических суждений, опирающихся на достоверные факты к эмоционально окрашенным утверждениям и информационным вбросам, векторно действующим на эмоционально когнитивную сферу индивида.

Вирусные атаки являются результатом организованной агрессии не только на конкретный, хорошо защищенный объект, но и на компьютеры обычных пользователей, с целью прямого съема информации, внесения сбоев в работу программного обеспечения, вплоть до дистанционного уничтожения отдельных электронных компонентов, блокировки международных систем межбанковских расчетов, шифрования данных организаций и пользователей с последующей продажей кодов разблокировки.

Заключение

Подводя итог, приходится констатировать факт того, что медиа уже настолько глубоко проникли во все сферы человеческой деятельности, что представляют собой, возможно, большую угрозу для всего человечества, чем ядерное оружие, хотя проектировались они и создавались совершенно для других целей. Медиа за достаточно короткий срок стали частью нашей повседневности, стремительно наращивая свой функционал от «знания меня» и «представления меня» до «бытия мной». В современном высокотехнологичном мире тот, кто владеет информацией, имеет власть и может управлять обществом. Действительно, ведь неслучайно многие мировые лидеры и политики по совместительству являются еще и крупными медиамагнатами.

Вряд ли многие известные физики-ядерщики, работая над фундаментальными научными и математическими проблемами, могли предположить, что в итоге будет создано оружие массового поражения. Аргументы, которые можно попытаться привести в оправдание этих открытий, в настоящее время звучали бы следующим образом: *если не мы это сделаем, то это сделает кто-то другой и, возможно, наш потенциальный противник; кроме угрозы человечеству, современные технологии могут также прине-*

сти миру и большую пользу, и, наконец, невозможно совсем остановить изобретательскую деятельность, потому что стремление к знаниям и творчеству является неотъемлемым элементом человеческой природы.

На сегодняшний момент мы имеем целый ряд стандартов, инструкций и договоренностей по регулированию развития биотехнологий и биоинженерии, о запрете производства, хранения и распространения отдельных видов оружия, но в то же время не имеем ни одного похожего документа в сфере медиа, что делает ее практически неконтролируемой. Так сможет ли человечество в ближайшее время отказаться от использования медиа в качестве основного оружия стратегии не прямых действий? К сожалению, ответить на этот вопрос положительно в настоящее время не представляется возможным ввиду того, что многие мировые державы до сих пор видят друг в друге не равноправных и выгодных партнеров, а вероятных противников, рассматривая их как источники угрозы своей национальной безопасности.

Список литературы

- Баршитолец В.А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. 2013. Т. 5, № 2. С. 62–104.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. в фр. А. Качалова. М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
- Буренок В. Групповой текст // Военно-промышленный курьер. 2014. № 42(560). С. 8.
- Лабуш Н.С. Экстремальный политический процесс: особенности форм и медиатизация: в 2 ч. Ч. 1: учеб. пособие. СПб.: Высш. шк. журналистики и масс. коммуникаций СПбГУ, 2017. 218 с.
- Ларина Е.С., Овчинский В.С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М.: Кн. мир, 2014. 352 с.
- Леонгард Г. Технологии против человека / пер. с англ. А.О. Юркова, М.Ю. Килина, Т.Ю. Глазкова. М.: АСТ, 2018. 320 с.
- Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий / пер. с англ. Б. Червякова, И. Козлова, Б. Любимова. М.: Эксмо, 2008. 464 с.
- Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ: Астрель, 2012. 224 с.
- Рассел Б. История западной философии / пер. с англ. М.: АСТ, 2019. 1024 с.

Телеведущие съели друг друга в прямом эфире // РБК. 2011. 20 дек. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/12/2011/5703f0e79a79477633d3b515> (дата обращения: 08.10.2022).

Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 350 с.

Сивков К. Бациллы плюрализма // Военно-промышленный курьер. 2016. № 5(620). С. 10.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум, 1997. 312 с.

Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder // Was ist ein Bild? / hrsg. von G. Boehm. München: Wilhelm Fink Verlag, 1994. S. 11–38.

Girardin F. Digital Footprinting: Uncovering Tourists with User-Generated Content // IEEE Pervasive Computing. 2008. Vol. 7, iss. 4. P. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.1109/mprv.2008.71>

Kittler F.A. Aufschreibesysteme 1800/1900. München: Wilhelm Fink Verlag, 1985. 440 S.

Lasswell H.D. Propaganda Technique in World War I. Cambridge, MA: MIT Press, 1971. 268 p.

Madden M., Fox S., Smith A., Vitak J. Digital Footprints // Pew Research Center. 2007. Dec. 16. URL: https://www.pewresearch.org/internet/wp-content/uploads/sites/9/media/Files/Reports/2007/PIP_Digital_Footprints.pdf.pdf (accessed: 17.09.2022).

Ross C.A. Bluebird: Deliberate creation of multiple personalities by psychiatrists. Richardson, TX: Manitou Communications, 2000. 406 p.

Rutz C. A Nation Betrayed: Secret Cold War Experiments Performed on Our Children and Other Innocent People. Grass Lake, MI: Fidelity, 2001. 308 p.

Sprenger P. Sun on Privacy: «Get Over It» // Wired. 1999. Jan. 26. URL: <https://www.wired.com/1999/01/sun-on-privacy-get-over-it/> (accessed: 08.10.2022).

Victorian A. Mind Controllers. Miami, FL: Lewis International, Inc., 2000. 216 p.

References

- Barishpolets, V.A. (2013). [Information and psychological security: basic provisions]. *Radioelektronika. Nanosistemy. Informatsionnye tekhnologii* [Radioelectronics. Nanosystems. Information Technology]. Vol. 5, no. 2, pp. 62–104.
- Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Moscow: «POSTUM» Publ., 240 p.
- Boehm, G. (1994). [The return of the images]. *Was ist ein Bild?* [What is an image?]. Munich: Wilhelm Fink Publ., pp. 11–38.

- Burenok, V. (2014). [Group text]. *Voennopromyshlennyy kur'er* [Military Industrial Courier]. No. 42(560), p. 8.
- Girardin, F. (2008). Digital footprinting: Uncovering tourists with user-generated content. *IEEE Pervasive Computing*. Vol. 7, iss. 4, pp. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.1109/mprv.2008.71>
- Horkheimer, M. and Adorno, T. (1997). *Dialektika Prosvetsheniya: Filosofskie fragmenty* [Dialectic of the enlightenment: Philosophical fragments]. Moscow: Medium Publ., 312 p.
- Kittler, F.A. (1985). *Aufschreibesysteme 1800/1900* [Note systems 1800/1900]. Munich: Wilhelm Fink Publ., 440 p.
- Labush, N.S. (2017). *Ekstremal'nyy politicheskiy protsess: osobennosti form i mediatizatsiya: v 2 ch.* [Extreme political process: features of forms and mediatization: in 2 pt.]. St. Petersburg: HSJMC SPbU, pt. 1, Publ., 218 p.
- Larina, E.S. and Ovchinskiy, V.S. (2014). *Kibernoyny XXI veka. O chem umolchal Edvard Snouden* [Cyberwars of the 21st century. What Edward Snowden didn't mention?]. Moscow: Knizhnyy Mir Publ., 352 p.
- Lasswell, H.D. (1971). *Propaganda technique in World War I*. Cambridge, MA: MIT Press, 268 p.
- Leonhard, G. (2018). *Tekhnologii protiv cheloveka* [Technology versus man]. Moscow: AST Publ., 320 p.
- Liddell Hart, B. (2008). *Strategiya nepryamykh deystviy* [Strategy of indirect actions]. Moscow: Eksmo Publ., 464 p.
- Madden, M., Fox, S., Smith, A. and Vitak, J. (2007). Digital footprints. *Pew Research Center*.

Dec. 16. Available at: https://www.pewresearch.org/internet/wp-content/uploads/sites/9/media/Files/Reports/2007/PIP_Digital_Footprints.pdf.pdf (accessed 17.09.2022).

- McLuhan, M. and Fiore, Q. (2012). *Voyna i mir v global'noy derevne* [War and peace in the global village]. Moscow: AST Publ., Astrel' Publ., 224 p.
- Ross, C.A. (2000). *Bluebird: Deliberate Creation of Multiple Personalities by Psychiatrists*. Richardson, TX: Manitou Communications Publ., 406 p.
- Russell, B. (2019). *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of western philosophy]. Moscow: AST Publ., 1024 p.
- Rutz, C. (2001). *A Nation Betrayed: Secret cold war experiments performed on our children and other innocent people*. Grass Lake, MI: Fidelity Publ., 308 p.
- Savchuk, V.V. (2012). *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Media philosophy. Attack of reality]. St. Petersburg: RChGA Publ., 350 p.
- Sivkov, K. (2016). [Bacilli of pluralism]. *Voennopromyshlennyy kur'er* [Military Industrial Courier]. No. 5(620), p. 10.
- Sprenger, P. (1999). Sun on privacy: «Get over it». *Wired*. Jan. 26. Available at: <https://www.wired.com/1999/01/sun-on-privacy-get-over-it/> (accessed 08.10.2022).
- [TV presenters ate each other live] (2011). *RBK*. Dec. 20. Available at: <https://www.rbc.ru/society/20/12/2011/5703f0e79a79477633d3b515> (accessed 08.10.2022).
- Victorian, A. (2000). *Mind controllers*. Miami, FL: Lewis International, Inc. Publ., 2000. 216 p.

Об авторе

Ларионов Виктор Владимирович
аспирант кафедры философии

Вологодский государственный университет,
160000, Вологда, ул. Ленина, 15;
e-mail: larsvic79@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3082-9763>
ResearcherID: GWZ-4690-2022

About the author

Viktor V. Larionov
Postgraduate Student
of the Department of Philosophy

Vologda State University,
15, Lenin st., Vologda, 160000, Russia;
e-mail: larsvic79@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3082-9763>
ResearcherID: GWZ-4690-2022

УДК 130.121:316.73

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-15-27>

Поступила: 01.02.2023

Принята: 15.03.2023

Опубликована: 10.04.2023

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ВИЗУАЛЬНОСТИ. ЧАСТЬ 1

Лумпова Мария Анатольевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Целью данной статьи является последовательный разбор проблематики феноменологического движения в теории видения. Показывается, что теория видения связана в феноменологическом проекте с напряжением разыгрывания субъективности: 1) с одной стороны, в феноменологически пассивном наблюдателе, и 2) в виде субъекта-актора (как Взгляд схватывания феноменов, так и Я конституирующего мир) — с другой. Исследования феноменологов в рамках рассмотрения пассивности раскрыли ее в позитивном ключе в качестве аффектированности. Это позволило философам выявить ряд так называемых глубинных феноменов (лицо, Взгляд Другого, след и т.д.). Тем не менее, напряжение между субъективностью в виде поля актов и поля аффектов так и не было разрешено. Более того, данное напряжение в итоге привело к фигуре апории дара и данности, когда глубинный феномен невозможно схватить в присутствии видения. Фактически это ведет к тому, что субъективность оказывается оторванной от своего мира, Другого самого собой себя. Констатируемая лишь формально первоначальность присутствия выбрасывается в слепую зону исследований, что приводит к проблемам схватывания полноты разыгрывания самости. Поиски выхода за пределы рамок, которые наложили на себя классические феноменологи, приводят третье поколение данного направления к проекту контринтенциональной субъективности. Проекты концептуализации субъекта видения, заданные в постфеноменологии М. Анри и Ж.-Л. Мариона, будут даны в следующей статье.

Ключевые слова: феноменология, постфеноменология, визуальные исследования, визуальный поворот, субъективность, аффектированность, дар, Гуссерль, Сартр, Марион, Анри, Взгляд.

Для цитирования:

Лумпова М.А. Феноменология и проблема визуальности. Часть 1 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 15–27. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-15-27>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-15-27>

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.03.2023

Published: 10.04.2023

PHENOMENOLOGY AND THE PROBLEM OF VISUALITY. PART 1

Maria A. Lumpova

Perm State University (Perm)

The purpose of the article is a consistent analysis of the problems of phenomenological movement in the theory of vision. It is shown that the theory of vision is connected in the phenomenological project with the tension of playing out subjectivity: 1) in a phenomenologically passive observer, on the one hand, and, 2) in the form of a subject-actor (both the View of grasping phenomena, and the Self constituting the world), on the other hand. The studies of phenomenologists within the framework of considering passivity revealed it in a positive way as affectation. This allowed philosophers to identify a number of so-called deep phenomena (face, Gaze of the Other, trace, etc.). However, the tension between subjectivity in the form of a field of acts and a field of affects was never resolved. Moreover, this tension eventually led to

the figure of the aporia of the gift and the given, when the underlying phenomenon cannot be grasped in the presence of vision. This leads to subjectivity being detached from its own world, the Other, and itself. Being only formally ascertained, affectation is thrown into the blind zone of research, which leads to problems in grasping the fullness of vision. The search for a way out of the framework that classical phenomenologists imposed on themselves leads the third generation of researches to the project of counterintentional subjectivity. Projects of conceptualization of the subject of vision given in postphenomenology by M. Henry and J.-L. Marion will be discussed in the next article.

Keywords: phenomenology, postphenomenology, visual research, visual turn, subjectivity, affectation, donation, Husserl, Sartre, Marion, Derrida, Henry, Gaze.

To cite:

Lumpova M.A. [Phenomenology and the problem of visibility. Part 1]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 15–27 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-15-27>

1. Проблематика визуальности в феноменологии. Движение от напряжения визуальности субъективности в качестве поля актов и поля аффектов к фигуре апории данности феномена и феноменальности в качестве дара

Движение феноменологии активно использовалось в исследованиях теоретиков «визуального поворота»¹. Тем не менее, опора как в позитивном, так и в критическом аспекте в подавляющем большинстве визуальных исследований строится на теориях феноменологов, ставших своеобразными «классиками» направления.² В виду этого целью первой части статьи является последовательный разбор затруднений, к которым пришла феноменологическая теория. Отметим, что рассмотрение данного затруднения происходит в специфическом русле проблематики феноменологического движения применительно к аспекту видения. Заранее скажем, что во второй части статьи мы перейдем к рассмотрению постфеноменологического проекта в лице М. Анри и (в меньшей степени Ж.-

Л. Мариона). Новый с ракурса рассмотрения в рамках визуальных исследований поворот в феноменологической теории — это уже само по себе примечательно. Однако нам кажется, что постфеноменологическое русло развития в философии представляет задел, выходящий за рамки в разработке теории внутри «визуального поворота», и приводит к иному способу концептуализации субъективности в принципе.

Прежде чем рассматривать постфеноменологическую теорию как в ее позитивных концептуализациях, так и в критике предшествовавшего ей движения, конечно же, невозможно обойти вниманием то проблемное поле в феноменологии, которое привело к своеобразному типу в ее развитии. Это проблемное поле можно обозначить как, *с одной стороны, напряжения разыгрывания субъективности в феноменологически пассивном наблюдателе, а с другой — как субъект-актор (как Взгляд схватывания феноменов, так и Я конституирующее мир)*³.

Расщепление субъективности с акцентировкой на конструктивных возможностях Я открывало для феноменологического проекта правые возможности Взгляда, вводило топику измерения темпоральности или временения в рамках движения субъективности, способность вносить свою лепту, изменять, производить, интерпретировать, т.е. проявлять себя как сущ-

¹ Самым характерным примером может служить книга Мартина Джея «Опущенные глаза», в которой феноменологии уделено значительное место в теории, схватывающей определенное направление в движении теории визуального присутствия (см. подробнее: [Jay M., 1994, p. 263–328, 493–542]).

² Отметим, что визуальные исследования не всегда обходили стороной постфеноменологическое русло развития направления. В качестве примера можно привести произведения М.Б. Ямпольского и Е.В. Петровской [Петровская Е.В., 2012, с. 68–97; Ямпольский М.Б., 2019, с. 136–171].

³ Следует отметить, что схватывание и направленность смежные единицы, но не тождественные моменты проявления акторности субъективности. На это указывает, в частности, С. Микали.

ностную часть мира, которая является в том числе и ее конститутивным источником. Такая организация с основой на *ситуативном*⁴ историческом субъекте видения задавала определенный модус, который раскрывал значимые участки движения Я в мире.

Однако ни один представитель феноменологии никогда не отрицал того, что субъективность является в том числе и *аффектированной*. Иными словами, за (интенциональными) актами и их (схватывающими) состояниями сознания подразумевалось проблемное поле, превышающее возможности созерцания. Оно не просто дополняло, но составляло единство в рамках исследования динамической концепции Взгляда. Существование пред-данного уровня выходящей за пределы интенциональной предметности в субъективности изначально получило наименование *пассивности*. Она являлась некоторым основанием или почвой, «на которой разворачивается свободная активность Я» [Ямпольская А.В., 2013, с. 156].

Следует заметить, что, если *субъективность в качестве Взгляда (Я, эго, правомочия созерцания, мир-для-меня, феномен как данность и т.д.) и его пассивная сфера (Я находящееся под Взглядом, самость Другого в качестве Взгляда, Лицо, Лик, Взгляд мира, среда, картина, икона и т.п.)* подразумевались как пересекающиеся и взаимно определяющие друг друга. Таким образом, данное напряжение, соположение друг с другом в качестве некоего *genit naturae* с необходимостью порождало исследования, подразумевавшие раскрытие и позитивной стороны «пассивности».

«Пассивность» в ее собственной не сводимой и превосходящей его в его деятельной стороне в том, как она организует и предшествует акторности Я, получила наименование *аффективности*. Исследования аффективности субъекта уже

в рамках движения феноменологии так называемого второго поколения феноменологов *позволило выявить ряд глубинных феноменов*⁵, превышающих и подрывающих самодостаточность трансцендентальности самости (Я как разыгрываемого абсолюта всех видимых им аподиктически заданных горизонтов интенции).

Тем не менее, данное выявленное поле глубинных феноменов субъективности подразумевало определенные трудности. Их спецификация выявляла факт, о который спотыкается теоретизация, представляющая разыгрывание субъекта. Глубинный феномен по определению является неким нечто, или тем, «что по принципиальным основаниям не может быть приведено к данности в явлении (курсив наш. — М.А.)» [Микали С., 2022, с. 9]. *Аффективность таким образом*, представляет поле, всегда ускользающее от Взгляда. Иными словами, философия претендует описать то, что описать буквально невозможно. Но какой-то процесс (пусть и мистический, таинственный аспект) видения происходит. А иначе феномен оказался бы недоступен вовсе. Ни для концептуализации, ни для чувственности в обыденной ли или теоретической топике мышления.

Глубинные феномены субъективности (если угодно, феномены присутствия «чужеродного» видения в мире-для-меня) констатировались в философии. Они есть. Но их невозможно увидеть ни в схватывании, ни тем более в интенциональном акте, направленности Взгляда. Причем также и опыт, представленный глубинными феноменами в связке с субъективностью, задает версию философского мышления, когда феномен «нельзя сводить к уже учрежденному порядку, но следует подтвердить его в уникальных способностях явленности» (курсив наш. — М.А.) [Микали С., 2022, с. 8], в

⁴ Не вдаваясь в подробности, отметим, что движение субъективности внутри феноменологии в ее классическом русле можно описать как (по преимуществу) *ситуативное*. Как отмечает А.Я. Слинин, «любые мои действия, *любые действия любого субъекта происходят в определенных ситуациях* (курсив наш. — М.А.)» [Слинин Я.А., 2004, с. 6]. Постфеноменология же пытается концептуализировать не просто дополнительное к акторности субъекта поле аффективности. Она также дает и иной ракурс рассмотрения субъективности, который в современной философии именуется *событийностью* или *событием*.

⁵ Следует отметить, что при наименовании таких феноменов также используется слово «радикальные». Тем не менее, слово «радикальный» подразумевает в большей степени область, которая относится к неимоверно малой толлике событий как в индивидуальном, так и в историческом плане субъективности. Иными словами, переходный, даже революционный этап ее существования. Термин «глубинности» более выгоден, подразумевая в том числе и поле повседневных практик, а также частную жизнь любого субъекта. Глубинные феномены относятся не только единицам революционеров, творцов или гениев, но являются частью каждого из нас.

которых она себя демонстрирует в качестве самой себя и из себя.

Специфичность, индивидуальность, уникальность субъективности *разыгрываются в поле, выводящем субъекта из ситуативной топики*. Однако субъект есть в настоящем и, следовательно, он ситуативен.

Данная группа «феноменов» подразумевает некоторую а) не исключительность роли меня и только меня в качестве центральной фигуры мироздания⁶ и б) выходящую за пределы привилегированности центрированности Я, и, тем не менее, *парадоксально* общую предзначимую данность фактичности существования, или таинственную сферу данного превосходящее данное.

Тем не менее, предшествующее субъекту схватывания поле феноменализации в виде аффектов учреждается в феноменологии лишь в косвенных пост-проявлениях интересубъективного опыта, т.е. уже искаженного восприятия, причем заданного в теории первоначальности разыгрывания эго и Другого как отделенных монад⁷. Но остается закономерный вопрос: «Я же себя как-то, в феноменах и через их организацию, являюсь для-себя?» И не только для-себя, но и для-других. Я не просто вижу других и по аналогии считываю отношение Другого ко мне. Иногда я нахожу некий странный, как бы выразился Левинас, «подкожный опыт» в себе или Другом. В какой-то момент я открываю, причем повторимся, не по аналогии со своим выражением чувств, а, казалось бы, неизвестно откуда невыразимую глубину внутри выражения чувства Другого. Как так происходит? Без рассмотрения механики и аналитики глубинных феноменов в их присутствии никак в этом не разобраться.

Итак, *«нечто показывает себя в явленном»* (курсив наш. — М.А.) [Микали С., 2022, с. 9] и, тем не менее, *всегда отсылает к тому, что принципиальным образом выходит за пределы*

явленного. Более того, оно выявляется, ни много ни мало, как сущностное для траекторий движения субъективности и ее взгляда на мир, другого, самого себя. Как можно описать такое движение, не редуцируя его до созерцания явления?

Изначально названное нами напряжение схватывается *в виде парадокса движения, исследовательских проектов, главная задача которых состояла «в том, чтобы выразить изначальный опыт и одновременно этот опыт сделать правомочным в его неотвратимой избыточности в отношении всякого рода непосредственных созерцаний и форм выражений»* (курсив наш. — М.А.) [Микали С., 2022, с. 9].

Здесь важно указать, что в развитии этого проекта феноменология наткнулась на некую неустранимую невозможность, заданную в созерцании. Уже у Гуссерля «феноменологическая рефлексия вообще *оставляет вопрос о “Я” открытым*» (курсив наш. — М.А.) [Комаров С.В., 2022, с. 60–61]. В ходе размышлений философа ретроспективно (несмотря на попытки описания пассивности/аффектированности) обнаруживается «наличие всегда неустранимого остатка “Я могу”, лежащего в основе любых феноменологических процедур» [Комаров С.В., 2022, с. 60–61]. Так, Гуссерль отмечает (раскрывая этот неустранимое поле «Я могу» через визуальность в качестве «Я вижу»): *«Я вижу, я подразумеваю не-данное, и это подразумевание, без сомнения, есть видение, явление»* (курсив наш. — М.А.) [Микали С., 2022, с. 20] Следует подчеркнуть, как сам Гуссерль выдвигает проблематичное и одновременное манифестирующее для «Я вижу» замечание: *«сомнение и т.п. есть, но я всегда говорю Я, мое видение, мое сомнение и т.д., я нахожу это, бросая на это взгляд»* (курсив наш. — М.А.) [Микали С., 2022, с. 20].

Отметим, что сам Гуссерль замечает затруднительность, которая обнаруживается в видении, и не удовлетворен данным развитием как окончанием собственной мысли. Более того, он выдвигает и важную концептуальную характеристику своего затруднения. *«Нечто, не-данное все-таки мне как-то дано, но “оно мне дано не так, как переживания”»* [Микали С., 2022, с. 20]. Тут же Гуссерль уточняет важный момент характера переживания, разнящегося с опытом, превосходящим данность, — оно *«есть это Я, я теперь»* (курсив наш. — М.А.) [Микали С., 2022,

⁶ Как отмечает А.Я. Слинин «в “картезианских размышлениях” Гуссерля сказано, что в центре помещается *моя психофизическая структура* (курсив наш. — М.А.)» [Слинин Я.А., 2004, с. 54].

⁷ Тем не менее, существующие практики показывают, что, даже не зная друг о друге, люди обладают неким общим сверхчувственным коллективным опытом, единением, которое можно наблюдать на примере, казалось бы, парадоксального «множественного открытия» в обществе.

с. 20]. Столкнувшись с данным парадоксом, философ ставит вопрос: «разве это вновь не нечто подразумеваемое, и не идет ли речь *опять же о подразумевании не-данного? И не есть ли это подразумевание опять же не данное?* (курсив наш. — М.А.)» [Микали С., 2022, с. 20]. Однако, задав крайне трудное для осмысления вопрошание (превосходящее акт «я вижу» *нечто, не-данное, которое само по себе для субъекта выступает в качестве «мне не дано в теперь»*), Гуссерль отказывается дать на него какой бы то ни было ответ.

Подвешенное и не разрешенное в основании феноменологии противоречие раз за разом встает камнем преткновения для последующих философов. Как покажет последующий анализ, итогом данных размышлений станет констатация, с одной стороны, *апории субъективности как полюса аффектов, и актов — с другой*. То, что изначально выявлялось как проблематичное напряжение, постепенно становится радикальной фигурой разрыва, которую невозможно преодолеть. Более того, при видимости сохранения данной проблематики апории, как показывают теоретики, относимые к постфеноменологическому движению, философия субъективности разыгрывалась в рамках довлеющего полюса ее акторности или «Я вижу».

В частности, еще Сартр в ранней работе «Воображаемое...» в главе, посвященной аффективности, показывает, что видение, например, белых рук связано с желанием полагания объекта. Таким образом, чувствуя взглядом «близну», «тонкость», «индивидуальность» рук, они (руки) оказываются поставлены/представлены перед взглядом на уровне, так и не достигшем существования. *«Передо мной лишь замещающий их эквивалент, конкретный и наполненный, но неспособный существовать сам по себе»* (курсив наш. — М.А.) [Сартр Ж.-П., 2002, с. 148–149]. Однако, как отмечает Сартр, данная ситуация складывается тогда, когда видение в своем желании аффектировано формой и движением. Иное дело, поясняет философ, когда *«объектом образа является цвет, вкус, какой-нибудь пейзаж, выражение лица»* (курсив наш. — М.А.) [Сартр Ж.-П., 2002, с. 148–149] и т.п. С позиции гетеро-аффективности или аффективно-когнитивного синтеза, из которой строит первоначальность видения Сартра, *данные образы ничего не содержат* [Сартр Ж.-П.,

2002, с. 148–149]. Непосредственное наличие существование сопряжено с невозможностью, как выразился Стендаль, увидеть «физиономии вещей» [Сартр Ж.-П., 2002, с. 149].

В топике визуальности данное напряжение при переходе от объектных отношений к аффектации присутствия было продолжено Сартром в его концепции Взгляда Другого. Другой и его рамка в «Бытии и ничто» выводилась через разотождествление с эгологией самости, задавая нечто в субъективности, расстраивающее ее в качестве централизованного поля актов, когда: «Я перестаю быть только лишь субъектом видения, но внезапно осознаю, что Я — объект чужого взгляда; не только вижу, но и видим» [Ямпольская А.В., 2013, с. 158]. В стыде, когда «я чувствую, как вещи глядят на меня», Сартр, а после него Мерло-Понти, Левинас и Деррида, обозначали *субъективность (одновременно указывая на иную для ситуативного Я характеристику подорванной центрированности и монадичности самости), которая представляла «посредником в феноменализации мира»* (курсив наш. — М.А.) [Ямпольская А.В., 2013, с. 158].

Тем не менее, еще у Сартра хотя и обозначался момент важности Взгляда, направленного на меня, также встречалось и важное затруднение. Пока я направляю Взгляд на равноположенного мне Другого, я не могу видеть его Взгляда. И наоборот, когда Другой направляет свой Взгляд на меня, Я в стыде, в собственных опущенных глазах, заставший самого себя врасплох перед Другим, не могу глядеть в ответ. Более того, в данной концепции, есть и интригующий парадоксальный момент. Несмотря на то, что Я проявляет свою свободу в собственном Взгляде, Я также и буквально желает ничтожащего самость Взгляда Другого, т.е. предстать захваченным в поле его видения. Я желаю видеть, и я желаю, чтобы меня захватили в качестве видимого. Но, по Сартру, данные желания связаны с конфликтом внутри интерсубъективного опыта [Сартр Ж.-П., 2020, с. 467–548].

На самом глубинном уровне данная апория субъективности как 1) полюса аффектов, и 2) актов получает распространение в дискуссиях, связанных с понятием *дара*. Следует пояснить, что дар не сводится к иллюстрации подарка, ритуала и т.п. *Данный термин обозначает феноменологизацию мира аффектирован-*

ной субъективности. Но в поле субъективности актов дар низводится, рамируется до данного в созерцании явления. *Напряжение дара/данности в субъекте раскрывает как конкретно визуальный момент (восприятие лица Другого, его Взгляда, и попытке увидеть Взгляд, в эмоциональной цветности лица, присутствии, сонастройке, просвета моих отношений с Другим), так и в качестве онтологическом (разыгрывание динамических отношений человека и мира, соположение Я с Другим, видение субъекта самим собой).*

Так, Сартр указывает дар как основу в диалектике свободы субъекта: «Свобода существует только как дарящее; она и устраняется как дарящая себя (курсив наш. — М.А.)» [Энафф М., 2015, с. 17]. Рассматривая интерсубъективность в качестве Я и Другого, двух свобод, двух Взглядов, Сартр приходит к мысли, что они становится взаимным поглощением субъективности: «Дар — двойственная, всегда нестабильная структура; вытекающая, может быть, из желания двух свобод договориться, он становится попыткой магического порабощения» (курсив наш. — М.А.) [Энафф М., 2015, с. 17]⁸.

В последующем развитии магистральной феноменологии во Франции данное направление приобретает радикальную трактовку в теории Деррида. Дар, согласно философу, — не просто один из феноменов, он вообще не попадает по категории определения в качестве феноменологии созерцания. Дар — непосредственная фигура невозможного в созерцании. Обязательно следует уточнить, что Деррида ни в коем случае не отрицает дара. Он не говорит, что дар только невозможен, и тем более не утверждает, что его нет. Однако философ показывает не просто двойственность или нестабильность, но сущностную невозможность дара явить себя в качестве такового. Так, Деррида отме-

чает: «Дар заставляет мыслить о себе как то, что было бы, по существу противоречивым, если следовать непостижимому уранению: А = не-А (курсив наш. — М.А.)» [Энафф М., 2015, с. 29]. Такая формулировка дара как фигуры невозможного раскрывается, как апория, проявляющаяся при «сопряжении невозможности возможного и возможности невозможного» (курсив наш. — М.А.) [Энафф М., 2015, с. 29]. Однако, как справедливо указывает Марсель Энафф, концепция дара Деррида подразумевает не просто временный характер аперии. Это апория неизгладима по своему существу, представляя «“саму ее фигуру” то есть апорию абсолютную (курсив наш. — М.А.)» [Энафф М., 2015, с. 29] и вряд ли неразрешимую⁹. Теоретически, мы не можем не констатировать дара, представляющего субъективность в качестве поля аффектов. Но схватить его мы оказываемся также не в силах, ибо схватывание подразумевает его уже в рамочном принципе созерцания в качестве того, что низводится до данности. Как сказал Деррида: «Событие, именуемое даром, полностью чужеродно теоретической идентификации, феноменологической идентификации» [О даре..., 2011, с. 150].

Примечательна в данном контексте формулировка Э. Левинаса. Философ, продвинувшийся в проблематике некоторой антисартрианской теоретизации, исходя из истока Взгляда Другого, более чем кто-либо сопологался с Сартром в том, что «отношение к лицу не есть познание объекта» [Вдовина И.С., 2009, с. 267]. Лицо или лик, «не феномен, таящий, но тем самым выдающий вещь в себе» [Вдовина И.С., 2009, с. 266]. Тем не менее, даже Левинас показал, что путь, откуда приходит лик, не есть он сам, но представлен «следом», который, по сути, является другим глубинным феноменом. След представляет из себя то, «чего в соб-

⁸ Несмотря на данную негативную трактовку взаимного «порабощения», мы не можем пропустить обычно ускользающий от теоретиков факт развития концепции субъективности у Сартра. В «бытии и ничто» двое были не способны на одновременную направленность Взглядов друг к другу. В «Тетрадах по морали» уже намечается проект того, что в постфеноменологической концепции Мариона уже позитивно развивается в «перекрестье взглядов». У Сартра, исходя из его концепции, такой проект, к несчастью, наткнулся лишь на формулу взаимности как обоюдности «порабощения взглядов».

⁹ Жак Деррида, уточняя в дискуссии различия к концепции дара между ним и Жан-Люком Марионом, довольно прямо высказывает свою позицию: «Я хочу воспроизвести свой текст и настоять на том, что нечто представляется мне невозможным: чтобы дар выступал в качестве такового и при этом оставался даром, выступил как дар со стороны дарителя и со стороны получателя дара, настоять на невозможности того, чтобы дар присутствовал, был сущим как присутствующим. Я таким образом, разрываю связь между даром и присутствием (курсив наш. — М.А.)» [О даре..., 2011, с. 149].

ственном смысле никогда не было здесь, что есть всегда минувшее» (курсив наш. — М.А.) [Вдовина И.С., 2009, с. 267]. Таким образом, дар (лицо, Взгляд Другого, непосредственное видение присутствия эмоций и т.д.) постоянно оказывается наличествующим в качестве *сущностно отложенного* и потому скрытого в присутствии как отсутствующего. И, как оказывается, сокрытость (к примеру, лицо Другого, мое лицо в зеркале и т.д.) нерасторжима. Субъект, по итогу, натывается на предел в виде глубинного феномена следа. *Оказывается, что в ситуации дар предстает как уже-не-дар. Это дар минувший, дар перечеркнутый в движении, в скатившейся в прошлое во временно-сти субъективности как собственности.*

Философия субъективности, таким образом, оказывается запертой или приговоренной, если резюмировать наши рассуждения в топике иконичности, на *видеть*, конструировать Я в качестве Взгляда, тем самым прерывая, приостанавливая непосредственное присутствие, т.е. обращенный ответный Взгляд в качестве лица Другого мира. В конечном счете непосредственность присутствия пространственно-временной фигуры *Другого*, отличного от субъекта (в конституции заданной в качестве для-меня), помещается в изначальности *отсутствующего*, т.е. *инородного*, *Чужого* для-самости элемента. Важно, что Дар оказывается не просто недоступен для концептуализации теоретиков. В практическом отношении он констатируется философами как находящийся в изначальном «уже-упущено» для созерцания. На такой драматический итог, в частности, указывает Д. Захави, поясняя, что к нему приходят не только Гуссерль, Сартр, Левинас и Деррида, но также Хайдеггер и Мерло-Понти. Для феноменологии «разделение, разъединение и противопоставление», есть «структурные элементы любого рода манифестации» [Захави Д., 2016, с. 170–171].

2. Феномен видения и критический аспект постфеноменологии

До сих пор мы обсуждали некоторую общую топикку в развитии феноменологического проекта. Некоторыми она принималась в качестве пусть и драматической, но единственной, которая могла бы принципиальным образом концептуализировать процессуальные отношения мира

и человека, Я и Другого, субъекта с самим собой во временности существования. Причем как в визуальном плане, так и вообще. Однако существовали также и те, кто полемически воспринял текущее движение философской мысли¹⁰.

В феноменологическом движении (примерно в то же самое время, что и движение иконологов) наблюдался побочный уровень разнородных дискуссий, споров и претензий, который на рубеже веков был объединен общим наименованием постфеноменологии. В своей критике постфеноменологи показывали изначальную шаткость и двусмысленность фундамента используемого ими философского направления, вскрывали общую с визуалистами проблематичность текущего понимания субъективности, в том числе и применительно к ее визуальному эквиваленту. Проекты различных постфеноменологов до сих пор не приведены к общему знаменателю и составляют множество разнородных точек на выход из рассмотренной выше апории.

Изначальной полемической точкой для представителей постфеноменологии выступает критика принципа всех принципов в феноменологии Э. Гуссерля. Напомним, что он гласит следующее: «любое дающее из самого первоисточника *созерцание есть правовой источник познания, и все, что предлагается нам в “интуиции” из самого первоисточника* (так сказать, в своей настоящей живой действительности), *нужно принимать таким, каким оно себя дает*, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает (курсив наш. — М.А.)» [Гуссерль Э., 2009, с. 80].

Как отмечается представителями третьего поколения феноменологии, такая изначальная точка созерцания и рамочность данности, заданная в «принципе всех принципов», и является некоторым стартом для драматического итога определения субъективности в качестве разрыва между полем актов и полем аффектов. Фактически она непредумышленно манифестирует аффицируемость в ее изначальном каче-

¹⁰ Напомним, что в «визуальном повороте» 80-х – 90-х гг., данная критика выростала из конкретности почвы собственных нужд и анализируемого материала изображений, дойдя до уровня попытки выработать собственные аналитические категории видения [Бахманн-Медик Д., 2017, с. 29].

стве: *пассивности или следа дара в поле данности*, подразумевающей исток в *акторности эго*¹¹ и приводит к итогу, связанному с *разрывом между ними*, который преодолевается *исключительно за счет экстатического выхода субъективности вовне данного пассивного и отчужденного Я в мир, отношения с другим и самим собой*.

Сбрасывание аффективности в данность/явленность, в которой она предстает как *заключенная в слепую зону акторности для «классической» феноменологии*, проявляется в том, что субъективность, якобы постулируемая в качестве одновременного движения как поля актов, так и поля аффектов, оказывается связана с тем, что *некое вовне ее активности (с, если угодно, бессознательным, телом в качестве плоти, Другим, миром, целой вселенной) лишь формальным образом*. На это указывает, Мишель Анри: «Фиксированная *формальная структура потока сама по себе есть ничто* и не определяет никакого реального конкретного потока (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2016, с. 46]¹². *Рамка созерцания выкидывает аффек-*

¹¹ Конечно, легко заметить активность эго в «абсолютной свободе», декларируемой Сартром. Но ведь даже исток из Другого в левинасовском проекте концептуализирован как начальное я, или его центрированности. Тезис гипотетичен. Однако нельзя отрицать тот факт, что именно Я должно совершить жест опускания спускового механизма оружия перед возгласом Другого: «Не убий». Такой Взгляд, как в «убийственной», так и в «не-убивающей» трактовке, в общем и целом, *говоря об акте соположения в рамках ничтожения друг друга*, мы бы поименовали в качестве концептуализации топики философии XX в. как временности Взгляда «военного положения».

¹² Более тонок в этом плане анализ Мариона. Если Анри видит в «принципе всех принципов» последующую фигуру разрыва между миром для-меня и миром как таковым, то Марион *выявляет несоответствие между абсолютной возможностью явиться (феноменальностью) и тем, что задано как условная возможность явиться (феномен)*. Однако, *определив данное разграничение в качестве условной и безусловной возможности, философ также отмечает, что начиная с «принципа...», субъект непременно а) низводит изначально более широкое поля феноменальности до ее бедного, скудного остатка, б) постулирует реальность как скудную, то есть приравненную к условной возможности*. (см.: [Марион Ж.-Л., 2014, с. 66]). Если выразиться афористически, то по Анри все в феноменологии пошло «медленно и неправильно», и человек в итоге оказался «грустен и растерян». По Мариону же «все смешалось в доме Облонских». Но если сказать конкретнее, то, согласно Мариону, конечность эго в его интенции осуществила перенос. Пугающая бесконечность многообразия мира наделилась качествами содержания прав индивида. В рамировании правомочий созерцания

тированность в инородность, травмирующе-пугающую чужеродность для-меня. Субъект такого истока может при соприкосновении с тем, что является и постулируется как важная и исходная его составляющая, испытать лишь угнетающий эго опыт: поглощения, расстворения, шока, доходящего до обморока, незаживающей раны, скандала, страха, обморока, даже бытия как движения-к-смерти и т.п.

Уже здесь, подходя к предельным для классической феноменологии и глубинным для постфеноменологии феноменам, сам Гуссерль наталкивается на все то же знакомое напряжение, которое впоследствии взведется его последователями в апорию. С одной стороны, «опыт Чужого возводится ко вторичной, собственно, производной форме конституирования, которая предполагает, объективное время» [Микали С., 2022, с. 32]. Однако парадоксальным образом, с другой стороны, согласно феноменологии, объективное время «собственно может конституироваться только посредством вхождения Другого» [Микали С., 2022, с. 32–33]. Это отвергает весь проект в деструктивное столотоверчение и ни к чему не ведущее движение по кругу или его радикальное перечеркивание и разрыв^{13,14}.

По сути, лишь надеясь, что как-то дающееся и переходящее в данное соотносятся, в итоге феноменология раз за разом становится в итоге *констатацией уже-не-дара, или феноменализацией, наталкивающейся на обреченность познавать себя (Другого, мир) как след, и лишь подразумевающую себя в ряде других глубинных феноменов. Что немаловажно, данные глубинные феномены с позиции эгологии монадичности Я становятся рекурсиями ничтожащейся феноменализации*. Субъект, прорываясь за гори-

субъект осуществил спасительную для его психики практику, поименовав скудность пассивности мира и центр возвышенности конкретной самости.

¹³ Если про позицию Деррида и понятие дара понимать как перечеркнутой структуры, апории невозможности возможного и возможности возможного, которую, исходя из предыдущих рассуждений, можно констатировать как фигуру уже-невозможности, то некоторый промежуточный уровень рассогласования/согласования субъективности в общих чертах можно найти в нашей статье при анализе воображаемого у Сартра [Комаров С.В., Лумпова М.А., 2021b, с. 424–426].

¹⁴ В топике визуальности данное напряжение более всего явлено Сартром в «Бытии и ничто» в концепции Взгляда и глаза.

зонт явленности, все так же прозябает в тех рамочных, формальных условиях или глубинных, но уже пришедших в региональность феноменах, которые как-то (как?) указывают на свою глубину вне ничтожения рекурсии для-меня.

Более того, оказывается, что в классическом проекте феноменологии (согласно Анри) претензия развернутой структуры, предполагающей временность субъективности, основанной на ее соположенности с объективностью в фактичности, на проверку связана с *отказом от чувственности*, уходом в до-, пред-, за- поле субъективной автоманифестации, т.е. в движение, оторванное от более широкого и глубинного уровня реального, его негативное *экранирование* и низведение до качества последыша в уже-не-ощущаемой, но видимой явленности.

В итоге, область дара, присутствия-в, заменяется слепым истоком в виде *чистого феномена или (что, по сути, одно и то же) пустого и безразличного монадического множества бытия, проявляющегося в бытии как бытии, но в первоначальности, лишённого чувственности бытия или расчищенного не-бытия для-меня*. Причем Анри отмечает характеристики данного пустого, чистого или лучше сказать вычеркнутого и вычищенного дара в субъективности в ее качестве непреднамеренной первичности пучка актов. «Содержание, без которого форма ничто, но которое, <...> феноменологически и онтологически ей гетерогенно, представляется как именно *не контингентное не гетерогенное по отношению к ней* (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2016, с. 46].

Такое непредумышленное, но в итоге лишь негативное движение манифестирует Я как вечно стремящееся к движению в ситуации (причем как направленности, так и ситуативного рассогласования в движении с самим собой). Оно алкает взорвать путы своих горизонтов Видения, но раз за разом обнаруживает свое присутствие как *вечно оторванное от движения событийности в реальности*. Присутствие, дар быть, *довериться непосредственному чувству и сказать «есть что-то еще»*, некоторая *парадоксальная очевидность чувственности видения*, остается всегда заперта за семью замками. Болезненная чувствительность внимательности интенциональности хватает как можно больше всего и проглядывает все. Я предвижу и воображаю предметность в утопи-

ческой вере «еще не...». Я сожалею об упущенном в прозаической апатии «уже не...»¹⁵. Субъект ситуации интенциональности Взгляда оказывается заключен в «теперь» и в скатывание в регион «там было». Но за ним маячит первоначальное а) качество абсолютного будущего «*ничего там нет*» и б) качество абсолютного прошлого «*все исчезло*».

Посему, несмотря на то, что хвост ретенции и горизонт протенции при переживании внутри интенциональной логики субъективности задается как регрессивно-прогрессивная рамка события меня (с миром, другим, самим собой) во времени и пространстве, когда она, казалось бы, «без конца отсылается к новым, еще неизвестным переживаниям и, следовательно, отсылается к горизонту несводимой и постоянно обновляющейся новизны» [Марион Ж.-Л., 2014, с. 68], низводит Я в своем движении к *демоническим*¹⁶ *вспышкам повторения и различа-*

¹⁵ Про термин апатии взгляда современной субъективности, пожалуй, лучшее описание можно найти в книге «Эра пустоты», которая затрагивает весь сенсориум идентичности, к которому пришло общество второй половины XX в. Жиль Липовецки и его поизведению опять же в плане визуальности в общих чертах мы уделили внимание данной работе в статье [Комаров С.В., Лумпова М.А., 2021а, с. 187–188].

¹⁶ Демоническое мы ни в коем разе не понимаем как частный феномен (алкогольной горячки, шизофренических галлюцинаций или религиозных сговоров ведьм с дьяволом). Здесь мы отталкиваемся от анализа, который феномену демонического задает Кьеркегор. «Демоническое — есть нечто *бессодержательное, скучное*» [Кьеркегор С., 2014, с. 160], и далее философ поясняет: «*Скука*, неумиранье — это как раз есть *непрерывность внутри Ничто* (курсив наш. — М.А.)» [Кьеркегор С., 2014, с. 160]. Что самое знаменательное: «Бессодержательное, скучное означает опять-таки нечто закрытое» [Кьеркегор С., 2014, с. 161]. Поясняя бессодержательность и закрытость в топике визуальности, Кьеркегор мимоходом произнесет удивительную метафору, которая (сугубо по нашему мнению) могла бы соревноваться с декартовским то ли человеком, то ли автоматом: «Пожелай я теперь напомнить о терминологии новейшей философии, я мог бы сказать, что демоническое там негативное, Ничто, которое подобно девушке-эльфу: *когда смотришь на нее со спины, видно, что она поляя внутри* (курсив наш. — М.А.)» [Кьеркегор С., 2014, с. 161]. Причем философ дает последующее замечательнейшее разъяснение своего пространного описания. «Негативное — если бы мне пришлось использовать это слово — означало бы форму Ничто, точно так же как бессодержательное соответствует закрытому. Но и в негативном есть тот недостаток, что оно определяется скорее вовне; оно обозначает отношение к чему-то другому, что как раз и отрицается, тогда как закрытое обозначает именно состояние (курсив наш. — М.А.)» [Кьеркегор С., 2014, с. 161]. Поясним пояснение Кьер-

ния. Темной оборотной стороной медали такой временности становится *тавтологичность присутствия и хождение по замкнутому кругу*. Гостеприимство ширящихся горизонтов мира для-меня оборачивается кошмаром, когда Я являюсь странным гостем, когда, если я что-то сейчас не сделаю (причем обязательно важного, полезного, значимого), то меня тут же выгонят. Я скверный гость, если мир, приняв меня, вывел итог: на меня никто не взглянул. И это самое главное, *Я становится попыткой избежать становления тем самым «плохим» гостем, которого никто в целом мире будто бы и не звал/ждал, не хотел видеть здесь и сейчас*.

Но обратимся к мысли Гуссерля еще раз. Так он отмечает: «Горизонт познанного в качестве феномена одновременно подразумевает и взгляд “за” горизонт, постоянное движение феноменального. Некое переживание, ставшее объектом для взгляда Я, а следовательно, обладающее модусом увиденного, наделено своим горизонтом неувиденных переживаний» [Марион Ж.-Л., 2014, с. 68]. Но ведь данное движение выступающего проявляется как *вечное ускользающее* от субъекта в становлении иного в *характерологии горизонтов эго* феноменов. Более того, видимое в рамках сугубо горизонтов в точке «теперь» ужаснейшим образом становится соскальзывающим в прошлое «всегда уже». Я уже видел, я всегда знал. В конце концов, если не и видел, Мне предвиделось, подразумевалось, предвосхищалось. Парадоксальным образом «Я вижу» подразумевает способность видеть, которая происходит исключительно в силу того, что субъект становится *нечувствителен к видимому глубины, в котором содержится иное*. Видимость как дар низводится до созерцания в качестве предсказуемого ответа. Оно становится скучным и навязчивым гостем в моем доме, обозначающим невозмож-

кегора в общих чертах. Негативно, Извне себя ищу Взглядом Другого я подразумеваю Другого, но всякий раз, находя его в первоначальности негативности ничтожащего Взгляда, натываюсь на уходящую спину. Таким образом, демоническое видение за всяким движением и во всяком движении живет и идет в истоке своего *состояния*. Причем впереди или позади себя, обнаруживает повернутого, всегда *спиной к нему*, мифически полого Другого. Не разворачивая подробно содержание всего произведения отметим, что это и многие другие высказывания философа (по поводу хотя бы демонического взгляда) еще ждут своего осмысления и переосмысления в XXI в.

ность опыта концептуализации непосредственного единения чувствительности в ее многозначности. Я его (ее) уже предвидел, а он (она) все знает (познала) обо мне. Я все уже Видел того, кто ко мне идет. Но тогда в своем желании гостеприимства обнаруживаю, что я будто бы просто *вынужден* кого-то принять. Гостеприимство будто в кошмарном повторяющемся сне оборачивается в рамку эго, когда на организованной в твоём доме вечеринке перед тобой все разыгрывают сценку из пошлого и всем известного кино. *Грядущая встреча, к которой Взгляд столько готовился, оборачивается спектаклем*, в котором все топорные фразы и жесты Я знает наизусть. Субъект гостеприимства *готов умереть от скуки и одновременно встревожен* от ощущения, что уйти из собственного дома ему некуда. Везде все то же самое. Сам он в других домах точно такой же скучный и топорный распомаженный гость Взгляда чужого спектакля.

Концептуально при такой логике, по Анри, субъект оказывается обречен на заключение в форме пребывания, подразумевающей *вечное возвращение* в «теперь», «Я вижу тут, здесь, и вот оно, и в то же время цикличность или то, что философ именуется как нечто, что “*постоянно присутствует*” (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2016, с. 47], а Микали называет феноменологической редукцией «*к абсолютно теперь*» (курсив наш. — М.А.) [Микали С., 2022, с. 23]. Незримое, изначально выведенное из игры присутствия, выносится не просто в слепое, а пустое и чужеродное нечто. Субъект видения оказывается тем, что при любой трансценденции экстатический Взгляд самости, исходя из интенционального истока, никогда не достигнет [Анри М., 2016, с. 74].

Иными словами, феноменология, начав свою аналитическую конструкцию с фактической манифестации объективности и не прояснив ее связь с самоманифестацией субъекта, в постоянном движении в холостую «за горизонт», скатывается в то, что *невидимое, новое, лишь вовне связанное с прошлым и будущим, навсегда остается, по сути, оторванным от видимого или выброшенным за видимость*. «Любая трансцендентность брошена к горизонту, который простирается за пределы видимого и в котором видимое отсылает к некоему еще не видимому ил к некоему уже виденному — в

предположении, что *само видимое, это просто точечное присутствие*, в идеале погруженное в поток, уже не есть уже увиденное, но претворяется в потерю из виду, в не-видимое, в “бессознательное”, где тонет все, что разыгрывается в мире и принадлежит к нему (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2016, с. 47].

Иными словами, прошлое и будущее оказываются, по Анри, *двумя негативными и бессодержательными формами отсутствия в данности настоящего, к которым в точке вечного присутствия «теперь» движется и никак не подступает Взгляд*. Интересно, что такая направленность на поверку не образует подразумеваемой изначальной целостности схватывания времени и приобретает вид жуткого *regretuum mobile*, в котором *интенциональный Взгляд субъективности заведомо обречен на положение абсурдного сизифова труженика, когда 1) всегда видишь только то, что есть; 2) то, что невидимо, нельзя ни увидеть, ни перестать пытаться увидеть*.

Субъект Взгляда оказывается замкнут в невротически гиперчувствительном к современности «теперь», подразумевая обратной стороной свою лишенность в чувствительности к присутствию «тогда» и «потом». Как метафорически напишет об этом Анри «Тот, кто находится на этом узком гребне теперь, не просто стоит одной ногой на земле, тогда как другая висит в воздухе, но непрерывно колеблется от одной позиции к другой, шатаясь, словно пьяный или *словно человек, бегущий против хода по эскалатору или беговой дорожке* (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2016, с. 41]. Такой бесконечный колебательный процесс еще Поль де Ман крайне точно назовет головокружением (*vertige*) сознания, непрекращающимся движением «интерсубъективной демистификации» [Ман П. де, 2002, с. 21].

В более строгой форме на данное движение демистификации субъективности укажет Микали: «Если сосредоточиться только на пограничном понятии теперь на “*вот этом*”, по Гуссерлю, собственно ничего не остается: актуальное Теперь постоянно становится Прошедшим, выходит, за пределы актуальных абсолютных способов данности» [Микали С., 2022, с. 22]. Самое удивительное, что посыл вечного возвращения в сфере данности иронически отсылает к своей ужасающей изнанке, оборотной стороне негативной диалектики, основанной на

пустом множестве вычеркнутого дара внутри данности. Не дойдя до своего, превышающего это истока, «редукция к чистому Я в своем роде заходит слишком далеко: стремясь “*к чистому феномену — к данности*” — и оставаясь сугубо в ее поле — “*она [данность] в результате парадоксальным образом наталкивается лишь на Ничто*” (курсив наш. — М.А.)» [Микали С., 2022, с. 22]. Причем субъективность не просто наталкивается, но парадоксально, как будто бы и алкает и несется в своей обреченной тавтологической скуке, мечтает прорваться и оборваться, разорваться в этом напряжении из абсолютного «теперь» к полюсу, который в сфере данности не видим иначе, нежели в качестве абсолютной темноты ничто¹⁷.

Не развивая данную мысль парадоксального прорыва к ужасу поистине космической темноты Чужого, отметим, что, по Анри, интенциональная субъективность в форме автоманифестации трансцендирующего Взгляда, сколько бы не осуществляла данный проект прорыва, в итоге всякий раз самообманывается. Согласно философу, субъект остается заключенным на нахождение либо в движение *повторения* в плане имманентности «тут», либо на куда не ведущее и на чем не основанное *ничто* в плане трансцендирования «за». *Радикальный посыл критики Анри в том, что два крайних пути — повторения и разрыва, грозят двойным ужасом, основанном на вечном возвращении*: а) времени в качестве повторения «теперь», когда кажется, что все уже есть; б) одновременным и парадоксальным подспудным и сосуществующим с круговращением «из теперь» или ужасом движения в ничто, когда «кажется, все исчезает» [Микали С., 2022, с. 22].

Поэтому следует отметить, что поиски контринтенционального движения в постфеноменологическом проекте говорят о радикальном и причем давно назревшем повороте в феномено-

¹⁷ Примечательно, что такое неизбежное «соскальзывание» из абсолютного теперь в абсолютное ничто оборачивается уже для Гуссерля ужасом пустоты, на который указывает Микали. Удивительнейшим образом раз за разом разыгрывается в философских проектах данный «ужас пустоты», обозначая предел существования субъекта. Концепты бытия-к-смерти, *Angst, ilya*, феномен «больше-не», сжигания и всеожжжения субъекта появляются в качестве таких слепых точек истока и исхода самости у Хайдеггера, Левинаса, Рикера и Деррида соответственно [Микали С., 2022, с. 22].

логии. Как несколько радикально напишет Анри о проекте постфеноменологии, его задача «состоит не в том, чтобы добавить к порядку феноменов еще некоторые, на которые до сих пор не обращали внимания, но в том, чтобы переосмыслить ее основу» [Анри М., 2016, с. 47]. В топике визуальности он связан с изменением 1) знака фактичности, перехода от негативного, чистого, пустого, перечеркнутого ее рассмотрения (разрыв, повторение, отсутствующее присутствие в качестве фона Взгляда, чистое присутствие и т.д.) к позитивному проекту. Выход к позитивному концептуализированию аффективности, которая «предшествует любым действиям агента и участвует в их конституировании» [Ямпольская А.В., 2013, с. 156]. ведет за собой и более радикальное 2) пересмотрение всего движения субъективности. Позитивные проекты рассмотрения неинтенционального субъекта видения в материальной феноменологии или феноменологии жизни М. Анри и избыточности феноменальности и насыщенного феномена Ж.-Л. Мариона будут рассмотрены нами во второй части статьи.

Список литературы

- Анри М. Материальная феноменология / пер. с фр. Г.В. Вдовиной. М.: СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016. 208 с.
- Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 504 с.
- Вдовина И.С. Феноменология во Франции (историко-философские очерки). М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2009. 489 с.
- Захави Д. Мишель Анри субъективность и имманентность // Анри М. Материальная феноменология. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016. С. 169–187.
- Комаров С.В. Вопрос о субъекте: от рефлексивности к сингулярности // Новые идеи в философии. 2022. Вып. 9(30). С. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590/2022-9-58-70>
- Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть I // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 179–190. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-179-190>
- Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть II // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 423–432. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-423-432>
- Кьеркегор С. Понятие страха / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Академ. проект, 2014. 224 с.
- Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академ. проект, 2014. С. 63–99.
- Микали С. Избыточность опыта. Пограничные измерения Я по Гуссерлю. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2022. 284 с.
- О Даре: Дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // Логос. 2011. № 3(82). С. 144–171.
- Петровская Е.В. Теория образа. М.: РГГУ, 2012. 280 с.
- Ман П. де. Слепота и прозрение. СПб.: Гуманит. акад., 2002. 256 с.
- Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М: АСТ, 2020. 1072 с.
- Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2002. 319 с.
- Слинин Я.А. Феноменология intersубъективности. СПб.: Наука, 2004. 360 с.
- Энафф М. Дар философов. Переосмысление взаимности М.: Изд-во гуманитар. лит., 2015. 320 с.
- Ямпольская А.В. Аффективность как историческое измерение субъекта // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 155–164.
- Ямпольский М.Б. Изображение. курс лекций. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 424 с.
- Jay M. Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought. Berkeley, CA: University of California Press, 1994. 648 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520915381>

References

- Bachmann-Medick, D. (2017). *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v nauках o kul'ture* [Cultural turns. New orientations in the study of culture]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie Publ., 504 p.
- Man, P. de (2002). *Slepota i prozrenie* [Blindness and insight]. St. Petersburg: Humanitarian Academy Publ., 256 p.
- Henaff, M. (2015). *Dar filosofov. Pereosmyslenie vzaimnosti* [The philosophers' gift: Reexamining reci-

procity]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., 320 p.

Henry, M. (2016). *Material'naya fenomenologiya* [Material phenomenology]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 208 p.

Husserl, E. (2009). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya. Ob-schee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu* [Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy: First book: General introduction to a pure phenomenology]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 489 p.

Jay, M. (1994). *Downcast eyes: The denigration of vision in twentieth-century French thought*. Berkeley, CA: University of California Press, 648 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520915381>

Kierkegaard, S. (2014). *Ponyatie strakha* [The concept of anxiety]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 224 p.

Komarov, S.V. (2022). [The question of the subject: from reflexivity to singularity]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 9(30), pp. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590/2022-9-58-70>

Komarov, S.V. and Lumpova, M.A. (2021). [Non-classical subject of vision. Part I]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 179–190. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-179-190>

Komarov, S.V. and Lumpova, M.A. (2021). [Non-classical subject of vision. Part 2]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 423–432. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-423-432>

Marion, J.-L. (2014). [Saturated phenomenon]. *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo*

Frantsii i za ee predelami [(Post)phenomenology: new phenomenology in France and beyond]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., pp. 63–99.

Mikali, S. (2022). *Izbytochnost' opyta. Pogranichnye izmereniya Ya po Gusserlyu* [Redundancy of experience. Boundary dimensions of the I according to Husserl]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 284 p.

[On the gift: a discussion between Jacques Derrida and Jean-Luc Marion]. (2011). *Logos*. No. 3(82), pp. 144–171.

Petrovskaya, E.V. (2012). *Teoriya obraza* [Image theory]. Moscow: RSUH Publ., 280 p.

Sarte, J.-P. (2002). *Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya voobrazheniya* [The imaginary: a phenomenological psychology of the imagination]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2002, 319 p.

Sarte, J.-P. (2020). *Bytie i nichto* [Being and nothingness]. Moscow: AST Publ., 1072 p.

Slinin, Ya.A. (2004). *Fenomenologiya intersub'ektivnosti* [Phenomenology of intersubjectivity]. St. Petersburg: Nauka Publ., 360 p.

Vdovina, I.S. (2009). *Fenomenologiya vo Frantsii (istoriko-filosofskie ocherki)* [Phenomenology in France (historical and philosophical essays)]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 400 p.

Yampol'skaya, A.V. (2013). [Affectivity as historical dimension of subject]. *Voprosy Filosofii*. No. 3, pp. 155–164.

Yampol'skiy, M.B. (2019). *Izobrazhenie. Kurs lektsiy* [Image. Course of lectures]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 424 p.

Zahavi, D. (2016). [Subjectivity and immanence in Michel Henry]. *Anri M. Material'naya fenomenologiya* [Henry M. Material phenomenology]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., pp. 169–187.

Об авторе

Лумпова Мария Анатольевна
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ma.lumpova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-8179>
ResearcherID: AAS-4601-2021

About the author

Maria A. Lumpova
Postgraduate Student of the Department
of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ma.lumpova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-8179>
ResearcherID: AAS-4601-2021

УДК 1(091):[141.5:159.927.2]

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-28-39>

Поступила: 01.02.2023

Принята: 15.03.2023

Опубликована: 10.04.2023

АТОМИЗМ, «СУММА ТЕОЛОГИИ» И ЭКСПЕРИМЕНТЫ Б. ЛИБЕТА: ПРОТИВОРЕЧИЯ В РЕШЕНИЯХ ПРОБЛЕМЫ СВОБОДНОЙ ВОЛИ СУБЪЕКТА

Воробьева Кристина Викторовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье рассматриваются противоречия, которые возникают при решении проблемы свободной воли субъекта. Выдвигается тезис о том, что данные противоречия вызваны несоответствием взглядов на свободу воли и теми онтологическими основаниями, из которых они выводятся. Этот тезис последовательно доказывается как на примере историко-философского материала, так и на основе современной дискуссии, развернувшейся после открытий Б. Либета и его последователей. На примере Эпикура показывается, что в рамках античной натурфилософии проблему свободной воли можно было решить лишь путем произвольного исправления существующей картины мира. Ошибочность идей Эпикура и Демокрита объясняется как отождествлением природных и социальных процессов, так и некритическим подходом к категориям причины и следствия. При рассмотрении идей Фомы Аквинского выявляется ряд непреодолимых противоречий, свидетельствующих о невозможности совместить свободу воли субъекта и теологический принцип провиденциализма. Рассматриваются подходы философов Возрождения и Нового времени к обозначенной проблеме, связанные с попыткой преодолеть данное противоречие и вновь возвращающие философскую мысль к натурфилософии. Раскрывается диалектический подход Иммануила Канта, который сделал определенный шаг в сторону разрешения противоречий, связав свободу воли с понятием морали и долга. Анализируется философская интерпретация экспериментов Б. Либета, и опровергается идея, согласно которой сознательные решения человека детерминированы активностью его нейронов. Такой ошибочный тезис выводится из онтологической парадигмы, признающей принципиальную однопорядковость всех без исключения объектов и феноменов. В современной науке существует трудность в разрешении психофизиологической проблемы, и пока нет понимания, как работает механизм перехода биологически обусловленных процессов материального субстрата в плоскость идеального. Но это обстоятельство не делает правомерной попытку разрешить проблему свободной воли путем ее прямого выведения из физиологических процессов организма. Такой подход представляется биологической редукцией и сопоставим с идеями Демокрита или Эпикура. Все рассматриваемые в статье примеры демонстрируют несостоятельность попыток вывести свободу воли или ее отсутствие из чего-то внешнего по отношению к человеку. Однако онтологические основания, на которых основывались мыслители при решении данной проблемы, не позволили им усмотреть источник свободной воли субъекта. Делается вывод о том, что свобода воли должна быть имманентно присуща человеку. Для решения обозначенной проблемы необходимо не только опираться на данные научных открытий, но и диалектически подходить к их интерпретации.

Ключевые слова: свобода воли, детерминизм, атомизм, Фома Аквинский, эксперименты Б. Либета, необходимость, случайность.

Для цитирования:

Воробьева К.В. Атомизм, «Сумма теологии» и эксперименты Б. Либета: противоречия в решениях проблемы свободной воли субъекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 28–39. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-28-39>

**ATOMISM, «SUMMA THEOLOGICA»
AND B. LIBET'S EXPERIMENTS: CONTRADICTIONS IN SOLUTIONS
TO THE PROBLEM OF THE SUBJECT'S FREE WILL**

Kristina V. Vorobieva

Perm State University (Perm)

The article deals with the contradictions that arise when solving the problem of the subject's free will. A thesis is put forward that these contradictions are caused by the discrepancy between the views on free will and the ontological foundations from which they are derived. This thesis is consistently proved on the basis of both the historical and philosophical material and the modern discussion that unfolded after the discoveries of B. Libet and his followers. An analysis of the ideas of Thomas Aquinas reveals a number of insurmountable contradictions indicating the impossibility of combining the free will of a subject and the theological principle of providentialism. The approaches of the philosophers of the Renaissance and the New Age to the indicated problem are considered, these being associated with an attempt to overcome this contradiction and again turn philosophical thought to natural philosophy. The dialectical approach of Immanuel Kant is presented as taking a certain step toward resolving the contradictions through linking free will with the concept of morality and duty. The philosophical interpretation of B. Libet's experiments is analyzed and the idea of conscious decisions of a person as determined by the activity of his neurons is refuted. Such an erroneous thesis is derived from the «flat ontology» paradigm. The popularity of this approach is due to the difficulty in resolving the psychophysiological problem and the lack of understanding of the mechanisms for the transition of biologically determined processes of the material substrate to the field of the ideal. The groundlessness of such a conclusion is explained by biological reduction and the vulgar materialistic approach of modern authors, similar to the ideas of Democritus or Epicurus, who derived free will from the movement of atoms. All the examples considered in the article clearly demonstrate the fallacy of attempts to derive free will or its absence from something external to a person. The thesis that free will must be immanently inherent in man is substantiated. To solve the problem of free will, it is necessary not only to rely on the data of scientific discoveries but also to approach their interpretation dialectically.

Keywords: free will, determinism, atomism, Thomas Aquinas, B. Libet's experiments, necessity, chance.

To cite:

Vorobieva K.V. [Atomism, «Summa Theologica» and B. Libet's experiments: contradictions in solutions to the problem of the subject's free will]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 28–39 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-28-39>

В философии проблема свободы воли была обозначена еще в античности, и с тех пор она не утратила своей актуальности. По мере развития философской дискуссии проявлялись все новые аспекты в осмыслении этого вопроса, а каждая последующая эпоха порождала новые трудности в его разрешении. Мысль о свободе переплеталась с идеями о сущности сознания и человека в целом, его месте в мире и способе существования. Формулировка проблемы свободной воли

традиционно сводится к вопросу о том, есть ли у человека возможность самостоятельного выбора между двумя или несколькими альтернативными вариантами и последующем действии в соответствии со своим выбором. Этот вопрос, как правило, конкретизируется путем сопоставления свободы с детерминизмом, и в современном понимании звучит как проблема соотношения природного или божественного детерминизма с интеллектуально-нравственной свободой субъекта.

екта [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 503]. Однако при положительном ответе на вопрос о существовании свободы воли возникает вопрос относительно области ее реализации, т.е. при каких условиях она существует, а также на что и в какой мере распространяется [Юрасов А.А., 2021].

Таким образом, решая проблему свободной воли, необходимо последовательно рассмотреть ряд вопросов: существует ли в социальном мире детерминация или все решения человек волен принимать произвольно? Для того, чтобы осветить философскую дискуссию на эту тему, в статье будут рассмотрены три основных вида детерминации: природная (космологическая), божественная (теологическая) и нейробиологическая (выступающая своего рода «модификацией» природного детерминизма). Далее необходимо ответить на вопрос о том, влечет ли за собой детерминация полное исключение свободы и автоматизацию поведения людей, или же она совместима со свободным волеизъявлением. Для этого представляется необходимым прояснить источник свободной воли: является ли она частью природного миропорядка, или имеет сверхъестественное происхождение (дарована богом), или же свобода воли укоренена в сущности самого человека и имманентно присуща субъекту? Помимо этого стоит кратко рассмотреть и противоположные, индетерминистские концепции, в частности, вопрос о том, является ли отсутствие любой каузальности естественным и необходимым условием свободы?

Безусловно, рассмотреть все имеющиеся подходы к обозначенной проблеме в рамках статьи — невыполнимая задача, не говоря уже о попытке разрешить этот спор, уходящий своими корнями в тысячелетнюю историю философской мысли. Однако представляется возможным заострить внимание на одном существенном аспекте данной проблемы — на причинах тех противоречий, которые традиционно проявляются в попытках разрешить проблему свободной воли. Трудность здесь объясняется не только тем, что речь всегда идет о предельных категориях, но и тем, что для решения необходимо выстроить цельную картину мира и определить место человека в нем. Нельзя подходить к обоснованию свободной воли, основываясь лишь на собственных моральных принципах. Подлинное обоснование должно

исходить из непротиворечивой онтологической концепции, которая будет способна объяснить феномен свободной воли. Подтверждение этого тезиса можно увидеть на примере представлений Эпикура, Фомы Аквинского и Бенджамина Либета. Идеи этих авторов являются внутренне противоречивыми и не выдерживают критику именно вследствие того, что их онтологические предпосылки несовместимы с выводами относительно возможности свободного волеизъявления человека.

Часть 1. Историко-философский анализ космологического и божественного детерминизма. Свобода воли у Эпикура и Ф. Аквинского

Эпикур, первым обосновавший наличие в мире возможности недетерминированного волеизъявления, исходил из принципиальной позиции, что свобода воли должна присутствовать как необходимое условие существования этики и вообще нормальной жизни человека в природе и социуме. Для этого Эпикур критиковал натурфилософское учение Демокрита, в котором обосновывался крайний детерминизм, а причинная обусловленность отождествлялась с необходимостью. Исключая случайность из своей картины мира, Демокрит указывал, что «люди сотворили себе кумир из случая как прикрытие для присущего им недомыслия» [Лурье С.Я., 1970, с. 32]. Любое событие, происходящее в мире, согласно Демокриту, происходит в силу природной необходимости, которая представляется людям как причинность, если они ее фиксируют, или как случайность, если человек не может определить причину. Логика Демокрита сводилась к тому, что ничего в мире не происходит без причины, а ее наличие означает, что событие должно произойти с необходимостью. Люди, состоящие из атомов, как и все в мире, подчиняются этому природному порядку вещей, а, значит, не обладают свободой воли.

Подобное представление о человеке не могло устроить Эпикура, усмотревшего цель философии в том, чтобы помочь людям достичь счастья и безмятежности. «В философии Эпикур находит удовлетворение и блаженство. “Ты должен служить философии, — говорит он, — чтобы достигнуть истинной свободы. Тому, кто подчинился и весь отдался ей, не приходится

долго ждать; он тотчас же становится свободным. Ибо само служение философии есть свобода» [Маркс К., 1975, с. 163]. Свобода в данном контексте — внутренняя свобода личности, обретаемая путем рассудочных упражнений, усилий по познанию мира, дарующая субъекту внутренний покой (т.н. *ἄταραξία*). Поэтому Эпикур ставит перед собой задачу обосновать наличие свободы воли: «так как лучше уж следовать мифу о богах, чем быть рабом предопределенности, (почитаемой) естествоиспытателями, ибо вера в мифы дает хоть в живых образах надежду на то, что, воздавая почтение богам, удастся вымолить их расположение, а предопределенность, (почитаемая естествоиспытателями), заключает в себе неумолимую необходимость» [Лурье С.Я., 1970, с. 37]. Здесь отчетливо видно, что Эпикур вносит коррективы в идеи Демокрита исходя из своих ценностных установок, но оставаясь при этом в рамках натурфилософского анализа: «Эпикур придумал, как избежать (сквозной) необходимости (от Демокрита, стало быть, это ускользнуло!): он утверждает, будто атом, несущийся по прямой линии вниз вследствие своего веса и тяжести, немного отклоняется (от прямой). Он говорит, что только при допущении отклонения атомов можно спасти свободу воли. Цицерон. О судьбе 10, 23: Эту теорию (т.е. отклонение, *παρέγκλισις*) Эпикур ввел из боязни, что если атом должен вечно двигаться в силу тяжести, естественной и обусловленной необходимостью, то на нашу (долю не останется) никакой свободы, так как и движение души будет всецело обусловлено движением атомов» [Лурье С.Я., 1970, с. 38].

Этот натурфилософский подход античных мыслителей, как известно, был продиктован самим характером зарождающейся философской мысли Древней Греции. Тогда человек еще не противопоставлялся природе, не был вполне «отделен» от нее, т.е. ощущал себя как часть макрокосма. Это означает, что и Демокрит, и придерживающийся противоположной позиции Эпикур допустили одинаковые ошибки. *Попытка свести человека и его сознание к законам природы, непонимание своеобразия человеческой сущности не позволили атомистам увидеть источник свободной воли субъекта.* В этом смысле несколько точнее высказывался Аристотель, впервые обративший внимание на

то, что человеческий разум является источником специфической причинности, отличной от природы или случая. Однако еще одной существенной ошибкой представляется трактовка Демокрита и Эпикура самих понятий «необходимость» и «случайность». С точки зрения современного подхода к этим категориям, необходимость можно определить как то, что вытекает из самой сущности материальных систем, процессов, событий и как то, что должно произойти (или происходит) так, а не иначе; случайность — это то, что имеет основание и причину преимущественно не в самом себе, а в другом, что вытекает не из главных связей и отношений, а из побочных, что может быть, а может и не быть, может произойти так, но может произойти и по-другому [Краткий философский словарь, 2008]. Причинная обусловленность присуща как необходимому, так и случайному, а значит, наличие детерминизма еще не означает отсутствие случайных событий, и вопрос о наличии свободной воли у человека в рамках представленной дискуссии по-прежнему остается нерешенным.

Желание Эпикура «примирить» существующие представления о мире со своими убеждениями понятно. Этому примеру Эпикура последовали и средневековые мыслители. На место природной детерминированности пришла божественная предопределенность, но необходимость совместить ее со свободой воли оставалась. Более того, эта необходимость была продиктована не только личными ценностными установками мыслителей, но и логикой христианского (и шире — любого монотеистического) вероучения. Человеку вменяется ответственность за грехи, он должен предстать перед божественным судом, а значит, поступки, совершенные им, должны быть следствием свободного волеизъявления. Сочетание свободной воли человека с принципом божественного предопределения порождало целый ряд противоречий, но в попытках выйти из них мыслители углубляли и усложняли само понимание свободы.

К примеру, Августин Аврелий определяет волю как движение духа, никем не принуждаемое и направленное к сохранению или приобретению чего-либо. Таким образом, свобода становится одним из признаков воли. Далее Августин отличает от этой естественно присущей любому волевому акту свободы иную сво-

боду, проявляемую в отношении нравственного содержания, то есть свободу от греха [Пархоменко Р.Н., 2013]. Единственная полностью свободная от греха сущность, способная творить добро, — это бог. Человек же обладает свободой к одному лишь злу, он лишен возможности делать выбор — грешить или совершать праведные поступки, — это его расплата за первородный грех. Добро возможно для человека лишь благодаря действию сверхъестественной силы, которая проявляется в человеке, но не исходит непосредственно от него. Августин совмещает в своем учении уже существовавшие до него идеи о свободной человеческой воле как источнике зла, и о свободе в ее теологическом понимании как о возможности выбирать благо. Но с задачей обосновать свободу воли Августин вряд ли справляется — в его концепции не остается практически никакого пространства для свободного выбора, все зависит от божьей благодати, на которую человек не в силах повлиять.

Фома Аквинский предпринимает более радикальные попытки обосновать свободу воли человека. Провиденциализм средневековья обязывает мыслителя к признанию того факта, что все причины в конечном счете исходят от бога. Но, в отличие от Демокрита, Фома Аквинский не сводит наличие причинной обусловленности явлений к отсутствию случайностей в мире. Он пишет о том, что случайность можно рассмотреть двояко: «Во-первых, саму по себе, в той мере, в какой она в настоящий момент актуальна; и в этом смысле она рассматривается не как будущая, но — как уже осуществленная ... Во-вторых, случайность можно рассматривать постольку, поскольку она существует в причине ... Если кто знает случайное следствие только в его причине, тот имеет о нем лишь предположительное знание. Но Бог знает случайности не только в той мере, в какой они существуют в своих причинах, но также и в той, в какой каждая из них актуальна сама по себе. И хотя случайности актуализируются последовательно [во времени], однако Бог знает их не последовательно, как мы — по мере актуализации их бытия, но одновременно» [Фома Аквинский, 2002, с. 198].

Будет ли что-либо с необходимостью, или произойдет случайно, зависит от бога, т.е. бог определяет не только сами события, но и то,

каким образом они будут происходить. Однако в таком подходе смысловое различие между этими антонимичными категориями как будто стирается: то, что в нашем мире предстает как случайное или необходимое, в уме бога уже свершилось, а значит, обязательно должно случиться и в реальности с течением времени. Получается, что в средневековой картине мира различие между необходимостью и случайностью иллюзорно, т.к. все с неизбежностью исходит из божественной воли и определяется проведением. Признание этого факта подводит нас к выводу о том, что действительная, а не иллюзорная свобода воли едва ли может быть совместима с божественным детерминизмом.

На первый взгляд кажется, что свобода воли в средневековой картине мира все же присутствует, и ей обладает высшая духовная сущность — бог, а это, в свою очередь, должно дать нам предпосылки к тому, что свобода воли возможна де-факто. И Фома Аквинский, вслед за Августином Аврелием и другими теологами пишет о том, что бог абсолютно свободен, ведь он — ничем не детерминированная сущность, причина всех причин. Однако при внимательном прочтении «суммы теологии» можно отметить, что и свобода ничем не детерминированного бога не является самоочевидной. Фома Аквинский, говоря о «бестелесных сущностях», вводит «свободу от всяческого изменения». При этом связь свободы с неизменностью выглядит парадоксально, и можно предположить, что Аквинат использует этот концепт только для того, чтобы выйти из противоречия. Последнее здесь кроется в самой идее, что бог обладает ничем не ограниченной свободой, что невозможно, т.к. абсолютность и неподвижность бога накладывает на него ограничения.

Чтобы увидеть это, следует разграничить вслед за Фомой Аквинским какие бы то ни было изменения по своему характеру: изменения вынужденные — «изменяемые силой, принадлежащей другому» и произвольные — «изменяемые собственной силой». И если мы говорим про вынужденные изменения, то здесь идея Фомы Аквинского про свободу от изменений понятна, полностью свободен от них лишь бог. Но сложность возникает тогда, когда мы говорим про произвольные изменения, ибо они не противоречат идее свободы, а наоборот, могут быть с ней ассоциированы. Однако бог, как со-

вершеннейшее существо, не способен произвольно изменяться.

Помимо этого, в отличие от человека, чья свобода воли в случае морального выбора ограничена, бог, очевидно, должен обладать полной свободой. При этом можно заметить, что бог, будучи абсолютным благом, не может делать выбор в пользу зла. Фома Аквинский изящно маскирует это затруднение, заменяя категории добра и зла понятиями бытие и небытие: «Он может избирать любую из противоположностей, ибо Он может пожелать вещи как быть, так и не быть. Подобным же образом и мы можем безо всякого греха выбирать, сидеть нам или не сидеть» [Фома Аквинский, 2002, с. 270].

Исходя из этого можно сказать, что *средневековая мысль, несмотря на глубокое осмысление категорий необходимости, случайности, причины и следствия, а также проблем, связанных со свободой воли, все же зашла в тупик в попытке совместить свободное волеизъявление с детерминизмом, понятым как божественное предопределение*. Некоторым итогом этого можно считать безапелляционное утверждение Мартина Лютера о том, что человек в конечном счете лишен свободной воли и во всем зависит от воли божественной, что выводится из самой сущности человека. Традиционный дуализм души и тела в понимании Мартина Лютера примечателен тем, что телесность никак не влияет на бессмертную душу. Свобода, понимаемая как внутренняя свобода от греха и страданий, не относится к чему-то телесному: «Ничто внешнее не может сделать его [т.е. человека] ни свободным, ни праведным, чем бы это ни было, ибо его праведность и свобода, как и, наоборот, его зло и пленение, не является ни телесными, ни внешними» [Мартин Лютер, 2013, с. 78]. Так же и в самом человеке, по Лютеру, нет ничего, что может стать источником свободы, и в этом смысле люди являются рабами плоти.

Родоначальник реформации последовательно проводит мысль о том, что человек не в силах противостоять злу, и знание о том, что греховно, а что нет, не способно освободить человека от греха. Для спасения души и для ее освобождения нужно найти что-то трансцендентное, потустороннее, принципиально не телесное. Этим спасением для человека объявляется вера. Слово божие — безусловное прояв-

ление божественной воли, именно она способна освободить. Однако и путь человека к вере — не есть результат его свободного выбора. Здесь Лютер также лишает человека свободы, настаивая на том, что обратиться к слову божьему человеческую душу вынуждает исключительно божественное проведение. В качестве доказательства он приводит выдержки из священного писания: «Как Христос (Ин. 6) отвечал иудеям, когда те спросили его, что делать им, дабы творить дела божественные и христианские: “Единственное дело Божие — это веровать в Того, Кого Он послал. Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня”» [Мартин Лютер, 2013, с.80].

Можно заметить, что, убегая от природной, естественной каузальности, философы вслед за Аристотелем в течении тысячелетий связывали свободу воли с разумом, с душой человека, отвергая даже мысль о том, что свобода может быть проявлена в телесном, материальном мире. Зачастую это приводило к тому, что *свобода воли становилась некой трансцендентной конструкцией, дарованной богом, и это превращало ее в фикцию, в иллюзию, т.к. под свободой воли по определению стоит понимать нечто имманентно присущее человеку*. В эпоху ренессанса, казалось бы, наметился постепенный отход от божественного детерминизма. К примеру, Эразм Роттердамский, дискутируя с Мартином Лютером, видел в человеке-творце, созданном по образу и подобию божьему, продукт собственного свободного выбора. При этом мыслители эпохи Возрождения, включая и Эразма Роттердамского, не оставляли попытки совместить божественную благодать со свободной волей человека, что зачастую делало их идеи такими же внутренне противоречивыми, как и у их предшественников.

Традиционный теологический детерминизм не исчерпал себя и в Новое время. Например, Б. Спиноза, автор знаменитого определения свободы как познанной необходимости, объединивший эти две противопоставляемые друг другу категории, совместил свободу человека с идеей всемогущего бога: «Что касается человеческой воли, которую мы назвали свободной, то и она (...) сохраняется содействием бога, и всякий человек хочет или поступает так, как бог от вечности решил, чтобы он хотел или поступал. Но, как это можно согласовать с чело-

веческой свободой, превосходит нашу способность понимания» [Спиноза Б., 1957, с. 277]. В соответствии с этим человек волен поступать согласно своим желаниям, но он не в силах осознать причины, которые порождают эти желания. Таким образом, свобода воли оказывается иллюзорной, а Спиноза обосновывает крайний фатализм.

Тем не менее, разочаровавшись в теологических концепциях мира и человека, ощущая необходимость сбежать от гнета провиденциализма, многие философы Нового времени вновь обратились к натурфилософии. Начиная с XVII в., актуализировался вопрос сопоставления свободы субъекта с природным детерминизмом, не разрешенный в рамках античного дискурса. При этом своеобразие человека не выводилось уже исключительно из природных предпосылок, появились новые переменные в виде привычек, врожденных свойств человека и т.д. Кажущаяся невозможность установить источник свободной воли в очередной раз породила представления о иллюзорности свободы, о чем говорил Лейбниц: «...В человеке наперед все известно и определенно ... а человеческая душа в некотором роде есть духовный автомат» [Лейбниц Г.В., 1989, с. 161]. Космологический детерминизм античности был преобразован в механистический, и свобода воли человека, что закономерно, никак не могла быть вписана в такую картину мира.

Противоположная позиция была представлена Рене Декартом, а позже — Иммануилом Кантом. Отказавшись от идеи провиденциализма, эти мыслители оставили схоластическое понимание воли как никем не принуждаемое движение духа, описав, по сути, ставшее уже классическим утверждение, что природа — царство необходимости, а человеческий разум — царство свободы. И если взгляды Декарта по-прежнему оставались крайне противоречивыми вследствие его дуалистического понимания природы человека, и вытекающей из этого невозможности связать свободу духа с телесной субстанцией, то Кант сделал определенный шаг в сторону преодоления противоречий, связав свободу воли с понятием морали и долга [Пархоменко Р.Н., 2012]. Именно моральный выбор обуславливает возможность свободного волеизъявления, позволяя человеку в рамках практического разума, руководствуясь импера-

тивом долженствования, преодолеть природную детерминированность. Что примечательно, у Канта, как и у Спинозы, происходит диалектическое взаимоотношение свободы и необходимости, но необходимость в определенном смысле понимается двояко. Осуществляя моральное самоопределение, человек преодолевает продиктованную природой обусловленность, но это происходит путем осознания необходимости другого порядка, в концентрированном виде представленной концепцией долга. Спинозовская свобода как познанная необходимость теперь звучит иначе, акцент смещается с природной предопределенности в плоскость духа, сознания.

Часть 2. Нейробиологический детерминизм. Философская интерпретация экспериментов Б. Либета

Найденное Кантом решение, однако, не смогло окончательно избавить философию от проблемы соотношения свободной воли с природной каузальностью, а последующие научные открытия заставили исследователей вновь обратиться к вопросам, поднятым античными атомистами и Лейбницем. В частности, открытия в области психологии и нейробиологии вынуждают говорить о природном детерминизме иного порядка, связанного с бессознательными процессами и физиологическими реакциями, происходящими в мозге человека. Трудность преодоления возникших противоречий, помимо всего прочего, вызвана неразрешенной на данный момент психофизиологической проблемой и непониманием механизмов перехода биологически обусловленных процессов материального субстрата в плоскость идеального.

Наиболее ярким примером, иллюстрирующим современную дискуссию о действительном существовании свободной воли, является обсуждение экспериментов Бенджамина Либета, проведенных в 80-е гг. XX в. После ряда экспериментов Либет доказал, что возбуждение в двигательных центрах коры головного мозга (т.н. потенциал готовности) происходит на несколько миллисекунд раньше, чем осознание человеком своего желания совершить действие [Libet B., 1985]. Эмпирический результат исследования долгое время трактовался как возможное доказательство того факта, что наши сознательные решения детерми-

нированы активностью нейронов, т.к. эта активность во времени предшествует принимаемому решению совершить действие.

Что примечательно, сам Либет не являлся сторонником идеи отсутствия у человека свободной воли. Подобно Эпикуру, Либет нашел способ совместить свободу воли с результатами своего исследования, которое, казалось бы, опровергает возможность человека сознательно принимать решения. С точки зрения Либета, мы не можем по собственной воле начинать какие-либо действия — они все начинаются бессознательно, но мы можем сознательно наложить «вето» на те действия, осуществления которых не хотим [Секацкая М.А., 2020]. Таким образом, для свободы воли остается некоторое пространство, пусть и небольшое. В дальнейшем подобный подход получил частичное подтверждение: эксперименты, проведенные в 2009 и в последующие годы группами ученых в разных университетах, показали, что возбуждение в определенных участках головного мозга действительно наступает до того, как человек осознает свое намерение, но сам потенциал готовности еще не означает, что намерение произвести действие будет реализовано. Другими словами, несмотря на возникновение потенциала готовности, участники эксперимента могли прервать принятие решения и отказаться от намерения действовать [Schultze-Kraft M. et al., 2015].

Однако в недавних экспериментах Элис Филевич и ее коллеги продемонстрировали, что при применении методологии, подобной методологии Либета, но при введении в эксперимент дополнительных контрольных параметров оказывается возможным предсказать, будет ли действие отложено или осуществлено [Секацкая М.А., 2020]. Это означает, что сознательному отказу от действия также предшествуют определенные физиологические процессы, и, следуя логике Либета, возможность наложить «вето» будет детерминирована действием нейронов и не сможет выступать последним пристанищем свободной воли субъекта.

Но являются ли эти данные, полученные современными нейрофизиологами, окончательным ответом в растянувшейся на тысячелетия дискуссии о свободе воли? Еще в XX в. на Б. Либета и его последователей обрушилась серьезная критика как со стороны их коллег, так и со стороны философов, и эта критика не пре-

кращается и по сей день. В первую очередь сомнению подвергается философская интерпретация полученных выводов. Действительно, тот факт, что потенциал готовности предшествует принимаемому решению, совершенно не означает, что именно он является производящей причиной последующего решения действовать. Корреляция между событиями, которая указывает на то, что одно событие всегда предшествует второму событию, еще не означает, что между ними существует причинно-следственная связь. Именно на это обстоятельство указывал Альфред Миле, предположив, что активность в двигательных центрах коры головного мозга может быть просто подготовительным этапом к принятию решения, а не его непосредственной причиной [Mele A., 2014].

Однако самым главным аргументом в пользу несостоятельности философских выводов нейрофизиологов является факт того, что концепт свободной воли выводится из физиологических процессов. Не случайно Даниел Деннет, говоря о Либете, вспоминает Декарта, пытавшегося решить проблему свободной воли путем соединения духовной и телесной субстанции в шишковидной железе [Dennett D., 2003]. Чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо прояснить понимание субординации социального и биологического в человеке. Выводы Б. Либета и его последователей можно принять, если при объяснении человека и мира руководствоваться парадигмой «плоской онтологии». Авторы и последователи данного подхода (М. ДеЛанда, Г. Харман, Б. Латур, Дж. Беннетт и др.) выдвигают тезис о том, что представление о мире как иерархичной системе не имеет научного обоснования и продиктовано антропоцентризмом, укорененным в культуре и мышлении человека. И если физические, биологические и социальные процессы рассматриваются как онтологически однопорядковые, то почему нельзя вывести основания наших действий из физиологических процессов нашего организма? Действительно, «плоская онтология» атакует субстанциональный взгляд на человека и общество и тем самым атакует образ человека как активного существа, обладающего самодетерминацией [Лоскутов Ю.В., 2021].

И если идеи «плоской онтологии» вполне применимы как методологический принцип, как рассудочная модель действительности, поз-

воляющая выполнить вполне конкретные задачи, поставленные исследователем, то в качестве фундамента для объяснения мира они не подойдут. Здесь стоит сослаться на то, что размытием границ социального авторы «плоской онтологии» не ограничиваются. Убирая из мира эссенциалистские представления о развитии, о простом и сложном, высшем и низшем, они вынуждают нас признать принципиальную непознаваемость мира, который состоит из бесконечного множества элементов и их комбинаций. Парадоксальным образом постулируемая однопорядковость всех без исключения объектов и феноменов, их свойство объединяться в системы или «сборки» приводит к субъективно-идеалистическим по своему характеру выводам: «Когда Галилей наблюдает и объясняет фазы Венеры, возникает новая сборка, потому что она включает в себя не только то, что привычно рассматривается в качестве независимого астрономического явления, но и объяснение Галилея, самого Галилея и новые телескопические методы, необходимые для их наблюдения. “Реалист мог бы сказать, что в 1600 году существовали сами фазы Венеры, но не человеческое знание о них. Но Латуру кажется, что этот реалистский разговор уже включает в себя время самого разговора, и он не желает допустить, что мы можем говорить о референте (в данном случае о времени в прошлом), имеющем независимую от акта обращения значимость”» [Керимов Т., 2022]. На этом примере видно, что при последовательном применении «плоского» подхода стирается грань между знанием о мире и самим миром, между объектом и его свойствами, фактически происходит «девальвация реального». Если же мир состоит из систем, в которых материальные вещи неразрывно связаны с идеями об этих вещах, при том, что и первое, и второе — абсолютно равноправные элементы данной системы, то не до конца понятно, существует ли вообще что-то реальное за пределами этих систем.

Для непротиворечивого разрешения проблемы свободной воли необходимо признать, что она — свойство разумного человека, и ее истоки должны быть укоренены в социальном мире, они не могут быть сведены к биологической редукции. Нейронные связи в мозге опосредуют сознание человека. Но это отнюдь не означает, что сознание им тождественно, оно отличается

принципиально иными качественными характеристиками. Здесь уместным будет привести аллегория К.Х. Момджяна: скульптура Венеры Милосской, качественно отличная от обычного мрамора, с физической точки зрения не содержит в себе ничего, кроме этого минерала. Ровно так же в мыслительной активности человека, «рассуждающего о мирах» или делающего ценностный выбор, просящего совет или прибегающего к обману, нет ничего «физически» отличного от нейронных взаимодействий [Момджян К.Х., 2017]. В этом смысле сама идея вывести свободу воли или ее отсутствие из физиологических процессов на основании их предшествования во времени выглядит так же, как попытка Демокрита объяснить поведение человека при помощи закономерностей в движении атомов. Ключом к разгадке проблемы свободы воли должно быть понимание природы социального вообще и человеческого сознания в частности. В определенной степени к решению приблизился Кант, указав на то, что свободная воля человека в полной мере реализуется в ситуации совершения морального выбора. Однако представляется, что мораль не является единственным феноменом сознания, в котором возможен свободный выбор.

Наконец, имеет смысл рассмотреть еще один немаловажный аспект, связанный с решением проблемы свободы воли, и здесь опять стоит обратиться к экспериментам Б. Либета. Помимо того факта, что интерпретация полученных Либетом данных исходит из отказа от онтологических доминант и рассматривает мир как совокупность однопорядковых систем, само понимание феномена свободы здесь произрастает из метафизического либертарианизма. Стоит вновь обратиться к критике, высказанной А. Миле. Он выражал обоснованное сомнение относительно возможности обобщения весьма специфических условий эксперимента Либета и применения их ко всем преднамеренным, интенциональным действиям. Миле отмечает: «если бы вы спросили меня, почему я сказал “сейчас” именно в тот момент, в который я сказал это, я вынужден был бы ответить, что я не знаю. Почему так? В эксперименте Либета нет никакого специального мотива выбрать тот, а не другой момент времени» [Секацкая М.А., 2020]. Таким образом, Либет в своей лаборатории моделирует ситуацию, напоминающую нам о буридановом осле. Дей-

ствительно ли недетерминированный никакими мотивами, абсолютно случайный выбор репрезентирует реальные жизненные ситуации, в которых может проявиться свободная воля субъекта? Представляется, что в ситуации абсолютно ничем не мотивированного выбора человек попадает в плен случайности, что вряд ли стоит ассоциировать с его действительной свободой. Абсолютизация случайности лишает человека возможности сделать самостоятельный и, соответственно, свободный выбор: ничем не обусловленное действие не обусловлено и самим человеком, оно просто случайно [Мишура А.С., 2019]. Отсутствие любых детерминирующих факторов видится как теоретическая абстракция, из которой сложно вывести тезис о реальной свободе индивида.

Таким образом, в иерархичной концепции мироустройства, опирающейся на идею бога в его теологическом представлении, свобода воли человека невозможна ввиду ее несовместимости с принципом божественного предопределения. Даже свобода самого бога концептуально неочевидна, ведь она вступает в противоречие с его абсолютностью и неподвижностью. Несмотря на требование религиозной этики вменить человеку ответственность за свои поступки, сделать это крайне проблематично, т.к. ответственность традиционно выводится из наличия у субъекта свободного выбора и возможности действовать в соответствии с ним. В противоположном случае мы имеем дело с «плоской» картиной мира, в которой не может существовать запрета на выведение человеческих свойств из природных законов. В таком случае так же, как и в предыдущем, любые попытки обосновать свободу терпят крах, а мыслителям и исследователям приходится умозрительно корректировать представления о природных закономерностях, чтобы оставить пространство для свободы человека. Но идея Эпикура о произвольном отклонении атомов, как и предположение Б. Либета о возможности наложить «вето» на физиологически детерминированные действия, легко опровергаются дальнейшим развитием научного знания. Только философская концепция, способная посмотреть на человека как на что-то специфически отличное от природы, как на «особенное», способна усмотреть источник свободной воли в самой сущности человека.

Некорректно будет впасть и в другую крайность, «отрывая» человека от мира и обосновывая крайний индетерминизм. Такой подход представляется абстракцией, не применимой к реальной действительности, похожей на схоластический концепт бога, и в философском плане вновь порождает несвободу человека. Однако источником несвободы теперь становится не тотальная необходимость, вызванная крайним детерминизмом, а случайность, порожденная отсутствием каких бы то ни было причин для совершения любых действий. Свободу воли как характеристику сознания нельзя рассматривать абстрактно, изолированно от всего другого. Как и невозможно ее полностью свести к каким-либо отличным от человека внешним причинам. Необходимо признать наличие физических, химических и биологических детерминирующих факторов, в пользу которых свидетельствуют многочисленные научные открытия. Помимо этого, следует сюда добавить укорененный в социальном мире нестрогий детерминизм, не рассматриваемый в рамках данной статьи: люди, как правило, корректируют свое поведение, опираясь, в числе прочего, на законы, этические нормы, традиции и т.д. Но наличие причинной обусловленности, как и наличие природной необходимости, еще не означает, что человек выступает своеобразной «марионеткой» в руках господствующих над ним сил. В конечном счете, невозможно безапелляционно утверждать, что детерминация автоматизирует поведение людей и полностью лишает их свободы. Свободный выбор рождается из множества факторов и зависит от степени осознания человеком этих факторов.

Список литературы

- Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 109–130.
- Краткий философский словарь / отв. ред. А.П. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 496 с.
- Лейбниц Г.В. Опыт теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 554 с.
- Лоскутов Ю.В. «Плоская онтология» в социальном контексте // Новые идеи в философии. 2021. Вып. 8(29). С. 89–98.

Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Л.: Наука, 1970. 664 с.

Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1975. Т. 40. С. 147–233.

Мартин Лютер. О свободе христианина / сост., вступ. статья, пер. с нем., коммент., примеч. И. Фокина. Уфа: ARC, 2013. 728 с.

Мишура А.С. Свобода в мире: защита экстерналистского либертарианства // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440006032-0>

Момджян К.Х. Социально-философский анализ феномена свободной воли // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 68–81.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. / научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов; Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; М.: Мысль, 2010. 694 с.

Пархоменко Р.Н. Генезис идеи свободы в западноевропейской философии // Философская мысль. 2012. № 4. С. 179–210. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2012.4.146>

Пархоменко Р.Н. Понятие идеи свободы в античной и средневековой философии // Философия и культура. 2013. № 5. С. 701–708. DOI: <https://doi.org/10.7256/1999-2793.2013.05.12>

Секацкая М.А. Философская значимость исследований свободы воли в нейронауке на примере интерпретаций экспериментов Б. Либета // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 113–123. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-113-123>

Спиноза Б. Приложение, содержащее метафизические мысли // Спиноза Б. Избр. произв.: в 2 т. М.: Политиздат, 1957. Т. I. С. 265–316.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I: Вопросы 1–43. Киев: Ника-Центр: Эльга, 2002. 560 с.

Юрасов А.А. В чем заключается проблема свободы воли? // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 2А. С. 5–10.

Dennett D.C. *Freedom Evolves*. N.Y.: Viking, 2003. 368 p.

Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8, iss. 4. P. 529–539. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00044903>

Schultze-Kraft M., Birman D., Rusconi M., Allefeld C. et al. The point of no return in vetoing self-initiated movements // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. Vol. 113, iss. 4.

P. 1080–1085. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1513569112>

Mele A. *Free: Why Science Hasn't Disproved Free Will*. N.Y.: Oxford University Press, 2014. 112 p.

References

Alekseev, A.P. (2008). *Kratkiy filosofskiy slovar'* [Brief Philosophical Dictionary]. 2nd ed. Moscow: TK Welby Publ., Prospect Publ., 496 p.

Dennett, D.C. (2003). *Freedom Evolves*. New York: Viking, 368 p.

Kerimov, T. (2022). The «Ontological Turn» in the social sciences: the return of epistemology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review]. Vol. 21, no. 1, pp. 109–130.

Leibniz, G.V. (1989). [Experiments of theodicy about the goodness of God, freedom of man and the beginning of evil]. *Leybnits G.V. Sochineniya: v 4 t.* [Leibniz G.V. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, 554 p.

Libet, B. (1985). Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action. *The Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 8, iss. 4, pp. 529–539. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00044903>

Loskutov, Yu.V. (2021). [«Flat ontology» in the social context]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 8(29), pp. 89–98.

Lurie, S. (1970). *Demokrit. Teksty. Perevod* [Democritus. Texts. Translation]. Leningrad: Nauka, 664 p.

Marx, K. (1975). [The difference between the Democritean and Epicurean philosophy of nature]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 40, pp. 147–233.

Martin Luther (2013). *O svobode khristianina* [On the freedom of a Christian]. Ufa: ARC Publ., 728 p.

Schultze-Kraft, M., Birman, D., Rusconi, M., Allefeld, C. et al. (2015). The point of no return in vetoing self-initiated movements. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 113, iss. 4, pp. 1080–1085. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1513569112>

Mishura, A.S. (2019). [Freedom in the world: defense of externalist libertarianism]. *Voprosy Filosofii*. No. 8, pp. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440006032-0>

Momjyan, K.Kh. (2017). [Socio-philosophical analysis of the phenomenon of free will]. *Voprosy Filosofii*. No. 9, pp. 68–81.

Stepin, V.S., Huseynov, A.A., Semigin, G.Yu. and Ogurtsov, A.P. (eds.) (2010). *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3, 694 p.

Parkhomenko, R.N. (2012). [The Genesis of the Idea of Freedom in Western European Philosophy]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. No. 4, pp. 179–210. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2012.4.146>

Parkhomenko, R.N. (2013). [The concept of the idea of freedom in ancient and medieval philosophy]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. No. 5, pp. 701–708. DOI: <https://doi.org/10.7256/1999-2793.2013.05.12>

Sekatskaya, M.A. (2020). [Philosophical Significance of Free Will Research in Neuroscience on the Example of B. Libet's Experimental Interpretations].

Voprosy Filosofii. No. 7, pp. 113–123. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-113-123>

Spinoza B. (1957). [Application containing metaphysical thoughts]. *Spinoza B. Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [Spinoza B. Selected works: in 2 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 1, pp. 265–316.

Thomas Aquinas (2002). *Summa teologii. Ch. I: Voprosy 1–43* [Summa Theologiae. Pt. I. Questions 1–43]. Kyiv: Nika-Center Publ., Elga Publ., 560 p.

Yurasov, A.A. (2021). [What is the problem of free will?]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy about the world and man]. Vol. 10, no. 2A, pp. 5–10.

Mele, A. (2014). *Free: Why Science Hasn't Disproved Free Will*. New York: Oxford University Press, 112 p.

Об авторе

Воробьева Кристина Викторовна

аспирант, ассистент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: christine.viktorovne@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4609-0227>
ResearcherID: HSG-5592-2023

About the author

Kristina V. Vorobieva

Postgraduate Student, Assistant
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: christine.viktorovne@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4609-0227>
ResearcherID: HSG-5592-2023

УДК 1:316]:2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-40-52>

Поступила: 23.08.2022

Принята: 17.01.2023

Опубликована: 10.04.2023

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ, ФИЛОСОФИЯ И ТЕОЛОГИЯ В ТЕОРИИ БЕДНОЙ ВЕРЫ М.Н. ЭПШТЕЙНА

Логиновский Сергей Сергеевич

Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

Головина Мария Александровна

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск)

В статье рассматривается теория бедной веры, предложенная М.Н. Эпштейном для описания нового варианта религиозности, характерного для современного российского постатеистического общества. Показывается, что эта теория содержит как научные составляющие, так и ненаучные — философские и теологические. Научная составляющая отличается краткостью, перечисляемые в ней признаки характерны не только для бедной веры, что затрудняет идентификацию того или иного религиозного феномена как принадлежащего к бедной вере. Поскольку бедность сама по себе есть признак количественный, требуется такое его описание, которое позволяло бы измерять уровень бедности любой веры и проверять объективность такого измерения. Философская составляющая представлена суждениями о социальных факторах, порождающих бедную веру, и значением данной веры для понимания сущности религии, научная ценность которых не может быть однозначно эмпирически подтверждена. Теологическая составляющая теории бедной веры, предполагающая активное обращение к иудео-христианской традиции, может быть квалифицирована как самоописание бедной веры. Она тесно связана с философской составляющей, но в отличие от нее не претендует на научность, являясь своеобразным внеконфессиональным методом герменевтики библейских текстов. Теологическая составляющая представляет научный интерес как источник информации о бедной вере, анализ которого позволяет лучше понять данный феномен. Несмотря на указанные недостатки, теория бедной веры может быть усовершенствована, что позволит ей стать полноценной научной теорией. Для этого необходимо четкое разделение имеющихся в ней на данный момент научных и ненаучных составляющих, а также конкретизация и квантификация элементов научной составляющей.

Ключевые слова: религиоведение, социальная философия, десекуляризация, постатеистическое общество, внеконфессиональная религиозность, М.Н. Эпштейн, бедная вера (минимальная религия).

Для цитирования:

Логиновский С.С., Головина М.А. Религиоведение, философия и теология в теории бедной веры М.Н. Эпштейна // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 40–52.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-40-52>

RELIGIOUS STUDIES, PHILOSOPHY, AND THEOLOGY IN M.N. EPSTEIN'S POOR FAITH THEORY

Sergey S. Loginovskiy

South Ural State University (Chelyabinsk)

Mariya A. Golovina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk)

The article examines the theory of poor faith proposed by M.N. Epstein to describe a new variant of religiosity characteristic of contemporary Russian post-atheist society. It is shown that this theory contains both scientific and non-scientific components — philosophical and theological. The scientific component is characterized by brevity, and the features covered by this component are characteristic not only of poor faith, which makes it difficult to identify this or that religious phenomenon as belonging to poor faith. Since poverty itself is a quantitative characteristic, it requires a description that would make it possible to measure the level of poverty of any faith and to verify the objectivity of such a measurement. The philosophical component is represented by judgments about the social factors producing poor faith and the significance of this faith for understanding the essence of religion; the scientific value of these judgments cannot be unambiguously empirically confirmed. The theological component of the theory of poor faith, which implies an active reference to the Judeo-Christian tradition, can be qualified as a self-description of poor faith. It is closely connected with the philosophical component but, unlike the latter, it does not claim to be scientific, being a kind of extra-confessional method of hermeneutics of biblical texts. The theological component is of scientific interest as a source of information about poor faith, the analysis of which provides a better understanding of this phenomenon. In spite of the indicated shortcomings, the theory of poor faith could be improved, which would allow it to become a full-fledged scientific theory. This would require a clear separation of its current scientific and non-scientific components, as well as the specification and quantification of the elements of the scientific component.

Keywords: religious studies, social philosophy, desecularization, post-atheist society, non-denominational religiosity, M.N. Epstein, poor faith (minimal religion).

To cite:

Loginovskiy S.S., Golovina M.A. [Religious studies, philosophy, and theology in M.N. Epstein's poor faith theory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 40–52 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-40-52>

Введение

Современное общество стремительно изменяется, порождая новые феномены в самых разных сферах. Не является исключением и религия: во-первых, изменяются религии, возникшие в досовременном (традиционном) обществе, во-вторых, появляются новые формы религиозности, характерные именно для современного общества. Эти процессы требуют изучения, и оно уже давно и продуктивно ведется. Одним из примеров осмысления специфики религиозности

в современном обществе является теория бедной веры М.Н. Эпштейна, о которой упоминают как в западных исследованиях (о чем пишет сам создатель теории [Эпштейн М.Н., 2017, с. 269–270]), так и в некоторых отечественных работах [Фазлеева Р.Р., 2016; Кузьмина Е.В., Фазлеева Р.Р., 2017; Сакович Д.Ю., 2021], однако развернутого анализа данной теории в этих работах нет, а между тем такой анализ необходим, поскольку статус данной теории неоднозначен. На наш взгляд, в теории бедной веры содержится одновременно несколько составляющих:

научная, философская и теологическая. Исходя из этого, цель данной статьи можно сформулировать следующим образом: различить научные, философские и теологические составляющие понятия бедной веры у М.Н. Эпштейна, а также предложить стратегию использования теологической составляющей в научных (религиоведческих) целях.

Вслед за В. Ханegraафом, научным мы будем называть такой подход, в котором изучение религии предполагает соединение эмпирического описания и концептуального анализа. При этом религиозные описания метаэмпирической реальности, поскольку они представлены в эмпирически воспринимаемой форме (при помощи слов, образов и т.д.) и могут в таком виде изучаться учеными, не должны оцениваться ни как ложные, ни как истинные, ведь сами ученые не имеют доступа к этой реальности, в силу чего необходимо придерживаться методологического агностицизма [Hanegraaff W., 1995, p. 101].

К философским будем относить все рассуждения Михаила Наумовича о бедной вере, в которых он не ограничивается феноменологическим описанием изучаемого явления, а пытается постичь его сущность.

Теологическими элементами мы будем считать те оценочные суждения М.Н. Эпштейна, в которых он не просто описывает бедную религию или излагает свои представления о ее сущности, но выражает определенные представления о Боге и его связи с миром и человеком, которые интерпретируются как истинные, соответствующие действительности.

1. Религиоведческая (научная) составляющая теории бедной веры

Бедная вера (минимальная религия) определяется М.Н. Эпштейном как «вера в Бога, лишенная признаков конкретного исповедания, отвлеченная от исторических, национальных, церковных традиций; вера без храма, догм и обрядов» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 267]. Или, если еще более кратко и образно, то бедную веру можно определить как «вера и надежда ниоткуда» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 268].

Существование феномена, которой М.Н. Эпштейн обозначает при помощи понятия «бедная вера», признается в современном религиоведении, хотя его общепринятого обозначения и

описания пока нет. Данный феномен обычно связывают с современным постсекулярным обществом, в котором религия отвоевывает некоторые утерянные в предыдущую (секулярную) эпоху позиции. При этом помимо возрождения прежде (до эпохи секуляризации) существовавших и в этом смысле традиционных религий, появляется и новая форма религиозности, которая выражает особенности современного поздне-/постиндустриального общества. На наш взгляд, в первом приближении наиболее точно ее можно обозначить как внеконфессиональную религиозность. Поскольку данное понятие является отрицательным (в логическом смысле), указывает лишь на отсутствие связи с какой-либо религиозной традицией, постольку оно нуждается в уточнении, в указании признаков, присущих этой форме религиозности. Такого рода положительное описание может быть разным [Обидина Ю.С., 2020; Прилуцкий М.А., 2012; Ростова Н.Н., 2016; Узланер Д., 2020], что обусловлено сложностью и противоречивостью описываемого феномена. На наш взгляд, говоря о бедной вере, М.Н. Эпштейн также описывает эту новую внеконфессиональную религиозность с акцентом на ее версию, характерную для нашей страны. К научным составляющим этого описания можно отнести следующее.

Прежде всего, Михаил Наумович указывает на такое свойство бедной веры, как бедность, т.е. неразвитость собственного вероучения, его предельно краткий и общий характер. В качестве примера М.Н. Эпштейн цитирует Б. Окуджаву и В. Ерофеева [Эпштейн М.Н., 2017, с. 268], в целом подчеркивая, что именно в отечественной литературе 1970–1980-х гг. проще всего обнаружить «свидетельства этого религиозного мироощущения» [Эпштейн М.Н., 2014, с. 21]. Судя по тому, какое название избрал М.Н. Эпштейн для описываемого им феномена (*бедная вера*), а также по тому, как часто он акцентирует внимание на этом признаке, можно утверждать, что для него он является главной, определяющей характеристикой бедной веры.

Можно согласиться, что минимальность бедной веры позволяет отличать ее от большинства религиозных традиций, но все же не от всех. Так, характеристики народной религии (которую также могут обозначать как традиционную, локальную или массовую), а также при-

чины ее появления, сходны с характеристиками бедной религии [Гуревич А.Я., 1990; Недзьведзь А., 2016; Панченко А.А., 2012]. Различия между ними легко объясняются различиями обществ, в рамках которых они существовали, в результате чего бедная вера может быть интерпретирована как современный вариант народной религии, видоизменившийся под влиянием особенностей современного посттрадиционного общества.

Кроме того, поскольку бедность сама по себе есть признак количественный, требуется такое его описание, которое позволяло бы измерять уровень бедности любой веры и проверять объективность такого измерения. Также необходимо указать ту меру, после которой бедность из количественной характеристики, не являющейся существенной для понимания веры, превращается в качественную, не просто указывающую на особый вид веры, но во многом и конституирующую ее (пусть и не до уровня конфессии как настаивает М.Н. Эпштейн).

Фактически, в теории бедной веры бедность используется не только как количественная, но и как качественная характеристика или, как минимум, особенность, приводящая к качественным отличиям бедной веры от иных вер. Поэтому применительно к бедной вере бедность нуждается в более определенном описании в этом ее качестве, описании, раскрывающем особенности организации вероучения на таком минимальном уровне. В частности, можно попытаться выделить наиболее популярные у представителей бедной религии фрагменты различных религиозных и иных традиций, а также способы их использования (соединения, интерпретации и т.д.).

Второй особенностью бедной веры является отсутствие однозначной связи с какой-либо существующей религиозной традицией. При этом ни одна из этих традиций не только не отрицается, но и по необходимости используется [Эпштейн М.Н., 2017, с. 269]. Впрочем, и в этом случае, подчеркивает М.Н. Эпштейн, бедная вера «остаётся бедной в той мере, в какой не отождествляется ни с какими конфессиями и не позволяет им сформироваться в себе самой» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 269]. Это позволяет говорить о третьем признаке бедной веры — эклектизме или синкретизме (в зависимости от степени согласованности используемых эле-

ментов различных религиозных традиций). Данный признак можно осмыслить с помощью такого нового термина, призванного описывать эклектизм современной религиозности, как «бриколаж» (bricolage) [Hervieu-Leger D., 2000], а саму современную религиозность квалифицировать как «лоскутную религию» (patchwork religion) [Wuthnow R., 2005]. Тогда главной особенностью современной внеконфессиональной религиозности будет уже не бедность, а эклектизм, что демонстрирует возможность различных стратегий ее осмысления. В любом случае, оба эти признака присущи не только бедной вере, достаточно вспомнить позднеантичный гностицизм [Афонасин Е.В., 2002, с. 150–155].

Четвертым признаком бедной веры является указание на то, что она есть религия опыта, «жизненный и духовный порыв, ведущий к внутреннему преображению личности» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 269]. Этот признак может быть интерпретирован как указание на близость бедной веры к мистическому опыту, однако М.Н. Эпштейн подчеркивает принципиальную посюсторонность бедной веры, говоря, что она «укоренена в миру, в потребности соотносить жизнь с абсолютным смыслом» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 269], что не предполагает характерное для мистики стремление к иному, трансцендентному бытию. Бедная вера, напротив, «может быть понята как целиком имманентная жизнь с одним трансцендентным означаемым — личностью Бога... Здесь дан минимум трансцендентного» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 269], т.е. и в этом вопросе бедность, минимальность религии как ее главная характеристика также проявляется в полной мере.

Впрочем, эта посюсторонность не позволяет полностью отрицать сходство бедной веры с мистическими практиками, которые весьма разнообразны и, главное, также предполагают центральное положение личного опыта, «опыта переживания священного в чистом виде, вне тех рационализаций и дифференциаций, которые привносятся богословскими догмами и обрядовыми традициями» [Эпштейн М.Н., 2014, с. 34]. Особенно близка в этом плане бедная вера с некоторыми течениями позднего протестантизма. Более всего это заметно в случае с пиетизмом, для которого характерны «практическая ориентированность, акцент на личном переживании Бога и связанные с этим вни-

мание к духовной свободе личности и рационализм, хотя последний отмечается не во всех направлениях пиетизма» [Еремеева Н.В., 2016, с. 221] (см. также: [Крыштоп Л.Э., 2020; Шохин В.К., 2021]). Если же не учитывать такой признак, как бедность, то перечень религиозных традиций, в которых можно обнаружить рассматриваемый признак как определяющий, конституирующий религиозное учение и практику, может быть заметно расширен. Это понимает и сам М.Н. Эпштейн, указывая на классификацию религий А. Бергсона, согласно которой выделяются «динамические религии, которые основаны на опыте прямого общения человека с Богом» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 269], к которым он относит и бедную веру. Схожую классификацию с такими же выводами относительно статуса бедной веры можно обнаружить и у Е.А. Торчинова [Торчинов Е.А., 2000].

2. Философская составляющая теории бедной веры

Рассматривая бедную религию, М.Н. Эпштейн не ограничивается ее феноменологическим описанием, но предлагает собственное понимание природы данного явления. В этой связи особый интерес представляет интерпретация бедной веры как феномена, максимально наглядно выражающего сущность религии как таковой, безотносительно к той или иной религиозной традиции. Михаил Наумович так формулирует свои размышления об этом: «бедная вера — общий знаменатель всех вер, их всеобщая форма, ставшая содержанием постатеистической религиозности» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 268]. Развивая эту мысль, он отмечает, что «атеизм, отрицая в равной степени все веры, тем самым наглядно обнаруживает то, что их объединяет. Когда происходит разрыв с традициями, выявляется некая единая, невероисповедная форма смой веры» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 268]. Наконец, в более ранней работе он выражается еще более определенно: «отрицая равным образом все веры, атеизм тем самым наглядно обнаруживает то, что их объединяет: целостное, нерасчлененное чувство Бога, вырастающее вне исторических, национальных, конкретно церковных традиций» [Эпштейн М.Н., 2014, с. 410].

Познание сущности религии — задача традиционная для философии. Но в число задач, акту-

альных для религиоведения, она, как считает В. Ханеграаф (с которым мы полностью согласны), не входит [Hanegraaff W., 1995]. Тем не менее, не только в философии, но и в религиоведении и других социальных и гуманитарных дисциплинах, претендующих на статус научного знания, можно обнаружить рассуждения на эту тему. Классическим примером является поиск сущности религии посредством анализа австралийской религиозной традиции Э. Дюркгеймом [Дюркгейм Э., 2018; Трофимов С.В., 2019], с научной точки зрения весьма проблематичный [Леви-Стросс К., 1994, с. 74–86; Эванс-Притчард Э., 2003, с. 188–206; 2004, с. 68–73].

Поиск М.Н. Эпштейном сущности религии в чем-то схож с построениями Э. Дюркгейма, поскольку он также считает, что простота (бедность), неразвитость лучше позволяют приблизиться к постижению этой сущности, но, в отличие от французского социолога, не мыслит простоту достоянием только прошлого, обнаруживая ее и в настоящем, в феномене бедной веры. Однако, как и в случае с австралийской религиозной традицией, бедная вера оказывается все же недостаточно бедной для обнаружения сущности религии. В самом деле, несмотря на религиозную политику советской власти, которая действительно привела к уменьшению причастности населения к любым религиозным традициям [Смолкин В., 2021], все же нельзя сказать, что эти знания и предполагаемые ими практики были совершенно недоступны для населения [State Secularism..., 2012; Stone A.B., 2008; Религиозные практики в СССР..., 2012]. Однако в повседневной жизни, в семье нередко терялась связь с определенной религиозной традицией, которая выражается в совершении повседневных ритуальных действий и которая имеет большое значение, эффективно вовлекая человека в религиозную жизнь той или иной конфессии. Но и здесь не следует преувеличивать успехи советской власти. Как отмечает А.А. Панченко, та же «крестьянская религиозность с успехом выдержала безбожную кампанию» [Панченко А.А., 2012, с. 10] (см. также: [Цыплаков Д.А., Цыплакова С.М., 2019]). В городах ситуация была сложнее, но там процессы секуляризации и деконфессиализации имели место и до прихода большевиков к власти [Синелина Ю.Ю., 2004; Freede V., 2011]. Советская власть, скорее, лишь интенсифицировала эти

процессы, придав им более узкую «марксистскую» направленность. Но, с другой стороны, эти процессы компенсировались начавшимся с приходом к власти большевиков резким повышением уровня образования и возможностью знакомиться с различными религиозными традициями, пусть и посредством идеологически ангажированной литературы. В каком-то смысле можно даже говорить о расширении знаний о различных религиозных традициях в Советском Союзе: если неграмотный крестьянин мог быть знаком лишь с той религиозной традицией, которая существовала в его общине (да и то, весьма поверхностно с богословской точки зрения), то советский читатель литературы о религии (зачастую — вчерашний крестьянин) имел возможность подробно познакомиться практически со всеми известными науке религиозными учениями.

В целом, стратегия обнаружения религии в ее наиболее чистом виде у М.Н. Эпштейна содержит, как и у Э. Дюркгейма, *ergo fundamentalis* (основное заблуждение), но если у французского социолога эта ошибка проявляется в поиске наиболее архаичной (и поэтому простой) религии, то у Михаила Наумовича она заключается в допущении возможности существования максимально простой (бедной) религии скорее не в прошлом, а в настоящем, постатеистическом настоящем. Но возможно ли это? Человек никогда не существует в культурном вакууме (а если существует, то не как человек, доказательством чего являются дети-маугли). Следовательно, будучи всегда причастен той или иной культуре, человек усваивает присущие ей представления [Александров И.О., Александрова Н.Л., 2009], в том числе и религиозные. При этом нет необходимости напрямую знакомиться с религиозными текстами и практиками: религиозные представления «растворены» во всех подсистемах культуры, формируют характерные для нее онтологические, антропологические и иные представления, выражаемые не только в собственно религиозных, но и во вполне светских формах: повседневных представлениях, литературе, искусстве и т.д. И если, как замечает сам Михаил Наумович, «художественное произведение может выражать “бедную веру”, даже если ее лишен сам художник» [Эпштейн М.Н., 2014, с. 22], то и для других вер такая возможность также не закрыта, в

том числе и в атеистическом обществе. Поэтому вряд ли существует никак культурно не опосредованное религиозное чувство, и любая внеконфессиональная религиозность имеет то или иное конфессиональное измерение, пусть оно и выражено относительно слабо.

Будучи формой организации жизни человека, придания ей смысла, о чем пишет сам М.Н. Эпштейн, бедная вера (как и любой другой вариант религии) при всей своей бедности не может ограничиться утверждением, что «там Кто-то есть». Для организации жизни неизбежно необходим набор вполне определенных предписаний (пусть даже и не «догматизированных»), и практически все возможные их варианты уже были воплощены в той или иной религиозной традиции, по причине чего любой, на первый взгляд, новый вариант будет новым лишь в деталях, по существу отсылая к той или иной уже существующей религиозной традиции.

Второй философской проблемой, подробно рассматриваемой М.Н. Эпштейном, является проблема происхождения бедной веры. Подобного рода вопросы В. Ханеграаф также относит к группе, рассмотрением которой религиоведение не занимается, ограничиваясь простым исследованием идей без использования внешних теорий причинности [Hanegraaff W., 1995, p. 117]. У Эпштейна же данный вопрос играет, можно сказать, конституирующую роль, поскольку бедная религия всегда определяется им не только посредством констатации ее бедности, но и указанием на причину этой бедности, которая заключается в семидесятилетнем господстве в Советском Союзе государственного атеизма [Эпштейн М.Н., 2017, с. 268]. О других возможных причинах появления бедной религии ничего не говорится, в результате чего получается, что люди в теории бедной веры мыслятся как пассивные заложники ситуации, исповедующие бедную веру по необходимости. Кроме того, поскольку религиозная ситуация в СССР (тотальное отрицание любой религиозной традиции) позиционируется как уникальная, постольку и сам феномен бедной веры оказывается если и не присущим исключительно жителям постсоветского пространства, то как минимум по преимуществу представленным именно в этом регионе.

Но известные науке данные, которые упоминает и сам М.Н. Эпштейн, не позволяют мыслить бедную веру таким образом.

Во-первых, внеконфессиональная религиозность широко распространена не только на постсоветском пространстве, но и на Западе (ее даже обозначают сходным образом — религия низкой интенсивности (*low intensity religion*) [Тернер Б., 2012]), где не было семидесятилетнего государственного атеизма. Следовательно, возможны и другие варианты генезиса бедной веры, варианты, не связанные с господством государственного атеизма.

Во-вторых, Эпштейн упоминает о проектах «объединения вер, особенно под эгидой разума» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 268], указывая в качестве примера Г.Э. Лессинга. Но для него этот факт ничего не меняет, поскольку «лишь на определенной исторической почве, такой как массовый атеизм советского общества, подобное поведение становится живым чувством и потребностью» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 268]. На наш взгляд, это суждение является спорным, поскольку не приводятся аргументы, доказывающие, что такое «живое чувство и потребность» не могут быть вызваны другими причинами, а сам факт наличия явлений сходных или даже тождественных бедной вере в иные эпохи (и это не только проекты объединения вер эпохи Просвещения, но и уже упоминавшиеся гностицизм, пиетизм и народная религия) позволяет утверждать, что господство государственного атеизма не является ни необходимым, ни достаточным фактором для появления бедной веры.

Кроме того, «живое чувство и потребность» относятся к субъективным психологическим факторам и вряд ли можно говорить об однозначной связи между ним и господством государственного атеизма. И в годы этого господства, и после них люди становились не только «бедноверцами» — были и те, кто искренне принимал атеистическую идеологию, а также те, кто сохранял верность православию или иной традиционной религии. Следовательно, помимо простого указания на господство государственного атеизма, необходимо указывать и рассматривать иные, субъективные факторы, благоприятствовавшие развитию у индивида именно «бедноверных» взглядов. Это понимает и М.Н. Эпштейн, когда описывает «внутренний мир» нашего современника, ищущего истинную веру [Эпштейн М.Н., 2014, с. 20], но эта тема у него не получает должного развития.

Также необходимо учитывать и другие объективные факторы (помимо государственного атеизма). Например, отсутствие всеобщей грамотности, особенно наряду с той или иной степенью разрушения традиционного общества, оторванностью индивида от общины, с не меньшей степенью может приводить к созданию феноменов, сходных или даже тождественных бедной вере даже без воздействия государственного атеизма. Еще один фактор деконфессионализации, как указывает М.А. Прилуцкий, — это конфликт религии и науки, достигший апогея в эпоху модерна. Он пишет, что, с научной точки зрения, все важные для религии вероучительные различия между конфессиями не имели значения, поскольку все религии и все верующие воспринимались «в равной степени маргинальные в своей религиозности» [Прилуцкий М.А., 2012, с. 118]. Такое восприятие различных религиозных традиций также не предполагает обязательного господства государственного атеизма, достаточно существования в обществе, в системе образования научного знания, понимаемого как несовместимого ни с одной религиозной традицией, что характерно не только для СССР.

Наконец, и помимо СССР были и есть страны, где в том или ином виде господствует государственный атеизм, например, КНДР и КНР [Фэнган Я., 2022]. Логично предположить, что и в этих странах должна появиться минимальная религия, изучение которой, с учетом иной изначальной религиозной традиции, представляет несомненный интерес для развития и уточнения теории бедной веры.

3. Теологическая составляющая теории бедной веры

К теологической составляющей теории бедной веры у М.Н. Эпштейна, на наш взгляд, следует отнести те суждения, которые можно квалифицировать как провиденциалистские. Речь идет об элементах религиозной историософии, в рамках которой те или иные исторические события рассматриваются как имеющие особый религиозный смысл. Так, описывая искоренение всех религиозных традиций в Советском Союзе, Михаил Наумович отмечает, что эта практика может рассматриваться не только как отрицательное явление, но и как то, что приносит пользу религии (понимаемой как религия

вообще, вне конфессиональной определенности), ссылаясь при этом на Библию, а именно цитируя книгу пророка Исая: «Глас вопиющего: В пустыне приготовьте путь Господу... Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими. И явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие... (Исайя, 40: 3–5)» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 268]. С точки зрения М.Н. Эпштейна, именно советский массовый атеизм не просто способствовал появлению бедной веры, но тем самым ни много ни мало «подготовил путь Господу, преследуя и вытаптывая все веры, — а в итоге раздвинул пространство для собирания разных вер, чтобы “всякая плоть” могла узреть приход славы Божьей» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 269]. Хотя сам М.Н. Эпштейн не говорит прямо о том, кем ее («славы Божьей») появление было подготовлено, можно предположить, что самим Богом, поскольку ни советские атеисты, ни представители различных религиозных традиций к этому не стремились, по крайней мере, таким необычным способом. Своего рода фигура умолчания, используемая в этом случае Михаилом Наумовичем, в равной степени может пониматься и как нежелание полностью переходить на язык религиозного описания реальности, и как характерный для бедной религии минимализм и неопределенность в выражении собственных представлений о Боге.

В приведенной цитате интересна не только интерпретация советского атеизма, но и понимание бедной веры и ее отношений с различными религиозными традициями. Оказывается, что все существующие религиозные традиции являются в той или иной степени искажением истины (именно к ним относятся такие характеристики, как «кривизна» и «неровные пути» из приведенного высказывания пророка Исая). Поскольку в результате такого атеистического исправления появляется бедная вера, она у М.Н. Эпштейна оказывается той истинной верой, о которой говорил библейский пророк.

Подобное восприятие истории можно назвать не просто теологическим; его можно квалифицировать как теологию бедной веры, поскольку именно она воспринимается как религия в ее наиболее чистом, наиболее аутентичном виде не только в логическом (научном), но и в оценочно-теологическом смысле. На это

указывает и отсутствие выражаемого М.Н. Эпштейном варианта понимания Исая, 40: 3–5 в существующих христианских конфессиях. Другими словами, Михаил Наумович предлагает теологическую, но внеконфессиональную интерпретацию Исая, 40: 3–5, что, согласно его словам, характерно именно для бедной веры. На наш взгляд, это совершенно не случайно, поскольку сам Михаил Наумович является представителем позднесоветского во многом уже постатеистического общества. Вспоминая свою жизнь в Советском Союзе, он прямо пишет, что в те годы «сам я был “бедным верующим”, т.е. имел веру без вероисповедания, без конкретной истории и догматики» [Эпштейн М.Н., Юрьенен С.С., 2018, с. 381]. В силу же профессиональной принадлежности (филолог, культуролог, философ) он является не только представителем бедной веры, но и одним из первых ее богословов.

Приведенный пример оригинального толкования Библии не является единственным. Можно даже сказать, что М.Н. Эпштейн самым активным образом использует Писание при описании бедной веры, стремясь каждую указываемую им характеристику данного феномена осмыслить в библейском контексте, причем всегда с положительной стороны, интерпретируя приводимые им фрагменты таким образом, что бедная вера неизменно оказывается истинной верой. Показательными примерами такой стратегии использования Библии являются интерпретация евангельской притчи о мытаре и фарисее и указание на евангельского разбойника, «уверовавшего в Иисуса прямо на кресте и сораспятый с ним, не прошедший через катехизацию, через молитвенный и обрядовый опыт» [Эпштейн М.Н., 2017, с. 268]. Наиболее же развернутый пример эпштейновской герменевтики библейских тестов можно найти в работе «Религия после атеизма», а именно во второй и третьей главах пятого раздела. Во второй главе последовательно интерпретируется ряд ветхозаветных книг — книги Иова, Екклесиаста, Песнь Песней, а в третьей, более короткой, представлено «бедноверное» восприятие Нового Завета [Эпштейн М.Н., 2014, с. 246–293]. Также примечательной кажется первая глава этого раздела под названием «От философии к теологии», которую можно назвать предварительным теоретическим введением к двум по-

следующим главам, введением, которое является, пожалуй, самым развернутым и рациональным изложением теологии бедной веры [Эпштейн М.Н., 2014, с. 223–245], и которая поэтому заслуживает отдельного изучения.

Использование исключительно Библии, пусть и толкуемой внеконфессионально, при «бедноверном» теологическом (само)осмыслении М.Н. Эпштейном особенностей бедной веры еще раз показывает, что, хотя данный феномен и не связывается ни с какой религиозной традицией, все же определенная (и, скорее всего, во многом произвольная) связь с одной из них (или несколькими) существует, поскольку каждый человек вписан в определенную культуру, в основе которой всегда есть та или иная религиозная составляющая. Логично, что для Михаила Наумовича таковой является иудео-христианская традиция, что и объясняет использование именно Библии, а не Бхагавадгиты или Пополь-Вух. Тем интереснее изучение бедной веры в инокультурных регионах, таких как Китай.

На первый взгляд, наличие в теории бедной веры М.Н. Эпштейна теологической составляющей делает проблематичным ее использование в рамках религиоведения, если понимать последнюю как научную дисциплину. Однако такой вариант отношения к теории бедной веры в ее нынешнем виде не является единственно возможным. Во-первых, научные и ненаучные составляющие теории бедной веры различимы и могут быть друг от друга отделены. Во-вторых, собственно научная составляющая может быть развита в соответствии с существующими критериями научности вне связи с другими (ненаучными) составляющими.

Теологическая составляющая теории бедной веры в изложении М.Н. Эпштейна также может быть использована для научного изучения бедной веры. Поскольку мировоззренческие предпочтения М.Н. Эпштейна близки или даже тождественны установкам описываемой им бедной религии, присутствие такого рода ненаучных суждений может рассматриваться как самоописание бедной веры, как примеры, позволяющие лучше понять данный феномен, ведь, как замечает сам Михаил Наумович, «бедная вера пока что не оставила памятников теологической мысли» [Эпштейн М.Н., 2014, с. 21], есть только «свидетельства этого рели-

гиозного мироощущения» [Эпштейн М.Н., 2014, с. 21], причем, судя по приводимым Михаилом Наумовичем примерам, в основном в литературе позднесоветской эпохи. Тем ценнее видятся любые тексты, которые могут быть отнесены к «памятникам теологической мысли» бедной веры, на что может претендовать часть рассуждений М.Н. Эпштейна.

Так, из приведенных суждений М.Н. Эпштейна, квалифицированных нами как примеры теологии бедной веры, можно заключить, что представители этой веры, как и представители других религий, воспринимают именно свою веру в качестве истинной (или, как минимум, находящейся ближе всего к истине). Эта вера не имеет под собой научных оснований, но зато показывает, что даже такой минималистичный, адогматичный и эклектичный феномен как бедная вера не чужд характерного для всех религий эксклюзивизма, пусть и имеющего (как и в некоторых других религиях) видимость инклюзивизма или даже плюрализма.

Также можно утверждать, что для представителей бедной веры бедность, неразвитость вероучения, адогматичность является не просто количественной характеристикой и тем более не недостатком, а наоборот преимуществом, которое выгодно отличает эту веру от других религиозных традиций, которые в своей сложности воспринимаются как менее приспособленные к «жизненному и духовному порыву, ведущему к внутреннему преображению личности». Также положительно осмысливается внеконфессиональность бедной веры — как свидетельство ее открытости ко всему лучшему, что есть в иных религиозных традициях. Впрочем, нельзя исключить и того, что, хотя бы в некоторых случаях такой оценки бедности и внеконфессиональности имеет место рационализация, когда фактически существующие особенности задним числом интерпретируются представителями бедной веры не как недостаток (что логично с точки зрения большинства религиозных традиций), а как преимущество. Но и такого рода случаи позволяют лучше понять феномен бедной веры, причины и способы ее появления и существования.

Заключение

Религиозная ситуация в современном российском постатеистическом обществе не является

простым феноменом, который можно объяснить одной единственной характеристикой. Не только бедность (даже в купе с другими сопутствующими признаками, выделяемыми М.Н. Эпштейном), но и любая другая характеристика религиозности современного человека, взятая в отдельности, будет выглядеть (и фактически являться) как редукционизм. Необходимо учитывать множество самых различных факторов, хотя они, безусловно, могут ранжироваться и, вступая в определенные устойчивые связи, образовывать систему, причем не единообразную для всех, а представленную разными индивидуальными вариантами. Точно так же не следует преувеличивать значение объективных факторов, и тем более сводить их к одному, пусть даже и такому важному, как семидесятилетнее господство государственного атеизма в Советском Союзе. На наш взгляд, можно и нужно выделять другие факторы, причем не только объективные, но и субъективные, особенно значимые в случае с постсекулярной религиозностью, в которой индивидуальный поиск и даже творческое создание своей собственной веры играют значимую роль. Учет субъективных факторов способен, в частности, дать иное объяснение бедности бедной веры. Также необходимо учитывать явления, схожие с бедной верой, даже если они, как, например, гностицизм, существовали сравнительно давно и на первый взгляд никак не связаны с религиозностью постсекулярного общества. В результате, если развить в этом направлении уже имеющуюся научную составляющую бедной веры, четко разграничив ее и ненаучную составляющую, то теория бедной веры может стать инструментом, позволяющим научно изучать религиозность современного постатеистического общества.

Список литературы

Александров И.О., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. 320 с.

Афонасин Е.В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002. 368 с.

Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: Тотемическая система в Австралии /

пер. с фр.; под науч. ред. А. Апполонова. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.

Еремеева Н.В. Просвещение и пиетизм: к истории трансформации нравственных требований протестантизма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, вып. 1. С. 215–223.

Крыштон Л.Э. Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 528 с.

Кузьмина Е.В., Фазлеева Р.Р. Постсекулярность: тенденции анализа феномена в современных религиоведческих исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8(82). С. 106–112.

Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 37–110.

Недзьведзь А. От «народной религиозности» к «проживаемой религии»: дискуссия в польской антропологии религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3(34). С. 172–188.

Обидина Ю.С. Память как забвение: православие в России в эпоху секуляризации // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-26-37>

Панченко А.А. Иван и Яков — необычные святыне из болотистой местности: «крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 448 с.

Прилуцкий М.А. Деконфессионализация как семиотическая проблема // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 2: Философия. 2012. № 2. С. 113–122.

Религиозные практики в СССР. Спец. вып. журнала «Государство. Религия. Церковь» / ред.-сост. А. Агаджанян, А. Беглов. 2012. № 3–4(30). 560 с.

Ростова Н.Н. Феномен внеконфессиональной религиозности с точки зрения философии // Философия и общество. 2016. № 4. С. 111–119.

Сакович Д.Ю. Постсекулярное в русском православии: «Бедная вера» // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4, вып. 4(14). С. 82–87. DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.9>

Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М.: Академия, 2004. 223 с.

Смолкин В. Свято место пусто не бывает. История советского атеизма. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 552 с.

Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2(30). С. 21–51.

Торчинов Е.А. Религия мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 384 с.

Трофимов С.В. Эмиль Дюркгейм о роли религии в общественной жизни. Обоснование выбора элементарной религии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25, № 3. С. 173–197. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-173-197>

Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 416 с.

Фазлеева Р.Р. «Бедная» вера как минимум религиозности в постсекулярном российском обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4(66), ч. 1. С. 186–188.

Фэнган Я. Религия в Китае. Выживание и возрождение при коммунистическом режиме / пер. с англ. Д. Гальцина. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 271 с.

Цыплаков Д.А., Цыплакова С.М. Актантное взаимодействие в традиционной религиозной культуре в секулярном СССР // Коммуникология. 2019. Т. 7, № 1. С. 113–126.

Шохин В.К. Представления о секулярности и религия Просвещения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 96. С. 61–76. DOI: <https://doi.org/10.15382/sturi202196.61-76>

Эванс-Притчард Э. История антропологической мысли / пер. с англ. А.Л. Елфимова. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. 358 с.

Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии / пер. с англ. А.А. Казанкова, А.А. Белика. М.: ОГИ, 2004. 144 с.

Эпитейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 616 с.

Эпитейн М.Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ-Пресс Книга, 2014. 416 с.

Эпитейн М.Н., Юрьенен С.С. Энциклопедия юности. М.: Эксмо, 2018. 592 с.

Freede V. Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia. Madison, WI: The University of Wisconsin Press, 2011. 314 p.

Hanegraaff W. Empirical method in the study of esotericism // Method & Theory in the Study of Religion. 1995. Vol. 7, iss. 2. P. 99–129. DOI: <https://doi.org/10.1163/157006895x00342>

Hervieu-Leger D. Religion as a Chain of Memory. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2000. 216 p.

State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine / ed. by C. Wanner. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 346 p.

Stone A.B. «Overcoming Peasant Backwardness»: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // Russian Review. 2008. Vol. 67, iss. 2. P. 296–320. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9434.2008.00485.x>

Wuthnow R. America and the Challenges of Religious Diversity. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. 416 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400837243>

References

Alexandrov, I.O. and Alexandrova, N.L. (2009). *Sub'yektivnyy opyt, kul'tura i sotsial'nyye predstavleniya* [Subjective experience, culture, and social perceptions]. Moscow: IP RAS Publ., 320 p.

Afonasin, E.V. (2002). *Antichnyy gnostitsizm. Fragmentsy i svidetel'stva* [Ancient gnosticism. Fragments and testimonies]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 368 p.

Aganzhanyan, A. and Beglov, A. (eds.) (2012). [Religious practices in the USSR]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 3–4(30), 560 p.

Durkheim, E. (2018). *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The elementary forms of the religious life]. Moscow: Delo RANEPА Publ., 736 p.

Epstein, M.N. (2017). *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [The projective dictionary of humanistic disciplines]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie Publ., 616 p.

Epstein, M.N. (2014). *Religiya posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii* [Religion after atheism: New possibilities for theology]. Moscow: AST-Press Publ., 416 p.

Eremeeva, N.V. (2016). [Enlightenment and pietism: Toward a history of the transformation of the moral requirements of Protestantism]. *Vestnik Russ-*

koy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Review of the Russian Christian Academy for the Humanity]. Vol. 17, iss. 1, pp. 215–223.

Evans-Pritchard, E. (2003). *Istoriya antropologicheskoy mysli* [Social anthropology and other essays]. Moscow: «Vostochnaya Literatura» RAS Publ., 358 p.

Evans-Pritchard, E. (2004). *Teorii primitivnoy religii* [Theories of primitive religion]. Moscow: United Humanities Publ., 144 p.

Epstein, M.N. and Yur'enen, S.S. (2018). *Entsiklopediya yunosti* [Encyclopedia of youth]. Moscow: Eksmo Publ., 592 p.

Fazleeva, R.R. (2016). [«Poor» faith as minimum of religiosity in post-secular russian society]. *Istoriicheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 4(66), pt. 1, pp. 186–188.

Fenggang, Ya. (2022). *Religiya v Kitae. Vyzhivanie i vozrozhdenie pri kommunisticheskom rezhime* [Religion in China. Survival and revival under communist rule]. St. Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossika Publ., 271 p.

Freede, V. (2011). *Doubt, atheism, and the nineteenth-century Russian intelligentsia*. Madison, WI: The University of Wisconsin Press, 314 p.

Gurevich, A.Ya. (1990). *Srednevekovyy mir: Kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [The Medieval world: The culture of the silent majority]. Moscow: Iskusstvo Publ., 396 p.

Hanegraaff, W. (1995). Empirical method in the study of esotericism. *Method & Theory in the Study of Religion*. Vol. 7, iss. 2, pp. 99–129. DOI: <https://doi.org/10.1163/157006895x00342>

Hervieu-Leger, D. (2000). *Religion as a chain of memory*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 216 p.

Krysh-top, L.E. (2020). *Moral' i religiya v filosofii nemetskogo Prosvetsheniya: ot Hr. Tomaziya do I. Kanta* [Morality and religion in the philosophy of the German Enlightenment: From Chr. Thomasius to I. Kant]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 528 p.

Kuz'mina, E.V. and Fazleeva, R.R. (2017). [Post-secularity: Trends of phenomenon analysis in modern religious studies]. *Istoriicheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 8(82), pp. 106–112.

Lévi-Strauss, C. (1994). [Totemism today]. *Levi-Stross K. Pervobytnoe myshlenie* [Lévi-Strauss C. Primitive thinking]. Moscow: Respublika Publ., pp. 37–110.

Niedzwiedz, A. (2016). [From «folk religiosity» to «lived religion»: Terminological debate within the polish anthropology of religion]. *Gosudarstvo, religia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 3(34), pp. 172–188.

Obidina, Yu.S. (2020). [Memory as oblivion: Orthodoxy in Russia in the era of secularization]. *Zapad – Vostok* [West – East]. No. 13, pp. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-26-37>

Panchenko, A.A. (2014). *Ivan i Yakov — neobychnye svyatye iz bolotistoy mestnosti: «krest'yanskaya agiologiya» i religioznye praktiki v Rossii Novogo vremeni* [Ivan and Yakov — unusual saints from the marshland: «Peasant hagiology» and religious practices in New Age Russia]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 448 p.

Prilutskiy, M.A. (2012). [De-confessionalization as a semiotic problem]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. T. 2: Filosofiya* [Pushkin Leningrad State University Journal. Vol. 2. Philosophy]. No. 2, pp. 113–122.

Rostova, N.N. (2016). [The phenomenon of extra-confessional religiosity in terms of philosophy]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 4, pp. 111–119.

Sakovich, D.Yu. (2021). [Post-secular in Russian Orthodoxy: «Poor Faith»]. *Caucasian Science Bridge*. Vol. 4, iss. 4(14), pp. 82–87. DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.9>

Sinelina, Yu.Yu. (2004). *Sekulyarizatsiya v sotsial'noy istorii Rossii* [Secularization in the social history of Russia]. Moscow: Akademiya Publ., 223 p.

Shokhin, V.K. (2021). [The narrative of secularism and the religion of German Enlightenment]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies]. Iss. 96, pp. 61–76. DOI: <https://doi.org/10.15382/sturi202196.61-76>

Smolkin, V. (2021). *Svyato mesto pusto ne byvaet. Istoriya sovetskogo ateizma* [A sacred space is never empty: A history of soviet atheism]. Moscow: New Literary Observer Publ., 552 p.

Stone, A.B. (2008). «Overcoming peasant backwardness»: The Khrushchev antireligious campaign and the rural Soviet Union. *Russian Review*. Vol. 67,

iss. 2, pp. 296–320. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9434.2008.00485.x>

Torchinov, E.A. (2000). *Religii mira: opyt zapredel'nogo. Psikhotehnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [Religions of the world: Experience of the beyond. Psychotechniques and transpersonal states]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 384 p.

Trofimov, S.V. (2019). [Emile Durkheim on the role of religion in public life. Substantiation of the choice of elementary religion]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. Vol. 25, no. 3, pp. 173–197. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-173-197>

Tsyplakov, D.A., Tsyplakova, S.M. (2019). [Actant Interaction in Traditional Religious Culture in the

Secular USSR]. *Kommunikologiya* [Communicology]. Vol. 7, no. 1, pp. 113–126.

Turner, B. (2012). [Religion in a post-secular society]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 2(30), pp. 21–51.

Uzlaner, D. (2020). *Postsekulyarnyy povorot. Kak myslit' o religii v XXI veke* [The postsecular turn. How to think about religion in the XXI century]. Moscow: Gaidar Institute Publ., 416 p.

Wanner, C. (ed.) (2012) *State secularism and lived religion in Soviet Russia and Ukraine*. New York: Oxford University Press, 346 p.

Wuthnow, R. (2005). *America and the challenges of religious diversity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 416 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400837243>

Об авторах

Логиновский Сергей Сергеевич

доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры международных отношений,
политологии и регионоведения

Южно-Уральский государственный университет,
454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 76;
e-mail: loginovskiiss@susu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8703-3862>
ResearcherID: GON-9379-2022

Головина Мария Александровна

магистр религиоведения,
помощник ректора

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
454080, Челябинск, пр. Ленина, 69;
e-mail: golovinama@cspu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-8889>
ResearcherID: GON-9396-2022

About the authors

Sergey S. Loginovskiy

Doctor of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of International
Relations, Politology and Regional Studies

South Ural State University,
76, Lenin av., Chelyabinsk, 454080, Russia;
e-mail: loginovskiiss@susu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8703-3862>
ResearcherID: GON-9379-2022

Mariya A. Golovina

Master of Religious Studies,
Assistant to the Rector

South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
69, Lenin av., Chelyabinsk, 454080, Russia;
e-mail: golovinama@cspu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-8889>
ResearcherID: GON-9396-2022

УДК 1(091):130.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-53-62>

Поступила: 15.09.2022

Принята: 20.12.2022

Опубликована: 10.04.2023

**ИКОНА И КИНОПЛЕНКА:
КОНЦЕПЦИЯ ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ П.А. ФЛОРЕНСКОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ С.М. ЭЙЗЕНШТЕЙНА**

Потапов Михаил Михайлович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

С.М. Эйзенштейн и П.А. Флоренский — заметные фигуры русской культуры начала XX в. Несмотря на то, что режиссер и теоретик кино никогда не встречал философа и богослова, заметно определенное сходство в методологии обоих деятелей культуры. И П.А. Флоренский, и С.М. Эйзенштейн отмечали значительную роль категорий пространства и времени. Оба охотно использовали концепцию обратной перспективы. П.А. Флоренский — один из первых отечественных мыслителей, кто подробно теоретизировал данный концепт. Этот способ изображения пространства и времени занял особое место в его философской картине мира. При этом обратная перспектива — также предмет многих киноведческих работ С.М. Эйзенштейна. Советский режиссер многократно использовал такой способ изображения пространства как художественный прием. В статье рассматривается понимание концепции обратной перспективы философом, богословом П.А. Флоренским и режиссером С.М. Эйзенштейном. Приводятся общие положения философии пространства П.А. Флоренского, а также некоторые аспекты пространства, изображенного на иконе. Отмечается сходство интерпретации концепции обратной перспективы П.А. Флоренского и С.М. Эйзенштейна. Подробно рассматривается работа П.А. Флоренского «Обратная перспектива» и делается вывод о том, что она может быть использована в качестве базиса для интерпретации кинематографа С.М. Эйзенштейна. Приводятся суждения о концепции обратной перспективы С.М. Эйзенштейна из таких работ, как «Вертикальный монтаж», «Пиранези, или текучесть форм» «Режиссура. Искусство мизансцены», «Монтаж» и «Четвертое измерение в кино». Также отмечается использование концепции обратной перспективы в кинематографе С.М. Эйзенштейна. Рассматривается структурное соответствие идей о пространстве иконы П.А. Флоренского и идей монтажа и построения кадра С.М. Эйзенштейна. Оба деятеля культуры отмечают, что нарушение привычного глазу порядка расположения объектов в пространстве может открывать новые смыслы изображаемого. Так, для П.А. Флоренского икона — связующее звено между горним и дольным мирами. А у С.М. Эйзенштейна построенная в обратной перспективе мизансцена — способ усилить эмоцию фильма и открыть новые грани изображаемого. Обратную перспективу как художественный прием активно используется и в современном кинематографе.

Ключевые слова: П.А. Флоренский, С.М. Эйзенштейн, обратная перспектива, монтаж, пространство, икона, кинокадр.

Для цитирования:

Потапов М.М. Икона и кинолента: концепция обратной перспективы П.А. Флоренского в творчестве С.М. Эйзенштейна // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 53–62.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-53-62>

AN ICON AND CINE FILM: THE CONCEPT OF REVERSE PERSPECTIVE BY PAVEL FLORENSKY IN SERGEI EISENSTEIN'S WORKS

Mikhail M. Potapov

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Sergei Eisenstein and Pavel Florensky are notable figures in Russian culture of the beginning of the 20th century. Despite the fact that the film director and film theorist never met the philosopher and theologian, there is a noticeable similarity in the methodology of both cultural figures. Both Pavel Florensky and Sergei Eisenstein noted the significant role of the categories of space and time; both willingly used the concept of «reverse perspective». Pavel Florensky was one of the first Russian thinkers to theorize this concept in detail. This way of depicting space and time took a special place in his philosophical picture of the world. At the same time, «reverse perspective» was the subject of many film criticism works by Sergei Eisenstein. The Soviet director repeatedly used this way of depicting space as an artistic device. The article discusses the understanding of the concept of reverse perspective by the philosopher and theologian Pavel Florensky and the film director Sergei Eisenstein. The general provisions of the philosophy of space by Pavel Florensky are presented, as well as some aspects of the space depicted on an icon. There is a similarity in the interpretation of the concept of reverse perspective by Pavel Florensky and Sergei Eisenstein. The paper considers the structural correspondence between Pavel Florensky's ideas about the space of an icon and Sergei Eisenstein's ideas of editing and framing. In the conclusion of the article, common features in the understanding of a film frame by Sergei Eisenstein and icons by Pavel Florensky are revealed. Both cultural figures note that the violation of the habitual, familiar to the eye, arrangement of objects in space can open up new meanings of the depicted. For Pavel Florensky, an icon is a link between the upper and lower worlds. For Eisenstein, a *mise en scène* built in reverse perspective is a way to enhance the emotion of the film and open up new facets of what is depicted. Reverse perspective as an artistic technique is also actively used by modern cinema.

Keywords: Pavel Florensky, Sergei Eisenstein, reverse perspective, montage, space, icon, film frame.

To cite:

Potapov M.M. [An icon and cine-film: the concept of reverse perspective by Pavel Florensky in the Sergei Eisenstein's works]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 53–62 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-53-62>

Осмысление категорий пространства и времени стало одной из наиболее характерных черт культуры XX в. Художники, поэты и писатели искали новые способы наиболее достоверного для человеческого восприятия изображения облика объекта. Эти поиски привели к неожиданному результату. Наиболее яркого изображения объекта удалось добиться благодаря концепции обратной перспективы. Опора на русскую и византийскую иконопись позволила художнику еще ближе подойти к действительности. Использование нелинейной и нарушенной перспективы открывало практически безграничные

возможности стремительно развивавшегося в начале XX в. кинематографа. Одним из самых примечательных режиссеров начала века, активно использовавшим данную концепцию, был С.М. Эйзенштейн.

Помимо художественной интерпретации, данный концепт потребовал и философской. Концепт обратной перспективы осмыслялся в философских работах Е.Н. Трубецкого, Н.М. Тарабукина, Б.А. Успенского (параллельно данный концепт активно осмыслялся в искусствоведческих работах, а также исследованиях из области психологии). Однако первым

мыслителем, который дал метафизическое обоснование для понимания обратной перспективы, был П.А. Флоренский. Одноименная часть произведения «У водоразделов мысли» этого мыслителя послужила концептуальным фундаментом для последующего искусства и его осмысления. В свою очередь кинематограф С.М. Эйзенштейна стал одним ярким примером использования данной концепции. Теоретические работы режиссера об обратной перспективе во многом повторяют ход суждений русского философа и используют тот же философский фундамент. Отсутствие упоминаний идей П.А. Флоренского у С.М. Эйзенштейна можно объяснить политико-социальными причинами. В период расцвета творчества режиссера работы П.А. Флоренского не принимались в печать. О знакомстве С.М. Эйзенштейна с идеями мыслителя остается только догадываться.

Интерес П.А. Флоренского к категориям пространства можно объяснить рядом причин. Так, известно, что П.А. Флоренский был блестящим математиком и отлично разбирался в физической науке. В студенческие годы философ задумывал работу «Идея прерывности как элемент мирозерцания». Этот труд, который должен был во многом опираться на творчество Г. Кантора, так и не был написан. Известен также такой факт биографии П.А. Флоренского, как обучение на физико-математическом факультете Московского университета. Будучи состоявшимся богословским мыслителем, П.А. Флоренский интересовался вопросами электрических полей. В 1924 году вышла его монография «Диэлектрики и их техническое применение». Известны несколько статей мыслителя, опубликованных в технических журналах. Список достижений П.А. Флоренского в естественно-научной области можно продолжать долго, однако важно подчеркнуть следующее: мыслитель отлично разбирался в современной на тот момент науке и, очевидно, был знаком с исследованиями А. Эйнштейна и А. Пуанкаре, а также с работами Н.И. Лобачевского и Б. Римана, ставшими вновь актуальными в начале XX в.

К началу XX в. современная физическая наука пришла к относительности времени и пространства. Работы Х. Лоренца, А. Пуанкаре, А. Эйнштейна перевернули науку. Подчеркивалась зависимость категорий пространства и

времени от происходящих в них явлений. Так, пространство и время переставали пониматься как абсолютные величины и становились своего рода портретами сил. Вещи и события стали «кредиторами» пространства и времени.

Для онтологии П.А. Флоренского характерно изображение того или иного элемента не самого по себе, а в контексте его окружения. Такие понятия, как Бог и Истина воплощаются в Божественном свете или любви, которые мыслитель понимал подобно силе или физическому полю, т.е. протяженными в пространстве. Пространство и время и их относительность — важнейший инструмент философского анализа русского мыслителя.

Вторая причина, объясняющая интерес П.А. Флоренского к категориям времени и пространства, тесно связана с пониманием изобразительного искусства. Анализируя живопись в работе «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях», П.А. Флоренский обращается к истории живописи и выделяет художественную особенность рассмотренных произведений. Она заключается в том, что, искажая пространство изображения, художник может изобразить объект с его сущностной стороны, раскрыть его идею, сделать наиболее реальным. Такой способ изображения отличается особой выразительностью и все чаще используется художниками начала XX в.

Таким образом, вышеперечисленные предпосылки обращают внимание русского мыслителя на особую роль пространства и времени. Данные категории становятся неотъемлемой частью философии П.А. Флоренского, а в некоторых работах они сами становятся предметом анализа.

Особое место в философии П.А. Флоренского занимает осмысление иконописи. Икона для философа не просто обозначение горнего мира, но и его часть, возможность в него проникнуть. Иконопись, по словам русского мыслителя, создает особый символический язык, позволяющий изобразить горний мир, опредметить его в условиях земного мира. В статье «Обратная перспектива» русский мыслитель рассматривает историю развития пространства в живописи и, в частности, иконописи, опираясь на работы знаменитых художников разных времен.

Мир, по П.А. Флоренскому, неравномерен. Видимое прерывно, наполнено разрывами. Раз-

рыв дольного (земного) мира означает резкое окончание привычных физических законов. Икона у П.А. Флоренского — символ разрыва. Но как изобразить закон, который резко перестает действовать? Необходимо новое правило, новый закон, который коренным образом отличается от предыдущего. Именно поэтому в иконописи мы часто можем наблюдать обратную или нарушенную перспективу.

Пространство и время в иконе имеют особый характер. Ряд следующих друг за другом плоскостей отдаляет нас от привычного непрерывного образа мира. С.А. Колесников отмечает: «Любая ограниченность для иконы прозрачна, будь то границы помещения, пещеры и т.п. Икона максимально открыта миру, она проникает в реальность и пронизывается ею, она не герметична, как произведение живописи» [Колесников С.А., 2019, с. 25]. Пространство и время в иконе оказываются не просто открыты миру — они открыты вечности. Всякое замкнутое в действительности оказывается разомкнутым в иконе. Один из главных художественных приемов, с помощью которого иконописец добивается размытия всех возможных границ, — использование обратной перспективы.

Одним из первых концепт обратной перспективы описывал отечественный исследователь Д.В. Айналов. Анализируя византийские фрески, ученый отмечает нетипичное расположение объектов в пространстве. Подводя итоги, исследователь называет данную структуру пространства «обратной перспективой», однако подробной трактовки понятие не получает: «Обратная перспектива <...> плоский рельеф указывают на перенос техники восточных искусств в область античного искусства» [Айналов Д.В., 1900, с. 219]. Подробную трактовку понятия предложил немецкий искусствовед Оскар Вулф в статье 1907 г. [Wulff O., 1907]. В своих трудах на данный текст П.А. Флоренский не ссылался, но некоторые исследователи, например, Н. Мислер, предполагают, что данный термин русский философ заимствует именно у Вулфа [Florensky P., 2002].

В работе «Обратная перспектива» П.А. Флоренский рассматривает развитие искусства, начиная с египетских фресок и завершая новаторскими полотнами художников эпохи ренессанса. Русский мыслитель отмечает, что

изображение объектов или объекта в обратной перспективе имело место с самых первых опытов живописи. Философ отвергает позицию, в соответствии с которой концепт обратной перспективы происходит от неумения художника изобразить объект в верных пропорциях. Такой художественный прием открывал перед автором возможность изображения иного, отличного от нашего мира, что способствовало развитию религиозного мировоззрения.

В «Обратной перспективе» П.А. Флоренский обращает внимание читателя на особенности изображения объектов на русских иконах XIV и XV вв. Рассматривая их, можно увидеть пространственные неточности. В качестве примера П.А. Флоренский приводит икону Спаса Вседержителя в Лаврской ризнице. Голова Иисуса Христа, изображенная на иконе, повернута вправо [Флоренский П.А., 2000b, с. 49]. Такой способ изображения в линейной перспективе должен скрыть от нас правую сторону носа изображаемого, однако на иконе эта сторона присутствует.

В русских иконах мы часто сталкиваемся с явными нарушениями линейной перспективы. Но следует ли нам воспринимать эти нарушения как изобразительные ошибки? П.А. Флоренский обращает внимание на то, что иконы с нарушенной перспективой оказываются наиболее выразительными. Более того, иконы, написанные в прямой перспективе, зритель часто находит «холодными, безжизненными и лишены ближайшей связи с реальностью, на них изображенною» [Флоренский П.А., 2000b, с. 47]. Таким образом, нарушение перспективы оказывается не ошибкой в изображении реального, а попыткой изображения сверхреального. «Художник насыщает некоторым содержанием известную область, сильно нагнетает туда содержание, заставляя пространство поддаться и уместить больше, чем оно обычно вмещает без этих усилий» [Флоренский П.А., 2000a, с. 115]. Важно отметить, что подобная позиция подкрепляется и современной на тот момент научной картиной мира, в которой пространство и время утратили характер абсолютных субстанций и стали пониматься как отношения между вещами и событиями соответственно.

Обращаясь к фреске «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, П.А. Флоренский замечает, что комната, в которой расположились ученики

Христа, и стол, за которым происходит известная трапеза, имеют различные точки схода [Флоренский П.А., 2000b, с. 69]. То есть изображение вечера в строгой линейной перспективе выглядело бы иначе, нежели изображение Леонардо да Винчи. Однако в таком случае у зрителя не сложилось бы впечатление, что в комнате происходит нечто значительное. Также П.А. Флоренский обращается к работе Эль Греко «Вид Толедо». Город на картине отличается от настоящего, при этом изображение дает наиболее точный в эмпирическом смысле городской облик. Перед зрителем предстают очертания всех примечательных зданий города [Флоренский П.А., 2000b, с. 71].

В искусстве XX и XXI вв. обратная перспектива все чаще используется как художественный прием. Теоретическая база данного явления, сформулированная П.А. Флоренским, становится базисом для его художественного и философского анализа. Особенное развитие данный прием получает в мультипликации и кинематографе. По мере развития изобразительного искусства, мы все чаще сталкиваемся с художественным приемом нарушения перспективы. Нередко обратную перспективу мы можем обнаружить в российском кинематографе 20-х – 30-х гг. К такому решению часто прибегал режиссер С.М. Эйзенштейн. Пространство и время для режиссера всегда выступали важнейшими инструментами для раскрытия художественного замысла произведения. Построение мизансцены, особенности монтажа — все это подробно раскрывается в статьях и очерках С.М. Эйзенштейна.

С.М. Эйзенштейн во многом повторяет суждения П.А. Флоренского, изложенные в работе «Обратная перспектива». В «Вертикальном монтаже» режиссер ссылается на те же произведения искусства, что и П.А. Флоренский. Приводятся «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, пейзажи Эль Греко, работы Дюрера [Эйзенштейн С.М., 1964а, с. 207–208]. И П.А. Флоренский и С.М. Эйзенштейн ссылаются на работу А. Ватто «Путешествие на остров Цитеры» [Попова Л.В., 2017, с. 246]. Также режиссер повторяет и размышления П.А. Флоренского о детском рисунке. «Все изображено в сносных взаимоотношениях и с большой добросовестностью. Дрова. Печка. Труба. Но посреди площади комнаты громадный испещрен-

ный зигзагами прямоугольник. Что это? Оказывается — “спички”. Учитывая осевое значение для изображаемого процесса именно спичек, ребенок по заслугам отводит им и масштаб» [Эйзенштейн С.М., 1964а, с. 288]. В работе «Режиссура. Искусство мизансцены» режиссер отмечает использование обратной перспективы в русской и византийской иконописях.

Отдельно можно подчеркнуть, что, как и П.А. Флоренского, С.М. Эйзенштейна занимает вопрос о четвертом измерении (статья «Четвертое измерение в кино» [Эйзенштейн С.М., 1964а, с. 45]). В продолжение данной темы режиссер иронически обозначает задел на изучение пятого: «Обладая таким превосходным орудием познания, как кинематограф, даже свой примитив феномена — ощущение движения — решающий четвертым измерением, мы скоро научимся конкретной ориентировке в четвертом измерении так же по-домашнему, как в собственных ночных туфлях! И придется ставить вопрос об измерении... пятом!» [Эйзенштейн С.М., 1964а, с. 49–50].

О сходстве в интерпретации обратной перспективы П.А. Флоренским и С.М. Эйзенштейном пишет В.В. Иванов: «...точку зрения Эйзенштейна на отличие прямой <...> перспективы от обратной представляется возможным соотнести с высказываниями на эту тему, сделанными приблизительно в то же время П.А. Флоренским. Хотелось бы подчеркнуть одновременно и разительное сходство утверждений по этому конкретному вопросу (они в сходных выражениях описывают роль театральных декораций в становлении перспективы и связь обратной перспективы с духовными задачами художника), и полную мировоззренческую противоположность сопоставляемых теоретиков искусства» [Иванов В.В., 1999, с. 214]. Под мировоззренческой противоположностью исследователь понимает наличие последовательной религиозной картины мира у П.А. Флоренского и отсутствие таковой у С.М. Эйзенштейна. При этом о причинах подобного «разительного сходства» исследователь пишет мало, высказывая предположение о проявлении таким образом эпохи в идеях выдающихся деятелей. Однако, помимо общей эпохи, П.А. Флоренского и С.М. Эйзенштейна объединяют общие философские корни. Оба деятеля культуры испытали влияние филосо-

фии платонизма, сходным образом интерпретировали «знак». Оба писали о прерывности мира. П.А. Флоренский высказывал предположение о том, что мир «надтреснут», и искал философское объяснение этого продолжая идеи ритмологии Н.В. Бугаева. С.М. Эйзенштейн писал о «разрывах непрерывности изображения» [Эйзенштейн С.М., 1964b, с. 183] в различных национальных живописях и искал их объяснение в категориях философии Платона.

Н.Г. Красноярова и М.А. Юношева называют отечественного режиссера «философом кино» [Красноярова Н.Г., Юношева М.А., 2016, с. 34]. О.В. Синельникова рассматривает эстетическую концепцию С.М. Эйзенштейна в контексте явлений философии постмодерна. Исследователь указывает на то, что режиссер глубоко теоретизировал монтаж как инструмент выразительности. Важно отметить, что в контексте эстетики постмодерна монтаж стал уже инструментом мышления [Синельникова О.В., с. 70]. В.В. Иванов в трудах «Эстетика Эйзенштейна» и «Очерки по истории семиотики» также вплетает теоретический концепт монтажа С.М. Эйзенштейна в историю семиотики в СССР. В статье «Диккенс, Гриффит и мы» С.М. Эйзенштейна можно обнаружить семиотический подход в анализе пространства кинокадра. Режиссер пишет: «Мы, наша эпоха — *остроидейная и интеллектуальная* — не могла не прочесть в кадре прежде всего его свойства *идеологической энграммы — знака*, не могла не усмотреть *в сопоставлении кадров становления нового качественного элемента, нового образа, нового понятия* <...> *мы раздвигали рамки параллельного монтажа в новое качество, в новую область; из сферы действия в сферу смысла*» [Эйзенштейн С.М., 1968, с. 171–172]. Таким образом, С.М. Эйзенштейн предлагает трактовать визуальные приемы кинематографа, в частности монтаж и строение кадра, как язык. Слова отечественного режиссера также переключаются с понятием хронотоп М.М. Бахтина, определяемое как ворота «в сферу смыслов» [Бахтин М.М., 1986, с. 290]. Стоит отметить, что творчеству М.М. Бахтина также часто приписывается статус предтечи структурализма.

М.Б. Ямпольский обращает внимание, что в 30-е годы режиссера интересовал опыт религиозных мистиков. В процессе исследования С.М. Эйзенштейн купил книгу Леви-Брюля

«Первобытное мышление», через которую познакомился с «причудливой комбинацией платонизма, бергсонизма и этнографии» [Ямпольский М.Б., 2010, с. 324]. Вероятно, из данной работы режиссер почерпнул концепцию метексиса — элемента метафизики Платона, указывающего на причастность идеи к физическому миру. С.М. Эйзенштейна в особой степени интересовала возможность мгновенно видеть мистические силы за реальными вещами. В данном аспекте Леви-Брюль перенес термин Платона на принцип мышления «дикаря», в котором визуальный образ оказывался напрямую связан с мистическим содержанием. В дальнейшем данный концепт был реализован в кинофильме «Октябрь» в монтажной фразе «Богги». Она начинается с изображения Христа и завершается изображением деревянного идола. «Если понятие и статуя в первом барочном изображении полностью совпадают, то с каждой следующей статуей их последовательное взаимоудаление возрастает» — комментирует данную монтажную фразу С.М. Эйзенштейн [Эйзенштейн С.М., 2000, с. 532]. Здесь, с одной стороны, можно усмотреть концептуальное наполнение, отсылающее к философии платонизма, с другой, — увидеть логику обратной перспективы в монтажной интерпретации. Режиссер располагает объекты во времени от «большого» к «меньшему», также как иконописец изображает сначала на дальнем плане крупные объекты, затем мелкие детали на ближнем. Наличие элементов философии платонизма в интерпретации данной монтажной фразы видит и М.Б. Ямпольский: «Эта регрессия на предпонятийную стадию, в обратном порядке воспроизводящая процесс генезиса понятия, прямо понимается Эйзенштейном как метексис» [Ямпольский М.Б., 2010, с. 330].

Так, основным инструментом обратной перспективы для С.М. Эйзенштейна оказывается монтаж. Если в живописи художник может изобразить несколько сторон объекта, сказав при этом перспективу картины, режиссер может показать эти стороны в последовательности кадров. Согласно экспериментам, проводимым Л.В. Кулешовым, впечатления от каждого последующего кадра будет совмещено с предыдущим. Таким образом, в сознании зрителя сложится разностороннее впечатление демонстрируемого объекта за небольшой промежуток вре-

мени. «...В немом монтаже (не говоря уже о музыке) эффект тоже получается, по существу, не от последовательности кусков, а от их одновременности, оттого, что впечатление от последующего куска накладывается на впечатление от предыдущего» [Ямпольский М.Б., 2010, с. 87], — пишет С.М. Эйзенштейн.

Также, чтобы добиться эффекта обратной перспективы, С.М. Эйзенштейн использует определенную структуру кадра. В работе «Пиранези, или текучесть форм» режиссер выделяет два способа изображения, производящих экзотическое впечатление: западное и восточное. С.М. Эйзенштейн противопоставляет их друг другу: «Устремления итальянца направлены к тому, чтобы всеми силами из плоской поверхности эстампа сделать реально схватываемое трехмерное тело. Устремления китайца — чтобы из трехмерной действительности — двухмерный образ созерцания. Отсюда изобразительные каноны — чрезмерная перспектива одного и ... обратная перспектива у другого» [Эйзенштейн С.М., 1964b, с. 183]. Общим же у этих методов оказывается «разрыв непрерывности изображения». К подобному приему активно прибегал и сам режиссер. В этой же работе он пишет: «У меня декорации неизбежно сопутствует неограниченная поверхность пола впереди нее, допускающая неограниченное вынесение вперед отдельных первопланых деталей» [Эйзенштейн С.М., 1964b, с. 185]. Таким образом, режиссер добивается эффекта выталкивания элементов первого плана из экрана по направлению к зрителю. Убедиться в этом можно, рассмотрев некоторые кадры из кинофильмов «Октябрь», «Броненосец Потемкин», «Иван Грозный». Следует отметить, что первые фильмы воспринимались как эмоциональные аттракционы. Термин «кино-аттракциона» был предложен самим Эйзенштейном, однако более глубокий смысл придал ему Т. Ганнинг, обозначив им первое десятилетие существования кино. В знаменитой статье «The Cinema of Attraction: Early Film, Its Spectator, and the Avant-Garde» исследователь отмечал, что местами, где первый кинематограф стал набирать своего зрителя, были ярмарки и выставки [Gunning T., 1990]. Драматизм и комизм появились в кино позднее. Первые фильмы стремились заворочить зрителя исключительно своей

визуальной стороной. С.М. Эйзенштейн, будучи режиссером уже следующего, нарративного, периода, стремился сохранить это необычное наследие, уделяя огромное внимание построению мизансцен и монтажу. Нарушение привычной перспективы — не только возможность показать объект с необычного ракурса и попытаться найти его новый смысл, но и яркий способ привлечь внимание зрителя. Поэтому и в фильмах С.М. Эйзенштейна часто можно увидеть намеренное усложнение пространства сцен: лестницы, нагромождение городской архитектуры, комнатные углы. Именно визуальная составляющая кинематографа Эйзенштейна позволяет говорить о поиске новых смыслов в изображении привычных объектов. М.Б. Ямпольский называет лестницу в фильме «Броненосец Потемкин» «оптическим аппаратом монтажного кино» [Ямпольский М.Б., 2013, с. 209]. Исследователь отмечал, что лестница в фильме проецирует «космографию» в «топографию» — изображает общее в частном, движение в трехмерном пространстве на двумерном кадре. Фактически режиссер, изображая движение, делает то же, что и иконописец. На этот аспект и обращает внимание П.А. Флоренский. Икона в его понимании дает изображение горнего мира на языке дольного.

Таким образом, можно сказать, что в методологическом плане С.М. Эйзенштейн использует идеи, изложенные философом, дважды, воспроизводя логику обратной перспективы и в структуре кадра, и в самом монтаже.

Сходное философское содержание интерпретации иконы П.А. Флоренским, а также понимания структуры кадра и монтажа С.М. Эйзенштейном, неизбежно приводит к общим моментам в их художественном исполнении. Отсылки к иконописи в работах режиссера подчеркивают многие исследователи. О.Б. Катаева отмечает, что сцена взятия Казани в кинофильме «Иван Грозный» отсылает зрителя к иконе «Благословенно воинство небесного царя», также известной как «Церковь воинствующая», предположительно работы митрополита Афанасия [Катаева О.Б., 2012, с. 130]. Л.В. Попова отмечает, что художественное понимание образа Флоренского и Эйзенштейна во многом сходны. Понимание кинокадра как «монтажного комплекса» у С.М. Эйзенштейна

коррелирует с пониманием у П.А. Флоренского композиции как «формы изображаемого изображения как такового, т. е. способа взаимоотношения и взаимодействия изобразительных средств» [Попова Л.В., 2017, с. 245].

Для С.М. Эйзенштейна экран кинотеатра выступает в той же роли, что и икона для П.А. Флоренского. «...Он и в церковной утвари, и в сакральной архитектуре также ищет основополагающую структуру экстатичного, выхода из одного состояния и вступления в другое, качественно новое» [Шлегель Х.Й., 2019, с. 10], — пишет Х.Й. Шлегель. И философ, и режиссер описывали обратную перспективу как художественный прием, но не ограничивались этим значением. Особый порядок расположения предметов позволял художнику выйти за пределы видимого мира. Совершая данный прием, и режиссеры, и художники выходили за пределы видимой реальности. В случае создания фильма, обратная перспектива — это способ показать новый смысл изображаемого объекта. Иконописец, в свою очередь, с помощью обратной перспективы изображает горний мир, что, в сущности, также является новым смыслом по отношению к дольнему миру, или видимой реальности. Эти идеи и приводили С.М. Эйзенштейн и П.А. Флоренский соответственно. Если в идеях русского философа обратная перспектива выступает как выражение пространства и времени горнего мира и приближает человека к Богу, то в творчестве режиссера на месте Бога оказывается смысл. С точки зрения С.М. Эйзенштейна, обратная перспектива позволяет показывать скрытое от глаз и проникать в сферу глубоких смыслов. В данной системе ценностей понятие «смысл» оказывается равнозначно понятию «Бог».

Сегодня данный художественный прием активно используется в кинематографе и художественной фотографии. Он активно исследуется как в философской, так и в искусствоведческой литературе, однако работ, которые используют междисциплинарный подход к исследованию обратной перспективы, немного. Подробное исследование работ П.А. Флоренского и С.М. Эйзенштейна, которые посвящены обратной перспективе, позволит больше сказать о связи философии, естественной науки и искусства XX в.

Список литературы

- Айналов Д.В.* Эллинистические основы византийской живописи. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1900. 252 с.
- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / сост. С.Г. Бочаров, В.В. Кожинов. М.: Худ. лит., 1986. С. 121–290.
- Иванов В.В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. 912 с.
- Катаева О.Б.* Иконопись как первооснова художественного образа сцены взятия Казани в фильме С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный» // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2012. № 2. С. 129–134.
- Колесников С.А.* Пространство и время в философии иконы священника Павла Флоренского // Христианское чтение. 2019. № 1. С. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2019-10002>
- Красноярова Н.Г., Юношева М.А.* Философия кино: становление проблематики // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 2(11). С. 33–36.
- Попова Л.В.* Художественный образ в понимании С. Эйзенштейна и П. Флоренского // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 242–250.
- Синельникова О.В.* Эстетическая теория С. Эйзенштейна в диалоге с явлениями философии и культуры различных эпох // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 2. С. 61–78.
- Флоренский П.А.* Анализ пространственности (и времени) в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 81–259.
- Флоренский П.А.* Сочинения: в 4 т. Т. 3(1). М.: Мысль, 2000. 622 с.
- Шлегель Х.-Й.* Икона и кинообраз. Отголоски византийского понимания изображения в русском и советском кинематографе // Киноведческие записки. 2010. № 97. С. 5–19.
- Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения: в 6 т. Т. 2. М.: Искусство, 1964. 568 с.
- Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения: в 6 т. Т. 3. М.: Искусство, 1964. 672 с.
- Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения: в 6 т. Т. 5. М.: Искусство, 1968. 600 с.
- Эйзенштейн С.М.* Монтаж. М.: ВГИК, 2000. 590 с.

Ямпольский М.Б. Пространственная история. Три текста об истории. СПб.: Книжные мастерские, Мастерская «Сеанс», 2013. 344 с.

Ямпольский М.Б. Сквозь тусклое стекло М.: Новое лит. обозрение, 2010. 705 с.

Gunning T. The Cinema of Attraction: Early Film, Its Spectator, and the Avant-Garde // Early cinema: Space, Frame, Narrative / ed. by Th. Elsaesser, A. Barker. London: British Film Institute, 1990. P. 56–62. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781838710170.0008>

Florensky P. Beyond Vision. Essays on the Perception Art / ed. by N. Mislner, Eng. tr. by W. Salmond. London: Reaktion Books, 2002. 316 p.

Wulff O. Die umgekehrte Perspektive und die Niedersicht. Eine raumanschauungsform der altbyzantinischen Kunst und ihre Fortbildung in der Renaissance // Kunstwissenschaftliche Beiträge, August Schmarsow gewidmet zum funfzigsten semester seiner akademischen Lehertätigkeit / hrsg. von H. Weizsäcker. Leipzig: K.W. Hiersemann, 1907. S. 1–40.

References

Aynalov, D.V. (1900). *Ellinisticheskie osnovy vizantiyskoy zhivopisi* [Hellenistic foundations of Byzantine painting]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov Publ., 252 p.

Bakhtin, M.M. (1986). [Forms of time and chronotope in the novel]. *Bakhtin M.M. Literaturno-kriticheskiye stat'i* [Bakhtin M.M. Literary and Critical Articles]. Khudozhestvennaya literature Publ., pp. 121–290.

Eisenstein, S.M. (1964). *Izbrannye proizvedeniya: v 6 t.* [Selected works: in 6 vols]. Moscow: Iskusstvo Publ., vol. 2, 568 p.

Eisenstein, S.M. (1964). *Izbrannye proizvedeniya: v 6 t.* [Selected works: in 6 vols]. Moscow: Iskusstvo Publ., vol. 3, 672 p.

Eisenstein, S.M. (1968). *Izbrannye proizvedeniya: v 6 t.* [Selected works: in 6 vols]. Moscow: Iskusstvo Publ., vol. 5, 600 p.

Eisenstein, S.M. (2000). *Montazh* [Montage]. Moscow: VGIK Publ., 590 p.

Florensky, P.A. (1993). [Analysis of spatiality (and time) in artistic and visual works]. *Florenskiy P.A. Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkhologii* [Florensky P.A. Articles and Research on the History and Philosophy of Art and Archaeology]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 81–259.

Florensky, P.A. (2000). *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3(1), 622 p.

Florensky, P. (2002). Beyond vision. N. Mislner (ed.) *Essays on the perception art*. London: Reaktion Books Publ., 316 p.

Gunning, T. (1990). The cinema of attraction: Early film, its spectator, and the avant-garde. Th. Elsaesser, A. Barker (eds.) *Early cinema: Space, frame, narrative*. London: British Film Institute Publ., pp. 56–62. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781838710170.0008>

Ivanov, V.V. (1999). *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Selected works on semiotics and cultural history]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury Publ., vol. 1. 1999. 912 p.

Kataeva, O.B. (2012). [Iconography as the primary basis of the artistic image of the scene of the capture of Kazan in the film by S.M. Eisenstein «Ivan the Terrible»]. *Obschestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)* [Society. Environment. Development. Terra Humana]. No. 2, pp. 129–134.

Kolesnikov, S.A. (2019). [Space and time in the philosophy of the icon of priest Pavel Florensky]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading]. No. 1, pp. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2019-10002>

Krasnoyarova, N.G. and Yunosheva, M.A. (2016). [The philosophy of cinema: the formation of problems]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies]. No. 2(11), pp. 33–36.

Popova, L.V. (2017). [Artistic image according to S. Eisenstein and P. Florensky]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. Vol. 43, pp. 242–250.

Schlegel, H.-J. (2010). [Icon and film image. Echoes of the Byzantine understanding of the image in Russian and Soviet cinema]. *Kinovedcheskie zapiski* [Film History Notes]. No. 97, pp. 5–19.

Sinel'nikova, O.V. (2007). [S. Eisenstein's aesthetic theory in dialogue with the phenomena of philosophy and culture of various epochs]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. No. 2, pp. 61–78.

Wulff, O. (1907). [The reverse perspective and the lower view. A spatial view of Old Byzantine art and its further education in the Renaissance]. *Kunstwissenschaftliche Beiträge, August Schmarsow gewidmet zum funfzigsten semester seiner akademischen Lehertätigkeit* [Kunstwissenschaftliche Beiträge, August Schmarsow dedicated to the fifti-

eth semester of his academic teaching activity].
Leipzig: K.W. Hiersemann Publ., pp. 1–40.

Yampol'skiy, M.B. (2010). *Skvoz' tuskloe steklo* [Through the dim glass]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 705 p.

Yampol'skiy, M.B. (2013). *Prostranstvennaya istoriya. Tri teksta ob istorii* [Spatial history. Three texts about history]. St. Petersburg: Knizhnyye masterskiye, Masterskaya «Seans» Publ., 344 p.

Об авторе

Потапов Михаил Михайлович

аспирант кафедры истории русской философии

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова,

119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;

e-mail: mmpotapov@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8766-7315>

ResearcherID: ABT-6519-2022

About the author

Mikhail M. Potapov

Postgraduate student of the Department the History of Russian Philosophy

Lomonosov Moscow State University,

27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;

e-mail: mmpotapov@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8766-7315>

ResearcherID: ABT-6519-2022

УДК 130.2:141

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-63-70>

Поступила: 29.05.2022

Принята: 10.01.2023

Опубликована: 10.04.2023

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Филин Дмитрий Анатольевич

Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово)

Константин Николаевич Леонтьев был философом особого склада. Эстетика была доминантой его творчества. основополагающей интуицией последнего была любовь к жизни, к миру прекрасного. Для Леонтьева эстетический критерий являлся всеобъемлющим основанием оценивания бытия. Но чистой эстетике природы в его творчестве уделено сравнительно мало места. У Леонтьева, в отличие от Владимира Соловьева, нет ни одной специальной работы, посвященной красоте природы. В его художественной прозе описания природы занимают относительно небольшой объем. Отчасти это объясняется максимализмом леонтьевской природы, а также его любовью к антитезисности мысли. Он не желает писать много о предмете, о котором, по его мнению, невозможно сказать ничего нового. Иногда в художественной прозе Леонтьева образы природы выступают символами социального бытия, внутреннего мира его героев. При этом примечательно, что ряд леонтьевских произведений начинается именно с пейзажных зарисовок. Он явно предпочитает динамически раскрывающиеся образы прекрасного. Вообще, этот мир для него невозможен без борьбы противоположностей. Антигуманизм средств, направленных на поддержание цветения бытия, «уравновешивается» в эстетике Леонтьева гуманной целью — признанием их необходимости для сохранения естественного разнообразия форм и красок мира. Таким образом, социально-антропологические аспекты в творчестве Леонтьева занимают особое место. Они доминируют над эстетикой природы. Последняя сопряжена с ними. То и другое мыслится мыслителем в контексте единого космического целого. Константин Николаевич много пишет о чувственной красоте мира, а не об умопостигаемой красоте Бога. Он особенно ценит яркие и сложные явления бытия.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, жизнь, красота, эстетика природы, социальное бытие, творчество, борьба противоположностей.

Для цитирования:

Филин Д.А. Социально-антропологический аспект концепции К.Н. Леонтьева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 63–70. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-63-70>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-63-70>

Received: 29.05.2022

Accepted: 10.01.2023

Published: 10.04.2023

SOCIO-ANTHROPOLOGICAL ASPECT OF K.N. LEONTIEV'S CONCEPT

Dmitriy A. Filin

Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo)

Konstantin Nikolayevich Leontiev was a philosopher of a particular mentality. Aesthetics was the dominant of his work. Love for life, for the world of the beautiful was Leontiev's fundamental intuition. For the phi-

philosopher, the aesthetical criterion was an all-embracing base for assessment of the being. However, the pure aesthetics of nature is not given much attention in his works. Unlike Vladimir Solovyov, Leontiev does not have a single special work devoted to the beauty of nature. In his fiction works, the descriptions of nature occupy relatively small space. Partly it can be explained by Leontiev's maximalism and also by his love for antitheses. He does not want to write a lot about the subject which it is impossible, in his opinion, to say something new about. Sometimes the images of nature in Leontiev's fiction works are symbols of the social being, of his heroes' inner world. Remarkably, a number of Leontiev's works begin with landscape descriptions. The philosopher evidently prefers dynamically revealing images of the beautiful. In general, this world is impossible for him without the struggle of opposites. The antihumanism of means aimed at supporting the blossoming of the being is «counterbalanced» in Leontiev's aesthetics by the acceptance of their necessity for maintaining the natural variety of the forms and colors of the world. Thus, the socio-anthropological aspects have a special place in Leontiev's works. They predominate over the aesthetics of nature. The latter is associated with the former. Both are conceived by the philosopher in the context of the cosmic whole. Leontiev writes a lot about the sensory beauty of the world but not about God's beauty perceived by intellect. He particularly appreciates bright and complicated phenomena of the being.

Keywords: Konstantin Leontiev, life, beauty, aesthetics of nature, social being, work, struggle of opposites.

To cite:

Filin D.A. [Socio-anthropological aspect of K.N. Leontiev's concept]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 63–70 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-63-70>

Константин Николаевич Леонтьев занимает особое место в русской философии. Эстетика была доминантой его творчества. Однако оно было так многогранно, что для ряда исследователей убедительным было только одно леонтьевское единство: это не православие, не самодержавие, не законы природы, а он сам, его личность [Долгов К.М., 2008, с. 512; К.Н. Леонтьев: pro et contra, 1995b, с. 594; Соловьев В.С., 1988, с. 415]. Такое утверждение вполне правильно, когда речь идет об общем характере творчества Константина Николаевича. Однако, как подчеркивал Алексей Федорович Лосев, личность может рассматриваться не только отвлеченно, сама по себе, как голый диалектический принцип, но и как инобытийное осуществление последнего, а это и есть жизнь [Лосев А.Ф., 1994, с. 215; Франк С.Л., 1996, с. 408]. Любовь к жизни всегда была основополагающей леонтьевской интуицией. Она вмещала в себя все интенции и противоречия его творчества [Леонтьев К.Н., 2012, с. 189]. Леонтьев пишет о своей эстетике как об эстетике жизни, а не эстетике отвлеченных форм. «Отвлеченное содержание жизни, уловляемое человеческим рефлексом, тенью скользит за явлениями вещественными, и воздушное присутствие этой тени и при взгляде на реальную

жизнь, и при чтении способно возбудить своего рода священный ужас и восторг ... Но приблизьте эту тень так, чтобы она стала не тенью, чтобы она утратила свою эфирную природу - и у вас выйдет труп, годный только для рассудка и науки...» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 8–9]. Реализм по Леонтьеву — это не «безобразия и грубость, как думают многие. Реальность значит верность действительной жизни во всех ее проявлениях» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 98; Леонтьев К.Н., 2014, с. 131–132]. При этом в реальности должно быть как можно больше прекрасного, поскольку эстетика творчества надолго не устоит, если «в самой пластической стороне жизни не будет больше идеализма», — утверждает он [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 632]. Искусство по Леонтьеву цветет на жизни, как на крепком дереве легкий цвет [Леонтьев К.Н., 2003b, с. 16]. «Собственно “жизнь” у него совпадает с “эстетикой”, вернее “эстетика” совпадает с самой “жизнью”», — о чем он проговорился, чеканя свои «безумные афоризмы» в письме Розанову 13 августа 1891 г.: «Итак, и христианская проповедь, и прогресс европейский совокупными усилиями стремятся убить эстетику жизни на земле, то есть самую жизнь» [Бочаров С.Г., 1999, с. 286; Леонтьев К.Н., 2009, с. 19]. Очевидно, что для Леонтьева

оправдание жизни заключается в том, что она является сферой прекрасного. Он подчеркивает, что истинная поэзия правдивее самой жизни, ибо возводит последнюю в перл создания и представляет из себя художественную сущность окружающего нас мира [Леонтьев К.Н., 1993, с. 188; Леонтьев К.Н., 2007а, с. 627]. «Если в творении нет истины прекрасного, которое само по себе есть факт, есть самое высшее из явлений природы, то творение падает ниже всякой посредственной научной вещи, всяких поверхностных мемуаров» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 10]. Без естественного разнообразия жизнь перестанет быть прекрасной. Она придет к печальному знаменателю. И это одно из актуальных положений леонтьевского творчества. Как сохранить естественное разнообразие в обществе? Как избежать экологической катастрофы ввиду стремительного наступления техники на окружающую среду? Вот вопросы, на которые стремился ответить Леонтьев. Вопросы эти и поныне делают для нас особенно важной тему эстетики природы в его творчестве, тем более что для Леонтьева история — это органическое продолжение последней. Он с сочувствием цитирует Джона Стюарта Милля, пишущего о том, что «когда последний дикий зверь исчезнет, когда не останется ни одного дикого свободного леса — пропадет вся глубина человеческого ума, ибо не подобает человеку быть постоянно в обществе ему подобных, и люди извлекли давно уже всю пользу, которую можно было извлечь из тесноты и частных сообщений» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 355]. Глубина мысли зависит от разнообразия жизненных интуиций. Содержание этих жизненных интуиций, не стесненных техникой, человек находит в природе. Поэтому для Леонтьева важны наблюдения и Вильгельма Генриха Рилия. «Он придает большое значение лесу, степным просторам, горам, одним словом, всему тому, что несколько обособляет людей, удаляет их друг от друга и препятствует смешению в одном общем типе» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 355]. По мнению Рилия, только крайний север и юг Германии еще имеют некоторую глубину духа. В средней же Германии люди, их умы и характеры уже измельчали, превратились во что-то неопределенное и бесцветное. Почему? «На юге есть высокие горы и большие леса, говорит он, и потому люди еще не совсем стали похожи на людей средней Герма-

нии. У них есть еще глубина духа, даровитость и своеобразие. В средней Германии — только в прирейнских виноградниках, а не в горах есть у людей что-то свое (кажется, он говорит, особый юмор или особая веселость)» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 356].

В ценностной иерархии Леонтьева мистика (в том числе религия) — это критерий только для единоверцев; этика и политика — для человечества; биология — для органического мира, а вот физика (т.е. астрономия, механика, химия и т.д.) и эстетика — для всего [Леонтьев К.Н., 2012, с. 76]. Константин Николаевич обращает внимание на то, что феноменами прекрасного могут быть предметы абсолютно различных сфер бытия: и «какой-нибудь кристалл и Александр Македонский, дерево и сидящий под ним аскет» [Леонтьев К.Н., 2012, с. 78]. Заметим от себя, что физика уже по пределам явления: в этике и религии ей нет места. Леонтьев не замечает этого существенного различия между предлагаемыми двумя критериями «для всего», однако де-факто всегда и везде это различие демонстрирует. Он видит в явлениях эстетики нечто загадочное, таинственное и даже как бы досадное, потому что «часто эстетика и с моралью, и с видимой житейской пользой обречена вступать в антагонизм и борьбу» [Леонтьев К.Н., 2012, с. 78]. Существование прекрасного невозможно без разнообразия чувств и положений, которые «развиваются благодаря неравенству и борьбе» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 299, 590]. Его автобиографический герой Милькеев (повесть «В своем краю») на вопрос «чем оправдать насилие?» отвечает: «Оправдайте прекрасным. Одно оно — верная мерка на все. Потому что оно само себе цель». Милькеев утверждает, что не стоит бояться зла и борьбы: «Зла бояться! О, Боже! Да зло на просторе родит добро! Если для того, чтобы на одном конце существовала Корделия, необходима леди Макбет, давайте ее сюда, но избавьте нас от бессилия, сна, равнодушия, пошлости и лавочной осторожности. Кровь не мешает небесному добродушию. Жанна д'Арк проливали кровь, а она разве не была добра, как ангел? И что за односторонняя гуманность, исходящая до слезливости, и что такое одно физиологическое существование наше? Оно не стоит ни гроша! Одно столетнее,

величественное дерево дороже двух десятков безличных людей, и я не срублю его, чтобы купить мужикам лекарство от холеры!» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 45–46]. Так в противоборстве противоположностей рождается, по Леонтьеву, космос прекрасного: прекрасен подвиг Жанны д'Арк, но он не был бы возможен без пролития крови; духовная красота Корделии не засияла бы без злодеяний леди Макбет.

Обратим внимание на то, что, когда Леонтьев пишет о столетнем величественном дереве, тут же возникает образ двух десятков «безличных» людей. Это не случайное совпадение. Как ни парадоксально, апология естественного разнообразия сочетается в его творчестве со сравнительно незначительным интересом к теме чистой красоты природы (природной красоте самой по себе). У Леонтьева, в отличие от Владимира Соловьева, нет ни одной работы, специально посвященной этому предмету. Константин Николаевич безусловно любил природу. И даже одно время явно обожествлял ее [Леонтьев К.Н., 2003b, с. 652; Леонтьев К.Н., 2003а, с. 878]. В художественной прозе Леонтьева нет больших (развернутых на страницу или несколько страниц) описаний природы (бледные зарисовки он предпочитает ярким); но соответствующие пассажи его творчества по своему оригинальны и выразительны [Леонтьев К.Н., 2006, с. 289; Леонтьев К.Н., 2002, с. 12; 2006, с. 306; 2014, с. 19]. Две противоположности — природное и социальное — нередко «накладываясь» в них друг на друга, оказывают резонирующие воздействие на читателя. К примеру, в романе «Подлипки» зимний пейзаж плавно перетекает в характеристику внутреннего мира главного героя, становится выражением чувства глубокого одиночества, наполнившего его душу [Леонтьев К.Н., 2000а, с. 347]. Виновник названия повести «Египетский голубь» является символом предвосхищения, предчувствия тревожной и неудачной любви Владимира Ладнева к Маше Антониади [Леонтьев К.Н., 2003а, с. 197]. Красота гордого одиночества героини передается с помощью образа душистой черемухи, растущей среди топкого болота [Леонтьев К.Н., 2003а, с. 249–250]. Если добавить к вышеприведенным образам описание утопающего в садах на берегах реки Тунджи города Адрианополя, то перед нами предстанут почти все отрывки «Египетского голу-

бя», напрямую связанные с природой в этой повести. Одной строкой Леонтьев иногда говорит все. Например, сравнивает Крит с корзиной цветов на грозных волнах моря [Леонтьев К.Н., 2001, с. 26]. Такую краткость отчасти можно объяснить его борьбой с излишней («натуралистической») перегруженностью в деталях, которую он находит у ряда русских писателей. Однако само содержание леонтьевских описаний свидетельствует также и о другом — об акценте внимания на социальном бытии человека. «Чересполосица» образов подчас просто поразительна. Показательны следующее высказывание: «На дворе февраль, и скоро масленица; уже фиалки цветут, роши седых маслин вокруг деревни мирны, густы и тенисты; с террасы виден город, море и корабли; мы на террасе у невесты в доме, и с утра уже в этом доме не смолкает музыка» [Леонтьев К.Н., 2001, с. 10]. Или это: «Бедность здесь не ужасна и не гадка. В ней видно нечто суровое и мужественное. Горы, хижина, чистый воздух и прекрасный климат; здоровые, бронзовые дети. В тех вершинах, где полгода лежит снег, я не был и знаю, что люди там бедны: но и эта бедность не гнила и не грязна. Иначе, как бы сфакиоты могли быть первыми воинами и атлетами острова?» [Леонтьев К.Н., 2001, с. 20]. Социальные и природные объекты здесь стремительно сменяют друг друга. Такая «переливчатость» особенно характерна для «Очерков Крита». Любопытно, что Леонтьев ряд своих произведений начинает именно с описаний природы [Леонтьев К.Н., 2000а, с. 72, 86, 228, 347; 2000b, с. 328; 2001, с. 537; 2003а, с. 7]. Начинает как будто для того, чтобы потом как можно реже обращаться к таковому.

Эстетические интенции Леонтьева очень часто являются интенциями «от противного». Они направлены на разоблачение пошлости внутреннего мира среднего человека. Н.А. Бердяев не прав, когда пишет, что у Леонтьева наблюдается «странная пассивность всех отношений к действительности» [К.Н. Леонтьев: pro et contra, 1995b, с. 109]. Наоборот, страстное стремление подморозить Россию от вторичного смешительного упрощения свидетельствует о своеобразной активности леонтьевской природы. Недаром В.В. Розанов назвал его Кромвелем без меча. В письме к последнему Леонтьев явно демонстрирует социальную направленность своей эстети-

ки: «Опасаясь, что очень немногие поймут слово “эстетика” так серьезно, как мы его с Вами понимаем. Мне кажется, что в наше время большинство гораздо больше понимает эстетику в природе и в искусстве, чем эстетику в истории и вообще в жизни человеческой. Эстетика природы и эстетика искусства (стихи, картины, романы, театр, музыка) никому не мешают и многих утешают. Что касается до настоящей эстетики самой жизни, то она связана со столькими опасностями, тягестями и жестокостями, со столькими пороками, что нынешнее боязливое, слабонервное, маловерующее, телесно само изнеженное и жалостливое (сравнительно с прежним) человечество радо — радешенько видеть всякую эстетику на полотне, подмостках опер и трагедий и на страницах романов, а в действительности — “избави Боже!”. Мне иногда даже кажется, что по мере расширения круга среднего понимания природы и искусства круг эстетического понимания истории все сужается и сужается» [Леонтьев К.Н., 1993, с. 583–584]. Как видим, «настоящую» эстетику жизни Леонтьев противопоставляет всех удовлетворявшей пассивной эстетике природы и искусства. Впрочем, Леонтьев отнюдь не всегда жесток в своих суждениях. Ведь при всех своих «заблуждениях» он был по натуре сердечно религиозным, а главное — добрым человеком [К.Н. Леонтьев: pro et contra, 1995а, с. 26]. Повесть А.М. Сливичского «Разоренное гнездо», рассказывающая о печальной судьбе семейства медведей, Леонтьев находит прекрасной, ведь «в ней вовсе нет ни моральных сентенций, ни приторной наставительности. Она действует сильно одним лишь прямым и теплым отношением к действительности: хорошей любовью к жизни. Рядом с кровожадностью, с мстостью, с жестокой “борьбой за существование”, везде столько человечности, столько доброты» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 163–164]. Офицер, купивший медвежонка, спасает его; но в конце концов последнему не находится места в человеческом обществе. Зверя возвращают в чащу леса, где он умирает в одиночестве от изнеможения сил, занесенный снегом. В итоге получается «свежо, правдиво, поэтично и ... жалко. Особенно хорошо, что жалко! Один знакомый мне 12-летний мальчик прослезился над этой книгой» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 164], да и самому Леонтьеву она напомнила многое из лучших дней его детства.

Взаимоотношения человека со средой его обитания, как мы уже видели, являются важной темой леонтьевского творчества. Узко утилитарное прагматическое отношение человека к природе в эпоху вторичного упрощения приводит к осложнению отношений последнего и природы. В «Среднем европейце» он выступает против машин, против «страсти орудиями мира неорганического губить везде органическую жизнь, металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное разнообразие, животный мир и самое общество человеческое» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 344]. Леонтьев пишет о тотальном характере всеобщего смешения. Он в восхищении от речи епископа Никонора (Бровковича), посвященной вреду железных дорог и пара, и вообще слишком быстрого передвижения для природы и человеческой жизни [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 670–677]. Экологическая тема также поднимается им в одной из статей «Варшавского дневника» (1880 г.): «Ученый желает сохранить лучшие предметы научного исследования. А если сохранить их уже нельзя, потому что прогресс их губит вопреки науке (например, некоторых животных, птиц, леса, первобытные дикие оригинальные племена, здания древние и т.д.), то ученый спешит описать их с любовью» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 129]. Этот ученый, который пытается сохранить теплоту естественного, — сам Леонтьев. Он использует образы алмаза, тигра, кристалла для того, чтобы подчеркнуть всеобъемлемость своего триединого закона развития. Экологическая же тематика, казалось бы, противоречит логике последнего. Однако это не так. Для Леонтьева усложнившееся наступление человека на природу — это всего лишь орудие гигантской смеси-тельной «толчеи» вторичного упрощения.

Как мы уже подчеркнули, у мыслителя свое понимание гармонии. Гармония, по Леонтьеву, это не мирное согласие феноменов бытия, а борьба — «примирение антитез и в жизни самой, и в искусстве» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 590]. Такой гармонией полна история, есть она и в мире природы. В этом одна из составляющих пафоса дарвинизма, который во второй половине XIX века становится парадигмальным направлением биологии. Константин Николаевич не принимал учения Дарвина за его «атеистический» характер. Борьба за существование была не чужда эстетическим вкусам Леонтьева, но эволюция на основе случайностей, где нет

места целесообразности, осталась чужда русскому Ницше. Вслед за Н.Я. Данилевским или параллельно ему последний утверждает, что природа и история телеологичны, т.е. в них действует Божественный Промысел, ведущий все к одной ему ведомой цели. Относительные, промежуточные цели являются свидетельствами и символами этой телеологичности [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 740]. Значительно возражать что-то Дарвину в печати Леонтьев не стал, потому что он не был биологом-теоретиком как первый, но в социальном аспекте свои знания использовал. В общем, Константин Николаевич писал об экологическом кризисе сравнительно мало. Он как будто не желал лишней раз заниматься эстетикой природы [Корольков А.А., 1991, с. 26].

Кроме страстной социальной направленности мысли русского Ницше, еще одно объяснение неразности эстетики природы Леонтьева находим в его письме к Иосифу Фуделю. «Тот же кто и чувствует сильно, и форму эту личную нашел, тот наложит свою личную печать на произведение и в том случае, если тема была уже испробована и прежде его лучшими поэтами. Фет и Тютчев писали об осени после Пушкина, и стихи их, несмотря на это, прекрасны. Вообще же и темы лучше выбирать поновее. Я даже Александрову, у которого несомненный лирический дар, говорил, чтобы он о природе, по возможности, бросил писать, ибо после такого периода, как наш русский стихотворный период от Батюшкова, Жуковского и Пушкина до Фета, Полонского, Майкова и Тютчева, что можно сказать о природе нового! Никакого нет сомнения, что и содержание исчерпывается надолго после богатых периодов во всяком роде литературы» [Леонтьев К.Н., 1993, с. 489]. Из всего вышеизложенного ясно, что убежденность в том, что уже ничего нового о природе не скажешь, далеко не единственная причина леонтьевского нежелания писать о ней. Современники Леонтьева И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов оставили нам прекрасные, развернутые на страницы образы родной природы. Леонтьев же, как мы видим, к такой развернутости не стремился. Еще раз подчеркнем: свою роль в этом сыграл и социальный пафос леонтьевского творчества. Очевидно, что общим знаменателем этих причин может выступать общий рисунок леонтьевской мысли: он любит антитезы, любит

мыслить вразрез с мнениями большинства [Леонтьев К.Н., 2014, с. 549–551].

Не случайно Леонтьев пишет о развитии современной ему науки и техники в отрицательном смысле. Он не желает видеть в этом все более и более усложняющимся процессе компенсирующую структуру по отношению к феномену торжества «серых мышей», потому что во всем этом не почувствовал естественной теплоты и поэзии [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 134]. Последняя же связана с сокровенной стороной прекрасного. В итоге красота для Леонтьева — это та же истина, но «не ясная, не голая, а скрытая в глубине явления». Чем явление сложнее, тем его красота глубже и непостижимее, полагал он [Леонтьев К.Н., 2014, с. 26; Леонтьев К.Н., 2007а, с. 549]. Здесь предел леонтьевской мысли. Развернутый апофатический дискурс у него отсутствует. Отрицательное богословие — это учение об Едином как о противоположности множественности бытия [Плотин, 2005а, с. 130; 2005b, с. 306]. Леонтьев же пишет о глубине и непостижимости прекрасного на уровне сложных явлений действительности. Он едва выходит за рамки имманентной миру красоты и снова мысленно возвращается обратно в этот мир. Поэтому так исключительно важны для его эстетики аспекты, связанные с внешней красотой предметов, соподчиненностью последних принципу разнообразия всего сущего. Но в разработке этих аспектов он оказался оригинальным и своеобразным мыслителем, не уступающим по силе и значению другим представителям русской философской мысли.

Подведем итоги. В основе творчества Константина Николаевича Леонтьева лежит всеобъемлющая любовь к жизни, к миру прекрасного. Последний для него невозможен без борьбы противоположностей. Антигуманизм средств, направленных на поддержание цветения бытия, «уравновешивается» в эстетике Леонтьева гуманной целью — признанием их необходимости для сохранения естественного разнообразия форм и красок мира. Социально-антропологические аспекты доминируют в его творчестве над эстетикой природы. Она сопряжена с ними. То и другое мыслится им в контексте единого космического целого. Леонтьев много пишет о чувственной красоте мира, а не об умопостигаемой красоте Бога. Ему особенно близки по духу яркие и сложные явления бытия.

Список литературы

Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.

Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М.: Отчий дом, 2008. 720 с.

К.Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2 кн. Кн. 1: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. / сост. А.А. Корольков, А.П. Козырев. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 1995. 480 с.

К.Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2 кн. Кн. 2: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. / сост. А.А. Корольков, А.П. Козырев. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 1995. 704 с.

Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. 200 с.

Леонтьев К.Н. Избранные письма 1854–1891 гг. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 640 с.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М.: Эксмо, 2007. 896 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2000. 688 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2000. 460 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 3. СПб.: Владимир Даль, 2001. 768 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 4. СПб.: Владимир Даль, 2002. 1045 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 5. СПб.: Владимир Даль, 2003. 934 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6, кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. 820 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7, кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2006. 1023 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8, кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. 640 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8, кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2009. 1408 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. СПб.: Владимир Даль, 2014. 976 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Приложение. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2012. 752 с.

Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Наука, 1994. 920 с.

Плотин. Шестая эннеада. Трактаты I–V / пер. с древнегреч. и послесл. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 480 с.

Плотин. Шестая эннеада. Трактаты VI–IX / пер. с древнегреч. и послесл. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 416 с.

Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 824 с.

Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 740 с.

References

Bocharov, S.G. (1999). *Syuzhety russkoy literatury* [Subjects of the Russian literature]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury Publ., 632 p.

Dolgov, K.M. (2008). *Voskhozhdenie na Afon. Zhizn' i mirosozertsanie Konstantina Leont'eva* [Ascent Athos. Konstantin Leontev's life and world-view]. Moscow: Otchiy dom Publ., 720 p.

Frank, S.L. (1996). *Russkoe mirovozzrenie* [Russian world-view]. St. Petersburg: Nauka Publ., 740 p.

Korol'kov, A.A. (1991). *Prorochestva Konstantina Leont'eva* [Konstantin Leontev's prophecies]. St. Petersburg: SPbU Publ., 200 p.

Kozyrev, A.P. and Korol'kov, K.N. (eds.) (1995). *K.N. Leont'ev: pro et contra: v 2 kn. Kn. 1: Lichnost' i tvorchestvo K. Leont'yeva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley 1891–1917 gg* [K.N. Leont'ev: pro et contra: in 2 books. Book 1: The Personality and work of K. Leontiev as evaluated by Russian thinkers and researchers, 1891–1917]. St. Petersburg: RHGI Publ., 480 p.

Kozyrev, A.P. and Korol'kov, K.N. (eds.) (1995). *K.N. Leont'ev: pro et contra: v 2 kn. Kn. 2: Lichnost' i tvorchestvo K. Leont'yeva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley posle 1917 g.* [K.N. Leont'ev: pro et contra: in 2 books. Book 2: The Personality and work of K. Leontiev as evaluated by Russian thinkers and researchers, after 1917]. St. Petersburg: RHGI Publ., 704 p.

Leont'ev, K.N. (1993). *Izbrannye pis'ma 1854–1891gg.* [Selected letters 1854–1891]. St. Petersburg: Pushkinskiy Fond Publ., 640 p.

Leont'ev, K.N. (2000). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 1, 688 p.

Leont'ev, K.N. (2000). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 2, 460 p.

Leont'ev, K.N. (2000). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 3, 768 p.

Leont'ev, K.N. (2002). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 4, 1045 p.

Leont'ev, K.N. (2003). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 5, 934 p.

Leont'ev, K.N. (2003). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 6, book 1, 820 p.

Leont'ev, K.N. (2006). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 7, book 2, 1023 p.

Leont'ev, K.N. (2007). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 8, book 1, 640 p.

Leont'ev, K.N. (2007). *Vostok, Rossiya, Slavyanstvo* [East, Russia and the Slavs]. Moscow: Eksmo Publ., 896 p.

Leont'ev, K.N. (2009). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 8, book 2, 1408 p.

Leont'ev, K.N. (2012). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t. Prilozhenie. Kn. 1* [Collected works and letters: in 12 vols. Supplement. Book 1]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 752 p.

Leont'ev, K.N. (2014). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 9, 976 p.

Losev, A.F. (1994). *Mif. Chislo. Suschnost'* [Myth. Number. Essence]. Moscow: Nauka Publ., 920 p.

Plotin (2005). *Shestaya Enneada. Traktaty I–V* [Plotinus. The sixth Ennead. Essays 1–5]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 480 p.

Plotin (2005). *Shestaya Enneada. Traktaty VI–IX* [Plotinus. The sixth Ennead. Essays 6–9]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 416 p.

Solov'ev, V.S. (1988). *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, 824 p.

Об авторе

Филин Дмитрий Анатольевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры культурологии, философии
и искусствоведения

Кемеровский государственный
институт культуры,
650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 17;
e-mail: dmitri.filin1@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0013-3420>
ResearcherID: HSG-7192-2023

About the author

Dmitriy A. Filin

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Culturology,
Philosophy and Art History,

Kemerovo State Institute of Culture,
17, Voroshilov st., Kemerovo, 650056, Russia;
e-mail: dmitri.filin1@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0013-3420>
ResearcherID: HSG-7192-2023

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.96

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-71-83>

Поступила: 22.09.2022

Принята: 05.02.2023

Опубликована: 10.04.2023

**КОНЦЕПТ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ
И ЕГО ПРОБЛЕМНОЕ СОДЕРЖАНИЕ**

*Мусс Александр Игоревич, Вовк Дария Владиславовна,
Михайлова Александра Вадимовна, Чичерина Юлия Александровна,
Кирсанова Алена Алексеевна*

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Исследование измененных состояний сознания как группы схожих явления началось примерно 60 лет назад, и сейчас является значительной частью современных исследований сознания. Однако поскольку определение сознания остается актуальным для современной науки, данная статья поднимает проблему определения феномена измененных состояний сознания (ИСС) без решения непосредственно проблемы сознания. Такое определение становится возможным, если мы попытаемся проблематизировать само понятие ИСС как философский концепт: если мы называем различные специфические состояния сознания ИСС, мы называем их так, поскольку они имеют между собой нечто общее, или сложившийся опыт употребления данного термина заставляет нас объединять в одну группу различные ментальные состояния? Иными словами, является ли концепт измененных состояний сознания просто «зонтичным понятием», или между всеми этими состояниями действительно есть нечто общее. Ответить на данные вопросы можно, осуществив поиск ключевых характеристик, общих для всех состояний, относящихся к измененным состояниям сознания. Для того, чтобы решить данную проблему, мы предлагаем два возможных решения: 1) найти и изучить в качестве ключевого параметр, характеризующий ИСС с точки зрения новизны и уникальности; 2) найти общие для всех возможных ИСС характеристики в описаниях, представленные в уже существующих теориях и исследованиях. Первое решение предполагает обращение к ориентировочному рефлексу, тогда как второй путь приводит нас к выделению как минимум трех параметров: 1) эмоциональной оценки, 2) активации, а также 3) содержания и структуры речи. Представленные нами выше решения могут быть проверены эмпирически, а будущие исследования помогут расширить знания и представления о природе ИСС.

Ключевые слова: психофизиология, проблема сознания, психические состояния, измененные состояния сознания (ИСС), ключевые характеристики измененных состояний сознания.

Для цитирования:

Мусс А.И., Вовк Д.В., Михайлова А.В., Чичерина Ю.А., Кирсанова А.А. Концепт измененных состояний сознания и его проблемное содержание // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 71–83.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-71-83>

THE CONCEPT OF ALTERED STATES OF CONSCIOUSNESS AND ITS PROBLEMATIC NATURE

*Alexander I. Muss, Dariya V. Vovk, Alexandra V. Mikhailova,
Yulia A. Chicherina, Alena A. Kirsanova*

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

The study of altered states of consciousness as a group of similar phenomena began about 60 years ago, and is now a significant part of contemporary studies of consciousness. Since the definition of consciousness remains a problem for modern science, this article raises the question of how to understand altered states of consciousness (ASC) without solving the problem of consciousness itself. This understanding becomes possible via the problematization of the philosophical concept of ASC: do we use it to describe one phenomenon, a group of similar, or rather different phenomena? In other words, the question is whether the concept of altered states of consciousness is just an «umbrella concept» or all these states have something in common. Answers to these questions could be found through searching for key characteristics that are common to all conditions related to altered states of consciousness. To solve this problem, we provide two possible solutions: 1) to find and examine the parameter characterizing ASC in terms of their novelty and uniqueness; 2) to find characteristics common to different ASC in their descriptions taken from various theories. The first solution involves using the data on the orienting reflex, while the second way leads us to distinguishing at least three parameters: 1) emotional evaluation, 2) activation, and 3) the content and structure of speech. These solutions could be verified empirically, and future research is expected to broaden our knowledge about altered states of consciousness.

Keywords: psychophysiology, the problem of consciousness, mental states, altered states of consciousness (ASC), key characteristics of altered states of consciousness.

To cite:

Muss A.I., Vovk D.V., Mikhailova A.V., Chicherina Yu.A., Kirsanova A.A. [The concept of the altered states of consciousness and its problematic nature]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 71–83 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-71-83>

Введение

В настоящее время измененные состояния сознания (ИСС) все еще можно рассматривать как относительно новый объект исследования. Он появился примерно 60 лет назад, объединив в себе данные о различных ментальных состояниях, изучавшихся в рамках разных научных дисциплин. За эти годы использование данного понятия активно включилось в область философии сознания и когнитивных наук, в связи с чем многочисленные монографии, посвященные сознанию, содержат главы об ИСС, в которых представлено описание их форм, характеристик, нейрофизиологических данных и т.д.

Существует большое количество научных данных о различных видах ИСС. Современные

нейрокогнитивные методы, такие как МРТ, ТМС и ПЭТ, дают научное подтверждение тому, какие активные области мозга задействованы во время ИСС [Preller K.H. et al., 2019]. Феноменологические исследования показывают, как меняется субъективный опыт людей во время переживания ими ИСС [Horváth L. et al., 2018]. Лингвистические исследования, в свою очередь, показывают различия в характеристиках речи людей в различных ИСС [Спивак Д.Л., 2000]. Изучая различные культуры, антропологи исследуют ритуалы и обряды [Xygalatas D. et al., 2019], в которых используется ИСС, а психологи измеряют эффективность медитаций и гипноза в качестве психотерапевтических методов [Kihlstrom J.F., 2018].

Несмотря на то, что объем имеющихся данных велик, это не привело к созданию общей теории ИСС. Можно предположить, что крайне серьезное препятствие для создания такой теории создает фундаментальная проблема сознания, или же проблема взаимосвязи между субъективным опытом и его физиологической основой. Со времен субстанциального дуализма Декарта было предпринято несколько попыток решить эту проблему. В соответствии с философской основой этих попыток, их решения можно разделить на три группы: материалистические, дуалистические и идеалистические. Современные философы и исследователи в основном фокусируются на различных формах материализма и дуализма и предлагают многочисленные идеи о связи уникальности и индивидуальности субъективного опыта с моделями обработки информации. Тем не менее, некоторые авторы, в том числе Д. Чалмерс и Н. Блок, по-прежнему скептически относятся к этим идеям.

Другими словами, исследователи ИСС на пути к общей теории таких состояний сталкиваются со следующей трудностью: чтобы понять природу ИСС, необходимо прояснить понятие сознания, что, в свою очередь, остается проблемой для современной философии и науки.

Интересно, что отсутствие успешного решения проблемы сознания не останавливает исследователей. К примеру, А. Ревонсуо и его коллеги [Revonsuo A. et al., 2009] попытались понять ИСС через общие характеристики таких состояний. Ревонсуо и коллеги выделяют ошибочную интерпретацию реальности как ключевую характеристику ИСС, которая, на их взгляд, должна решить поставленную проблему. Другими словами, каждая форма ИСС радикально меняет поведение человека и то, как он интерпретирует свой субъективный опыт. С нашей точки зрения, данная концепция имеет два основных ограничения.

Во-первых, ИСС не являются единственным явлением, которое вызывает ошибочную интерпретацию действительности. Например, зрительные иллюзии рассматриваются в качестве подобного искажения, однако при этом иллюзорное восприятие является адекватным отображением воспринимаемой информации [Rogers B., 2017]. Иначе говоря, ошибочная интерпретация реальности в зрительных иллюзиях не является собственно ошибкой нашего вос-

приятия: возникающий у нас субъективный образ соответствует воспринимаемой нами информации. Этот пример показывает, как трудно выявить различия между ложной интерпретацией воспринимаемой информации и неправильно воспринятой информацией. Таким образом, когда мы говорим об измененных состояниях сознания как о состояниях, для которых характерна неправильная интерпретация получаемой организмом информации, то мы не сможем однозначно ответить на вопрос о том, что является правильной, а что — ошибочной интерпретацией действительности, а также не сможем различить ИСС от других явлений, связанных с подобной ошибочной интерпретацией.

Во-вторых, идея о характере ошибочной интерпретации основана на следующем более общем предположении: несколько психических состояний имеют общее название — ИСС — в силу их сходства; одинаковое название, в свою очередь, предполагает наличие одинаковых общих характеристик этих состояний. Другими словами, для того, чтобы назвать несколько психических состояний одним и тем же понятием — ИСС, — мы должны иметь некие существенные характеристики, которые будут встречаться в каждом из этих психических состояний. Но что заставляет нас сделать такое предположение?

Вопрос о единообразии явлений, объединяемых общим термином ИСС

Чтобы ответить на вопрос о том, действительно ли явления, называемые сейчас ИСС, имеют общую природу и свойства, следует обратиться к тем статьям и монографиям, в которых встречалось исследуемое понятие. В качестве научного термина понятие ИСС было впервые использовано в статье А.М. Людвига «Измененные состояния сознания», опубликованной в сентябре 1966 г.

Согласно А.М. Людвигу, измененные состояния сознания — это «любое психическое состояние, индуцированное различными физиологическими, психологическими или фармакологическими приемами или средствами, которое субъективно распознается самим человеком (или его объективным наблюдателем), как представляющее достаточно выраженное отклонение субъективного переживания или психического функционирования от его общего

нормального состояния, когда он бодрствует и пребывает в бдительном сознании» [Гордеева О.В., 2012].

Другими словами, основным критерием для ИСС является субъективная оценка его специфики среди других психических состояний.

Этот критерий был не единственным. Развивая концепцию, А.М. Людвиг описывает группы общих причин, характеристик и применения ИСС. Он утверждает, что основными причинами ИСС являются изменения экстероцептивной стимуляции и моторной активности, настороженности и психической вовлеченности (как ее снижение, так и повышение), а также «наличие соматофизиологических факторов». Согласно А.М. Людвигу, несмотря на то, что при возникновении некоторых ИСС (например, трансового состояния) могут действовать сходные базовые процессы и такие воздействия, как культурные ожидания, ролевые игры, характеристики спроса, факторы коммуникации, чувства переноса, личная мотивация и ожидания, а также специфическая процедура, используемая для стимулирования ИСС, работают согласованно, формируя психическое состояние с уникальным собственным вкусом [Ludwig А.М., 1966, р. 227]. Другими словами, несмотря на общность в их субъективной оценке, такие специфические психические состояния могут быть вызваны различными физиологическими, психологическими и социальными факторами.

Далее А.М. Людвиг выделяет общие характеристики ИСС, включающие изменения в ощущениях, [само]восприятии, эмоциях, мышлении, ощущении времени, контроле, значении, а также внушаемости [Ludwig А.М., 1966]. Как мы видим, эти характеристики также относятся только к субъективному опыту человека и его изменениям во время этих состояний.

Помимо общих причин и характеристик, Людвиг показывает дезадаптивное и адаптивное применение ИСС, которое включает в себя лечение, наработка новых знаний и опыта, а также их использование в качестве социальной функции [Ludwig А.М., 1966].

Таким образом, возникновение понятия ИСС и его дальнейшее использование в качестве научного термина для объединения тех психических состояний, которые субъективно оцениваются как нечто отличное от повседневного функционирования, выглядит неубеди-

тельно. Критерием того, что психическое состояние становится измененным, является его субъективная оценка без какой-либо независимой проверки. Более того, эти состояния фактически вызываются различными причинами, обладают различными характеристиками и могут иметь различное применение. Иными словами, за субъективной необычностью таких состояний могут скрываться как фундаментальные сходства, так и фундаментальные различия между ними. Тем не менее, мы продолжаем использовать общий термин для обозначения таких состояний.

Несмотря на описанные ограничения, данный подход обрел свою популярность среди исследователей. Через три года после публикации статьи А.М. Людвиг Ч. Тарт [Altered states of consciousness..., 1969] издал книгу «Измененные состояния сознания», в которую включил статью А.М. Людвиг, а также некоторые другие тексты, представляющие общее представление о понятии ИСС. Во введении к книге Ч. Тарт сосредоточился в основном на изменениях в субъективном опыте, природе «нормального» состояния сознания, этических аспектах, а также на разнообразии измененных состояний.

В 1975 г. Ч. Тарт преобразовал свои идеи в более последовательную теорию, используя «системный подход», согласно которому каждое состояние сознания представляет собой сложную систему, связывающую организм и окружающую среду. Более того, согласно Ч. Тарту, само сознание состоит из различных частей, образующую общую структуру. В процессе взросления и социализации эта структура стабилизирует некоторые паттерны деятельности, формируя базовое состояние сознания. Таким образом, ИСС — это те состояния сознания, возникновение которых изменяет стабильные паттерны человеческой деятельности. Используя эти идеи, Ч. Тарт описывает каждое состояние сознания как специфический инструмент со своими возможностями применения и ограничениями. Более того, он предложил идею качественного описания каждого состояния сознания для их дифференциации [Tart Ch.Т., 1975].

Позже Ч. Тарт пришел к выводу, что «содержание» нормального состояния сознания является продуктом социализации. То есть

нормальное состояние сознания не является чем-то врожденным, а представляет собой результат адаптации к культурным стандартам [Tart Ch.T., 1975, 2011]. Следовательно, ИСС — это нечто, выходящее за рамки этих социально выработанных стандартов. Другими словами, согласно Ч. Тарту, ИСС — это то, что может расширить сознание человека за счет нового опыта и образа мышления. Это определение также расплывчато, но такой подход к ИСС позволяет говорить и о поиске ключевых характеристик, и об отличии таких состояний от условно нормального. Таким образом, чтобы концептуализировать ИСС, мы должны определить нормальные состояния, используя некоторые существенные параметры этих состояний, учитывая в том числе то, что не все ИСС зависят от социального контекста [Гордеева О.В., 2002].

В отличие от идей авторов исследуемой концепции, современные исследователи изучают различные характеристики тех или иных ИСС, игнорируя важнейший вопрос об основных, которые позволили бы отличить нормальные психические состояния от измененных. Таким образом, для верификации идеи ИСС как единого феномена или группы сходных феноменов необходимо найти те характеристики, которые могли бы отличить нормальные состояния сознания от измененных. Отсутствие этих характеристик, в свою очередь, может опровергнуть эту идею.

Определение ключевых характеристик ИСС

Существует несколько возможностей ответить на данный вопрос. Первая возможность связана с идеями, предложенными А.М. Людвигом, Ч. Тартом, А. Ревонсуо и др., и заключается в поиске какой-то одной ключевой характеристике, позволяющей отличить ИСС в целом от «нормального состояния сознания».

Однако такой подход обладает рядом ограничений. Если мы, например, пытаемся определить все возможные ИСС через их субъективно необычный характер, то мы скорее столкнемся с невозможностью независимой проверки такой субъективной оценки. Иными словами, используя для определения ИСС только один ключевой параметр, связанный с субъективной оценкой, мы всегда будем сталкиваться с проблемой его независимой оценки,

а потому будем работать как минимум с субъективными и объективными измерениями, т.е. с несколькими параметрами.

Кроме того, если в качестве такой единственной ключевой характеристики мы используем некоторое общее понятие (например, «ошибочная интерпретация» у А. Ревонсуо), мы столкнемся с проблемой измерения такой характеристики и будем вынуждены решать фундаментальную проблему измерения, т.е. проблему, которую мы хотели бы избежать.

Выйти из сложившихся затруднений можно, обратившись к содержанию самого понятия «измененные» в термине ИСС. Понятие «измененные» апеллирует к чему-то новому и необычному. Иными словами, измененные состояния сознания можно было бы рассмотреть через новизну того опыта, который переживают в ИСС люди. Это порождает следующий вопрос: можем ли мы определить и измерить новизну ментального состояния независимо от его субъективной оценки?

Такую возможность дает психофизиология, поскольку внутри данной научной области существует целый ряд исследований реакций на новизну у людей и других видов. Эти исследования опираются на понятие ориентировочного рефлекса (ОР) как неспецифической реакции на новизну, проявляющейся в работе различных систем организма [Sokolov E.N., 1963]. Таким образом, если в процессе переживания ИСС отслеживать различные компоненты ОР, то можно ожидать не только их появления, но и сохранения в динамике переживания таких состояний.

Важно отметить, что сам ОР является феноменом, который изучается на протяжении десятилетий и относительно которого накоплены многочисленные экспериментальные данные [Анохин П.К., 1968; Анохин К.В., 2020; Павлов И.П., 1951; Barry R.J. et al., 2019; Choudhry P., 2017; Liebold B. et al., 2017; MacDonald B., Barry R.J., 2020; MacDonald B., 2017; Marois A. et al., 2018; Nalivaiko E. et al., 2012; Olst E.H., 1971; Sokolov E.N., 1963]. Е.Н. Соколов определяет ориентировочный рефлекс в качестве немедленного ответа человека или животного на малейшие изменения в окружающем мире [Sokolov E.N., 1963, p. 545]. Более того, такая реакция имеет биологическое значение, поскольку в отсутствие реакции на новизну живое существо не смогло бы свое-

временно реагировать на внезапно возникающую опасность и таким образом защитить себя. Интересно, что ОР возникает как в случае возникновения нового стимула, так и в случае отсутствия воздействия в ожидаемой, повторяющейся ситуации.

ОР у человека характеризуется наличием нескольких компонентов, которые обычно делятся на нервные, автономные (вегетативные) и моторные. Каждый компонент может быть выражен в различной степени: например, реакция нервной системы на новизну может охватывать как отдельные нейроны, так и активность нервной системы в целом. Так, например, ОР проявляется в депрессии альфа-ритма на ЭЭГ. Кроме того, исследования по методу вызванных потенциалов продемонстрировало наличие поздних позитивных компонентов в ответ на неожиданное воздействие [MacDonald B., Vargy R.J., 2020].

К вегетативным компонентам ОР обычно относят сокращение зрачков, повышение электросопротивления кожи (увеличение амплитуды КГР), снижение частоты сердечных сокращений, изменения частоты дыхания, усиление дыхательной аритмии в частотном спектре сердечного ритма, вазодилатации сосудов головы при одновременной вазоконстрикции сосудов рук [Основы психофизиологии, 1997].

Моторная сфера при возникновении ориентировочного рефлекса характеризуется поворотами головы, изменениями в движении глаз, повышении мышечного тонуса и двигательными реакциями на появление нового звукового стимула [Основы психофизиологии, 1997].

Большинство указанных компонентов ОР, в особенности изменения частоты сердечных сокращений, амплитуды КГР, частоты дыхания, доступны для измерения, и, следовательно, возможные изменения этих параметров можно оценить в различных ИСС.

С учетом того, что указанное выше предположение о возникновении ОР как реакции на новизну в процессе переживания ИСС как нового, необычного опыта кажется логичным и даже очевидным, нам не удалось обнаружить каких-либо эмпирических данных ни о возникновении такой реакции в ИСС, ни изучении с помощью ОР динамики ИСС в смысле продолжительности и частоты обращения к таким состояниям.

По этой причине мы можем только предполагать, что подобная оценка может помочь оценить новизну как ключевую характеристику, объединяющую различные ИСС. Кроме того, такой подход позволил бы соотнести субъективную новизну и необычность в том смысле, в каком ее понимают люди, переживающие ИСС с объективно измеряемой физиологической реакцией, что позволило бы прояснить необходимость содержательного анализа такой оценки. В этом случае опровержение нашей гипотезы можно было бы рассматривать в качестве аргумента против использования самого термина ИСС как рамочного понятия, поскольку его использование в таком случае подразумевало бы наличие связи при ее фактическом отсутствии. Полное подтверждение, напротив, могло бы послужить основой для прояснения как самих ИСС, так и более фундаментальных психологических проблем. В свою очередь, обнаружение ОР при однократном возникновении ИСС или только в части существующих ИСС могло способствовать пересмотру критериев, по которому ментальное состояние оценивалось бы как измененное.

Таким образом, возникновение ОР или обнаружение его отдельных компонентов в процессе возникновения и переживания различных ИСС могло бы послужить критерием их возникновения и динамики протекания в экспериментальных исследованиях с контрольной группой и повторными измерениями (чтобы внутри широкого спектра ИСС выделить, к примеру, состояния, которые, скорее, стоило бы отнести к «нормальным»), либо позволило бы на более глобальном уровне пересмотреть наши представления о таких состояниях.

Каким образом возможно описание и исследование ИСС в случае, если существует несколько ключевых характеристик этих состояний?

В силу того, что гипотеза о возникновении ОР в качестве возможной ключевой характеристики возникновения и протекания ИСС требует проверки, стоит рассмотреть иную возможность, связанную с поиском возможных ключевых характеристик ИСС: гипотезу о существовании нескольких ключевых характеристик таких состояний.

Важно отметить, что при изучении ключевых характеристик любых психических состояний (не только измененных) можно столкнуться с множеством трудностей. Первая сложность заключается в том, как выбрать количество характеристик для описания психического состояния.

К примеру, в отечественной психологии существует несколько теорий, посвященных психическим состояниям. Несмотря на то, что общепринятая классификация психических явлений предполагает их разделение на такие категории, как физические процессы (перцепция и внимание), психические состояния и психические характеристики (личностные черты), существует множество авторов и концепций, которые предлагают совершенно другие параметры для описания разных состояний. Поэтому выбор подходящей теории или набора параметров (характеристик) может быть затруднительным, так же как и попытка применить их к концепции ИСС.

Один из возможных вариантов преодоления этих сложностей заключается в попытке сравнить описания ИСС в разных теориях. Таким образом, мы сможем говорить о значимости определенных характеристик, если они присутствовали при описании нескольких ИСС в различных теориях.

Результат сравнения характеристик ИСС, представленных в различных теориях, позволит оценить их возможное количество. Для того, чтобы показать преимущество данного метода, мы рассмотрели описания различных ИСС (гипноз, медитация, сон, алкогольная и наркотическая интоксикация и т.д.) в следующих психологических теориях: классический психоанализ [Freud S., 1900], теория И.П. Павлова о высшей нервной деятельности [Павлов И.П., 2001], теория Л. Выготского о высших психических функциях [Гордеева О.В., 2002], необихевиоризм К. Халла [Hull C., 1933], Эгопсихология [Fromm E., 1972, 1977] и психоанализ Ж. Лакана [Lacan J. Miller J., 1975; Lacan J., 1978]. Критериями выбора данных теорий является их общий признак (попытка исследовать психику как целое), а также наличие описания различных ИСС и их ключевых характеристик. Стоит отметить, что современные нейрокогнитивные теории и теории в философии сознания уделяют мало внимания определению ИСС, в силу чего мы не смогли взять более современ-

ные общепсихологические теории, поскольку они, как правило, не рассматривают специфику ИСС среди других ментальных состояний.

Какие же именно ключевые характеристики ИСС можно найти в перечисленных выше теориях и есть ли возможность систематизировать эти характеристики через сравнение?

В психоанализе З. Фрейда сновидение и гипноз интерпретируются как процесс, при котором снижается «подавление подсознательных влечений», т.е. как процесс изменения взаимосвязи между сознательным и бессознательным [Freud S., 1900]. Мы можем трактовать эту идею следующим образом: подобные состояния обеспечивают изменение связи между сознательным и бессознательным, поэтому они относятся к активным психическим процессам. Таким образом, ИСС являются **активными процессами**, которые влияют на психическое функционирование, включая осознание **подавленных эмоций**.

Согласно взглядам И.П. Павлова, сон, гипнотическое состояние, а также алкогольная интоксикация являются примерами процесса частичного коркового торможения, который сопровождается подкорковым растормаживанием, и, в свою очередь, изменяет реакции и сигналы [Павлов И.П., 2001]. В этом случае, такие состояния являются процессами, которые совмещают подкорковое возбуждение и корковое торможение. Таким образом, согласно взглядам И.П. Павлова, ИСС включают в себя **активные и пассивные компоненты функционирования мозга**. Более того, согласно различиям между корковой и подкорковой регуляцией, можно говорить о том, что большую роль в ИСС играют **речь и эмоции**.

К. Халл же отделяет гипноз от сна, определяя его в терминах диссоциации и внушаемости. Другими словами, гипноз может рассматриваться как состояние, в котором происходит диссоциация опыта человека, причем связь сохраняется не между различными диссоциированными частями, а между этими частями и гипнотизером [Hull C., 1933]. Учитывая тот факт, что в идеях Халла прослеживается взаимосвязь между **мотивацией и поведением**, можно говорить о том, что ИСС изменяют соотношение между ними.

Эрика Фромм разработала идею о том, что сновидения, гипноз, наркотическое опьянение

и дневные грезы являются Эго-состоянием, которое переходит из вторичного в первичный процесс, когда субъект использует воображение вместо концептуализации [Fromm E., 1977]. Эта идея подчеркивает необходимость **речи и воображения** в ИСС.

В символическом психоанализе Ж. Лакана используются лишь отдельные факты сна, дневных грез и гипноза, которые интерпретируются как сознательный процесс, диссоциация Эго и процесс, тесно связанный с влюбленностью и диалогом соответственно [Lacan J. Miller J.-A., 1975; Lacan J., 1978]. Таким образом, согласно Ж. Лакану, ИСС может быть описана через **эмоции и функционирование речи**.

Современные авторы, такие как О.В. Гордеева [Гордеева О.В., 2002], используют идею Л.С. Выготского о высших и низших физических процессах для дифференциации различных измененных состояний сознания, таких как сон и ярость в бою, в соответствии с процессами, лежащими в их основе. При этом все ИСС выполняют функции адаптации, причем в зависимости от включения в их функционирования высших психических функций, они способствуют социальной или исключительно биологической адаптации. В случае высших процессов эти состояния имеют социальные функции. В отличие от них, низшие процессы тесно связаны с биологической адаптацией. Таким образом, эти состояния, как высшие, так и низшие, могут коррелировать с **мотивацией (как и эмоция)** и как вспомогательные инструменты помогать организмам адаптироваться к окружающей среде. Более того, согласно идеям О.В. Гордеевой, высшие ИСС должны быть связаны с **речью**.

Таким образом, проанализировав различия между представлением измененных состояний сознания в разных теоретических рамках, мы смогли найти определенные параметры, которые можно измерить с помощью психологических и психофизиологических методов.

Для концептуализации проанализированных данных мы выбираем три возможные характеристики для описания различных измененных состояний сознания, которые могут быть измерены как психологическими, так и психофизиологическими методами. Эта схема нуждается в эмпирическом обосновании, которое мы представим в наших будущих исследованиях.

Во-первых, мы можем различать состояния сознания по их **эмоциональной оценке**. Эта характеристика означает положительную или отрицательную оценку текущего нормального или измененного состояния переживающим его человеком. В свою очередь, мы можем измерить эмоциональную оценку через субъективные шкалы, изменения в выражении лица, частоту сердечных сокращений, кожно-гальваническую реакцию (КГР), вызванные потенциалы (такие как р300, р3b и другие поздние компоненты) и т.д.

Во-вторых, возможным параметром, который различается между несколькими теориями измененных состояний, является **активация**. Мы интерпретируем ее как стабильность или динамику каждого состояния в течение времени, что можно проверить с помощью субъективных шкал, частоты сердечных сокращений, дисперсии интервала R-R, а также фрактальной размерности ЭЭГ.

В-третьих, мы можем измерить **содержание и структуру речи** в каждом состоянии. Этот параметр означает, как человек использует речь, как переживая ИСС, так и для описания этого переживания. Мы можем исследовать этот параметр с помощью психологических и лингвистических методов. Более того, есть данные исследований, которые имеют отношение к исследуемым параметрам. Психолингвистические исследования Д.Л. Спивака охватывают большой объем ИСС и различные параметры речи в этих состояниях [Спивак Д.Л., 2000]. Примечательно, что речевое поведение различается при нарушениях сознания и ИСС, вызванных фармакологическими средствами, особыми внешними условиями (работа в горячих цехах или на полярных станциях), а также вербальными внушениями. Было указано, что при нарушениях сознания отмечается плохой речевой контакт, а количество элементов речи и глаголов уменьшается. Кроме того, сама речь становится более стереотипной. Однако существуют некоторые различия в речи при ИСС с разными причинами: при экзогенных состояниях изменения языкового сознания происходят медленнее, и существует связь между структурой предложений и языковым сознанием человека в ИСС.

Подводя итог, можно сказать, что оценка и сравнение этих параметров (независимо с помощью психологических, физиологических и

лингвистических методов) у разных ИСС позволили бы проверить высказанное нами предположение о том, являются ли они специфическими характеристиками ИСС. Сходство этих параметров (и одновременное их различие между «нормальными» состояниями сознания и ИСС) подтвердило бы идею ИСС как схожих или одинаковых явлений, тогда значительные расхождения в оценке различных ИСС позволили бы критически пересмотреть саму необходимость использования данного термина в обозначении данных ментальных состояний.

Поиск ключевых характеристик ИСС и проблема сознания

Начиная с XIX в., различные исследователи предпринимали попытки изучить разум и сознание через изучение отдельных психических явлений. В некоторых случаях этот метод дает интересные и эвристически ценные данные для будущих исследований. Например, развитие психиатрии приводит к получению знаний о причинах и возможном методе лечения общего пареза, эпилепсии; развитие психотерапии позволяет лучше понять неврозы, а современная нейрокогнитивная наука доказывает, что стойкое вегетативное состояние иногда может быть случаем синдрома запертого человека.

Эти результаты можно рассмотреть в качестве успешной концептуализации (создания подходящей для использования терминологии), последовательного анализа данных и интерпретации. Более того, дальнейшее развитие таких идей позволило получить новые данные, имеющие широкое применение. Напротив, использование концепта ИСС лишь заставляет полагать, что сновидения, гипнотический и шаманский транс, алкогольная и наркотическая интоксикация и медитация являются схожими феноменами или разными проявлениями одного феномена, который, помимо прочего, связан с сознанием. Но эти допущения, в отличие от представленных выше примеров, не обладают достаточной обоснованностью; более того, современные данные говорят скорее о том, что рассмотренные состояния кардинально отличаются друг от друга.

Изложенные в данной статье идеи можно рассмотреть, как попытку обнаружить конкретное содержание концепта ИСС, существование которого в том числе связано с самой возможностью обнаружить общие ключевые характери-

стики таких состояний. Если такие характеристики существуют, то это позволит понять, что есть такое «измененное» в измененных состояниях сознания. Более того, исследование этих «изменений» — это то, что позволит нам ответить на вопрос о связи ИСС с сознанием.

Однако такой поиск ключевых характеристик обладает рядом ограничений. Описание ИСС через их ключевые характеристики будет так или иначе затрагивать содержание существующих психологических теорий, которые также были попыткой решить проблему сознания.

При таком обращении нашу попытку можно воспринять как непоследовательную «мешанину» из различных подходов, принадлежащих разным эпохам. Кроме того, сам выбор возможных ключевых характеристик может быть результатом ошибочной интерпретации тех или иных теорий и эмпирических данных. Использование психологических, лингвистических и психофизиологических методов позволит, с одной стороны, сопоставить наши результаты с актуальными данными когнитивной нейронауки, однако, с другой стороны, сам набор характеристик, которые можно измерить такими методами, может уходить в дурную бесконечность, а также очевидную зависимость от выбранного метода.

Единственная, на наш взгляд, возможность учесть эти ограничения — сопоставлять результаты применения схожих методов на разных измененных состояниях сознания с целью их сопоставления. В этом случае мы, как минимум, будем соблюдать требование независимой проверки, и таким образом сможем обосновать наши результаты.

Кроме того, рассмотренная выше проблематика может показаться несущественной, если рассматривать ИСС исключительно как рамочное понятие, использующееся для описание широкого круга феноменов. Однако, как уже было показано выше, использование такого рамочного понятия приводит к необоснованным допущениям: о единой природе таких измененных состояний сознания, что, скорее, опровергается существующими данными, а также о связи ИСС с сознанием, которая фактически соединяет два проблемных по своему содержанию концепта. Иными словами, рамочная связь между различными ИСС, как минимум, не имеет независимого подтверждения и в редких исследованиях на эту тему скорее опровергается [Спивак Д.Л.,

2000; Revonsuo A. et al., 2009], а имплицитная связь между ИСС и сознанием ничего не проясняет относительно самой проблемы ИСС и проблемы сознания, однако порождает новые проблемы. Таким образом, использование концепта ИСС как исключительно рамочного понятия не только оказывается при таком подходе лишенным какого-либо обоснования, но и приводит к тому, что вместо научно обоснованного термина мы начинаем иметь дело с семиотическим мифом (в духе мифов, представленных в работе Р. Барта) [Bartes R., 1957].

Заключение

Поиск возможных ключевых характеристик ИСС может помочь в понимании ИСС, не решая при этом саму проблему сознания. Критический пересмотр концепции ИСС может прояснить взаимосвязь между различными типами ИСС или показать, что такой связи не существует. Более того, на фоне обсужденных выше вопросов возникает вопрос о том, насколько действительно ИСС связаны с сознанием и его проблематикой. Подобное прояснение может оказаться крайне полезным на пути изучения сознания, как при решении фундаментальных проблем, так и при систематизации различных психических явлений.

Список литературы

Анохин К.В. Нейронные сети: организующий принцип высших функций мозга // XIX Научная школа «Нелинейные волны – 2020»: материалы Междунар. конф. Н. Новгород: Ин-т приклад. физики РАН, 2020. С. 513–515.

Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968. 547 с.

Гордеева О.В. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского как методологическая основа изучения измененных состояний сознания (ИСС) // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова / под ред.

Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 134–149.

Гордеева О.В. Измененные состояния сознания: природа, механизмы, функции и характеристики: хрестоматия. М.: Когито-Центр, 2012. 256 с.

Основы психофизиологии: учебник / под ред. Ю.И. Александрова. М.: ИНФРА-М, 1997. 349 с.

Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. 4: Лекции о работе больших полушарий головного мозга / под ред. Э.Ш. Айрапетянц. М.: АН СССР, 1951. 452 с.

Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. 432 с.

Снивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Ювента: Филол. ф-т СПбГУ, 2000. 296 с.

Altered states of consciousness: a book of readings / ed. by Ch.T. Tart. Chichester, UK: John Wiley & Sons, 1969. 575 p.

Barry R.J., Steiner G.Z., De Blasio F.M., Fogarty J.S., Karamacoska D., MacDonald B. Components in the P300: Don't forget the Novelty P3! // *Psychophysiology*. 2019. Vol. 57, iss. 7. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/psyp.13371> (accessed: 21.09.2022). DOI: <https://doi.org/10.1111/psyp.13371>

Bartes R. Mythologies. Paris: Seuil, 1957. 267 p.

Choudhry P. Alpha Waves, Intelligence and the orienting reflex: a review // *Indian Journal of Neurosciences*. 2017. Vol. 3, iss. 3. P. 122–123.

Freud S. Traumdeutung. Leipzig; Wien: Franz Deuticke, 1900. 386 S.

Fromm E. An ego-psychological theory of altered states of consciousness // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. 1977. Vol. 25, iss. 4. P. 372–387. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207147708415992>

Fromm E. Ego activity and ego passivity in hypnosis // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. Vol. 20, iss. 4. 1972. P. 238–251. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207147208409295>

Horváth L., Szummer C., Szabo A. Weak phantasy and visionary phantasy: the phenomenological significance of altered states of consciousness // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2018. Vol. 17, iss. 1. P. 117–129. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11097-016-9497-4>

Hull C. Hypnosis and suggestibility: an experimental approach. N.Y.: D. Appleton – Century Company, Inc., 1933. 416 p.

Kihlstrom J.F. Hypnosis as an altered state of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2018. Vol. 25, no. 11–12. P. 53–72.

Lacan J. Freuds technische Schriften. Seminar Nr. 1. Weinheim; Berlin: Walter: Quadriga, 1978. 364 S.

Lacan J., Miller J.-A. Le Séminaire. Livre I. Les écrits techniques de Freud. Paris: Éditions du Seuil, 1975. 315 p.

Liebold B., Brill M., Pietschmann D., Schwab F., Ohler P. Continuous measurement of breaks in presence: psychophysiology and orienting responses // *Media Psychology*. 2017. Vol. 20, iss. 3. P. 477–501. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213269.2016.1206829>

Ludwig A.M. Altered states of consciousness // Archives of General Psychiatry. 1966. Vol. 15, iss. 3. P. 225–234. DOI: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1966.01730150001001>

MacDonald B. ERPs in the context of the orienting reflex: D.Phil. thesis / University of Wollongong. Wollongong, AU, 2017. 250 p.

MacDonald B., Barry R.J. Integration of three investigations of Novelty, Intensity, and Significance in dishabituation paradigms: a study of the phasic Orienting Reflex // International Journal of Psychophysiology. 2020. Vol. 147. P. 113–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2019.11.009>

Marois A., Labonté K., Parent M., Vachon F. Eyes have ears: Indexing the orienting response to sound using pupillometry // International Journal of Psychophysiology. 2018. Vol. 123. P. 152–162. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2017.09.016>

Nalivaiko E., Bondarenko E., Lidström A., Barry R.J. Respiratory component of the orienting reflex: a novel sensitive index of sensory-induced arousal in rats // Frontiers in Physiology 2012. Vol. 2. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fphys.2011.00114/full> (accessed: 21.09.2022). DOI: <https://doi.org/10.3389/fphys.2011.00114>

Olst E.H. The orienting reflex. Berlin, DE: De Gruyter Mouton, 1971. 170 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783111557052>

Preller K.H., Razi A., Zeidman P., Stämpfli Ph., Friston K.J., Vollenweider F.X. Effective connectivity changes in LSD-induced altered states of consciousness in humans // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2019. Vol. 116, iss. 7. P. 2743–2748. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1815129116>

Revonsuo A., Kallio S., Sikka P. What is an altered state of consciousness? // Philosophical Psychology. 2009. Vol. 22, iss. 2. P. 187–204. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515080902802850>

Rogers B. Perception: a very short introduction. Oxford, UK: Oxford University Press, 2017. 184 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198791003.001.0001>

Sokolov E.N. Higher nervous functions: the orienting reflex // Annual Review of Physiology. 1963. Vol. 25, iss. 1. P. 545–580. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ph.25.030163.002553>

Tart Ch.T. Preface: Extending our knowledge of consciousness // Altering consciousness. Multidisciplinary perspectives. Vol. 1: History, Culture, and the Humanities / ed. by E. Cardeña, M. Winkelmann. Santa Barbara, CA: Praeger, 2011. P. ix–xx.

Tart Ch.T. States of Consciousness. N.Y.:

E.P. Dutton & Co, 1975. 320 p.

Xygalatas D., Khan S., Lang M., Kundt R. et al. Effects of extreme ritual practices on psychophysiological well-being // Current Anthropology. 2019. Vol. 60, iss. 5. P. 699–707. DOI: <https://doi.org/10.1086/705665>

References

Alexandrov, Yu.I. (ed.) (1997). *Osnovy psikhofiziologii* [The foundations of psychophysiology]. Moscow: INFRA-M Publ., 349 p.

Anokhin, K.V. (2020). [Neural hypernets: Facts and theories about the structure and dynamics of higher brain functions]. *XIX Nauchnaya shkola «Nelineynye volny – 2020»: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Scientific School «Nonlinear waves – 2020»: proceedings of the international conference]. Nizhniy Novgorod: IAP RAS Publ., pp. 513–515.

Anokhin, P.K. (1968). *Biologiya i neyrofiziologiya uslovnogo refleksa* [The biology and neurophysiology of conditional reflex]. Moscow: Meditsina Publ., 547 p.

Barry, R.J., Steiner, G.Z., De Blasio, F.M., Fogarty, J.S., Karamacoska, D. and MacDonald, B. (2019). Components in the P300: Don't forget the Novelty P3! *Psychophysiology*. Vol. 57, iss. 7. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/psyp.13371> (accessed 21.09.2022). DOI: <https://doi.org/10.1111/psyp.13371>

Bartes, R. (1957). *Mythologies*. Paris: Seuil Publ., 267 p.

Choudhry, P. (2017). Alpha waves, intelligence, and the orienting reflex: a review. *Indian Journal of Neurosciences*. Vol. 3, iss. 3, pp. 122–123.

Freud, S. (1900). *Traumdeutung* [Dream interpretation]. Leipzig, Vienna: Franz Deuticke Publ., 386 p.

Fromm, E. (1972). Ego activity and ego passivity in hypnosis. *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. Vol. 20, iss. 4, pp. 238–251. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207147208409295>

Fromm, E. (1977). An ego-psychological theory of altered states of consciousness. *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. Vol. 25, iss. 4, pp. 372–387. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207147708415992>

Gordeeva, O.V. (2002). *Kul'turno-istoricheskaya teoriya L.S. Vygotskogo kak metodologicheskaya osnova izucheniya izmenennykh sostoyaniy soznaniya (ISS)* [Cultural-historical theory of L.S.Vygotsky as a methodological basis for the study of altered states of

consciousness]. *Uchenye zapiski kafedry obschey psikhologii MGU im. M.V. Lomonosova* [Scientific Notes of the Department of General Psychology of MSU]. Moscow: Smysl Publ., pp. 134–149.

Gordeeva, O.V. (2012). *Izmenennye sostoyaniya soznaniya: Priroda, mekhanizmy, funktsii i kharakteristiki* [Altered states of consciousness: Nature, mechanisms, functions and characteristics]. Moscow: Cogito-Tsentr Publ., 256 p.

Horváth, L., Szummer, C. and Szabo, A. (2018). Weak phantasy and visionary phantasy: the phenomenological significance of altered states of consciousness. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. Vol. 17, iss. 1, pp. 117–129. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11097-016-9497-4>

Hull, C. (1933). *Hypnosis and suggestibility: An experimental approach*. New York: D. Appleton – Century Company, Inc. Publ., 416 p.

Kihlstrom, J.F. (2018). Hypnosis as an altered state of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 25, no. 11–12, pp. 53–72.

Lacan, J. (1978). *Freuds technische Schriften. Seminar Nr. 1* [Freud's technical writings. Seminar No. 1]. Weinheim, Berlin: Walter und Quadriga Publ., 364 p.

Lacan, J. and Miller, J.-A. (1975). *Le Séminaire. Livre I. Les écrits techniques de Freud* [Seminar. Book I. The technical writings of Freud]. Paris: Seuil Publ., 315 p.

Liebold, B., Brill, M., Pietschmann, D., Schwab, F. and Ohler, P. (2017). Continuous measurement of breaks in presence: psychophysiology and orienting responses. *Media Psychology*. Vol. 20, iss. 3, pp. 477–501. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213269.2016.1206829>

Ludwig, A.M. (1966). Altered states of consciousness. *Archives of General Psychiatry*. Vol. 15, iss. 3, pp. 225–234. DOI: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1966.01730150001001>

MacDonald, B. (2017). *ERPs in the context of the orienting reflex: D.Phil. thesis*. University of Wollongong. Wollongong, AU, 250 p.

MacDonald, B. and Barry, R.J. (2020). Integration of three investigations of Novelty, Intensity, and Significance in dishabituation paradigms: A study of the phasic Orienting Reflex. *International Journal of Psychophysiology*. Vol. 147, pp. 113–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2019.11.009>

Marois, A., Labonté, K., Parent, M. and Vachon, F. (2018). Eyes have ears: Indexing the orienting response to sound using pupillometry. *International Journal of Psychophysiology*. Vol. 123, pp. 152–162. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2017.09.016>

Nalivaiko, E., Bondarenko, E., Lidström, A. and Barry, R.J. (2012). Respiratory component of the orienting reflex: a novel sensitive index of sensory-induced arousal in rats. *Frontiers in Physiology*. Vol. 2. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fphys.2011.00114/full> (accessed 21.09.2022). DOI: <https://doi.org/10.3389/fphys.2011.00114>

Olst, E.H. (1971). *The orienting reflex*. Berlin: De Gruyter Mouton, 170 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783111557052>

Pavlov, I.P. (1951). *Polnoe sobranie sochineniy. T. 4: Lektsii o rabote bol'shikh polushariy golovno mozga* [Complete works. Vol. 4: Lectures on the work of brain hemispheres]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 452 p.

Pavlov, I.P. (2001). *Refleks svobody* [The reflex of freedom]. St. Petersburg: Piter Publ., 432 p.

Preller, K.H., Razi, A., Zeidman, P., Stämpfli, P., Friston, K.J. and Vollenweider, F.X. (2019). Effective connectivity changes in LSD-induced altered states of consciousness in humans. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 116, iss. 7, pp. 2743–2748. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1815129116>

Revonsuo, A., Kallio, S. and Sikka, P. (2009). What is an altered state of consciousness? *Philosophical Psychology*. Vol. 22, iss. 2, pp. 187–204. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515080902802850>

Rogers, B. (2017). *Perception: A very short introduction*. Oxford, UK: Oxford University Press, 184 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198791003.001.0001>

Sokolov, E.N. (1963). Higher nervous functions: the orienting reflex. *Annual Review of Physiology*. Vol. 25, iss. 1, pp. 545–580. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ph.25.030163.002553>

Spivak, D.L. (2000). *Izmenennye sostoyaniya soznaniya: psikhologiya i lingvistika* [Altered states of consciousness: psychology and linguistics]. St. Petersburg: Yuventa Publ., Faculty of Philology SPBU Publ., 296 p.

Tart, Ch.T. (ed.) (1969). *Altered states of consciousness: a book of readings*. Chichester, UK: John Wiley & Sons Publ., 575 p.

Tart, Ch.T. (2011). Preface: Extending our knowledge of consciousness. *Altering consciousness. Multidisciplinary perspectives. Vol. 1: History, Culture, and the Humanities*. Santa Barbara, CA: Praeger Publ., pp. ix–xx.

Tart, Ch.T. (1975). *States of consciousness*. New York: E.P. Dutton & Co Publ., 320 p.

Xygalatas, D., Khan, S., Lang, M., Kundt, R. et al. (2019). Effects of extreme ritual practices on psychophysiological well-being. *Current Anthropol-*

ogy. Vol. 60, iss. 5, pp. 699–707. DOI: <https://doi.org/10.1086/705665>

Об авторах

Мусс Александр Игоревич

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры
общей психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: albertwanderer@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2685-9353>
ResearcherID: B-8560-2019

Вовк Дария Владиславовна

студентка специальности
«Клиническая психология»

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: st074268@student.spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7702-9640>
ResearcherID: HSG-9070-2023

Михайлова Александра Вадимовна

студентка специальности
«Клиническая психология»

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: st074234@student.spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2964-323X>
ResearcherID: HSG-9096-2023

Чичерина Юлия Александровна

студентка направления «Психология»

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: jtsitserina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3308-6085>
ResearcherID: HSH-0210-2023

Кирсанова Алена Алексеевна

студентка направления «Психология»

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: switersweet@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>
ResearcherID: HSG-8883-2023

About the authors

Alexander I. Muss

Candidate of Psychology, Senior Lecturer
of the Department of General Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: albertwanderer@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2685-9353>
ResearcherID: B-8560-2019

Dariya V. Vovk

Clinical Psychology Student

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: st074268@student.spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7702-9640>
ResearcherID: HSG-9070-2023

Alexandra V. Mikhailova

Clinical Psychology Student

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: st074234@student.spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2964-323X>
ResearcherID: HSG-9096-2023

Yulia A. Chicherina

Psychology Student

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: jtsitserina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3308-6085>
ResearcherID: HSH-0210-2023

Alena A. Kirsanova

Psychology Student

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: switersweet@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>
ResearcherID: HSG-8883-2023

УДК 159.942

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

Поступила: 12.09.2022

Принята: 10.01.2023

Опубликована: 10.04.2023

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Чулошников Алексей Игоревич

Краевой психотерапевтический центр (Пермь),

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье обсуждается возможность рассмотрения феномена психологического насилия в рамках понятийного аппарата теории деятельности, а также активности субъекта насилия как деятельности, протекающей по ее закономерностям и имеющей соответствующую структуру. Автор представляет анализ существующих определений насилия и, в частности, феномен психологического насилия, соотнося его характерные признаки с ключевыми атрибутами деятельности. Насилие определяется как целенаправленная активность, имеющая целью снижение субъектных функций объекта насилия, осуществляемая против его воли, наносящая ему урон / ведущая к дезадаптации и характеризующаяся социальной несанкционированностью. Психологическое насилие конкретизируется как систематическое воздействие преимущественно информационными/психологическими методами на субъектные функции объекта насилия с целью их снижения. Активность субъекта насилия характеризуется наличием цели или предмета деятельности, систематичностью и не реактивностью агрессии. Атрибутами деятельности, в свою очередь, являются предметность, сознательность, проактивность и субъектность. На основании соотношения данных параметров делается вывод о возможности рассмотрения активности субъекта насилия как деятельности. Также автором представляется вариант анализа активности субъекта насилия в рамках структурных единиц деятельности (действие, операция). Он представляет собой перспективный фрейм для понимания генезиса, динамики мотивационной сферы субъекта насилия (на примере закономерности «сдвига мотива на цель»), а также дифференциации собственно насильственной деятельности субъекта (имеющей мотив десубъективации как основной или одним из основных) от насилия как действия подчиненного иным мотивам (например, социализации), требующим для своей реализации достижения частичной десубъективации объекта деятельности.

Ключевые слова: насилие, психологическое насилие, теория деятельности, абьюз.

Для цитирования:

Чулошников А.И. Психологическое насилие сквозь призму деятельностного подхода // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 84–97. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

Received: 12.09.2022

Accepted: 10.01.2023

Published: 10.04.2023

PSYCHOLOGICAL ABUSE THROUGH THE PRISM OF THE ACTIVITY APPROACH

Alexey I. Chuloshnikov

Regional Psychotherapeutic Center (Perm),

Perm State University (Perm)

The article discusses a possibility of considering a phenomenon of psychological abuse applying the activity theory nomenclature as well as considering an abuse subject's activity as that based on the princi-

ples and having the structure described by the activity theory. The author analyzes existing definitions of abuse in general and psychological abuse in particular, compares their characteristics with the key attributes of activity as such. Abuse is defined as a purposeful activity aimed at lowering the subjective functions of the object of abuse that occurs against the object's will, generally causes him/her harm, leads to disadaptation, and is characterized as non-typical and socially unapproved. Psychological abuse is concretized as a systematic influence on the subjective functions of the object of abuse with the purpose of lowering these by using mainly information/psychological methods. A comparison of the characteristics of the abuse subject's activity, such as the presence of a conscious purpose and object of the activity, consistency of this activity and non-reactivity of the aggression, with the attributes of activity in the general sense, such as agency, consciousness, and proactivity, leads to a conclusion that the abuse subject's activity can be considered from the point of view of the activity theory. The article also presents an analysis of the abuse subject's activity through the structural units of activity (action, operation), thus providing a prospective frame for understanding the genesis as well as the dynamics of the abuse subject's motivational sphere, and for differentiation of a subject's abusive activity as such (with desubjectivation being the main or one of the main motives) from abuse as an activity guided by other motives (e.g., by socialization) that require partial desubjectivation of the object of abuse so as to be realized

Keywords: abuse, psychological abuse, activity theory.

To cite:

Chuloshnikov A.I. [Psychological abuse through the prism of the activity approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 84–97 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

По мере постепенного развития психологической культуры в современном обществе дифференцируется и становится более выраженной потребность в повышении качества жизни: психологического здоровья, благополучия и психологической безопасности. Внимание исследователей, предметом изучения которых выступают данные феномены, фокусируется на более сложных факторах, способных фрустрировать, поставить под угрозу данные ценности.

Таковым, в частности, является феномен психологического насилия, который, в отличие от насилия физического, выступает, несомненно, более сложным, эфемерным для изучения и формализации. Сложна фиксация его конкретных актов и последствий для объекта насилия, скрытых для их непосредственного наблюдения. Для основательного изучения феномена психологического насилия требуется понять, что такое насилие? Что является ключевым для его определения? Чем насилие отличается от агрессии? Эти проблемы прямо или косвенно поднимаются в исследованиях психологического насилия как частного варианта проявления насилия [Фатина М.Л., 2017]. Тем не менее, на данный момент для ответа на эти вопросы не

обнаруживается единой методологически стройной базы.

В настоящий момент в рамках различных областей научного знания (психологии, юриспруденции, медицины, педагогики и др.), изучающих феномен психологического насилия, был накоплен внушительный фактологический материал [Таусинова О.К., 2017; Волкова Е.Н., Исаева О.М., 2013]. Предметом исследований становятся следующие аспекты психологического насилия: конкретные способы осуществления насилия [Бадалова М.В., Бабенко М.А., 2017; Чермашенцева Т.Д. и др., 2014; Хаидов С.К., 2020; Rodríguez-Carballeira A. et al., 2015; Langone M.D., 1992] и его последствия [Агеев Н.В., Усова В.В., 2019; Аптикиева Л.Р., 2020; Боженкова К.А. и др., 2018; Даренских С.С., Трунова А.А., 2020; Игнатов А.Н., 2016; Психологическое насилие..., 2003; Kimber M. et al., 2017]; описание характеристик субъекта и объекта насилия [Грязнов А.Н., Фатина М.Л., 2018; Худик В.А., Шигашов Д.Ю., 2013]; описание факторов, влияющих на различные аспекты насилия [Кондакова И.В., 2012], методы диагностики [Нуцкова Е.В., 2018; Райкова К.А. и др., 2016; Волкова Е.Н., 2016; Saldaña O. et al., 2017]. Существует ряд

теоретико-методологических исследований, предметом которых становится уточнение определения, поиск критериев [Бири П., 2018; Круковский В.Е., Мосечкин И.Н., 2017; Насилие и жестокое обращение с детьми..., 2011; Чеверикина Е.А., Фатина М.Л., 2017], разделяющих насилие и феномены, близкие к нему [Волков Е.Н., 2002; Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П., 2008; Тхостов А.Ш., 2010]. Тем не менее, можно все же отметить некоторую мозаичность, раздробленность, отсутствие структуры в несомненно значимом массиве фактов и обобщений.

Таким образом, *проблема* исследования может быть сформулирована как дефицит актуальных концептуальных фреймов при структурировании сложного и неоднозначного феномена психологического насилия, а также высокого разнообразия авторских дефиниций, раскрывающих феномен ограниченно, фрагментарно, феноменологично.

Одним из таких вариантов может стать *теория деятельности* (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), описывающая сложную человеческую активность как некоторую систему, включающую в себя категории процессов, состояний, свойств и позволяющая операционализировать сложные виды человеческой активности, описать их структурно.

Гипотеза данной работы состоит в том, что психологическое насилие может быть рассмотрено как деятельность, обладать различными атрибутами, интерпретировано (описано и объяснено) в рамках данного подхода.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование возможности рассмотрения психологического насилия как деятельности субъекта, в том смысле, в котором оно рассматривается в теории деятельности. Цель достигается посредством реализации следующих задач: формулировка определения насилия и психологического насилия; соотнесение ключевых атрибутов деятельности с теми, что можно обнаружить в описаниях феномена психологического насилия; описание насилия в рамках структурных компонентов деятельности (деятельность – мотив, действие – цель, операция – задача) [Леонтьев А.Н., 1975].

Определение насилия

Прежде чем рассмотреть психологическое насилие через призму атрибутов деятельности, дадим определение более общему понятию *насилия*. Далее перейдем к рассмотрению более конкретного определения психологического насилия.

Исходя из проведенного анализа актуальной литературы по теме «насилие» и «психологическое насилие», можно сказать, что существует относительно большое количество авторских определений, выделяющих тот или иной аспект данного феномена.

Определения можно условно разделить на группы по следующим критериям:

а) *феноменологичность* — *объяснительность*, т.е. то, насколько определение позволяет отделить насилие и другие феномены, внешне на него похожие, например, акты агрессии, недружелюбия, грубости, а также то, насколько определение раскрывает сущность, функции насилия;

б) *субъективность* — *объективность* критериев насилия, т.е. то, на какие критерии делается упор в дифференциации феноменов. Например, идентификация насилия по субъективным характеристикам субъекта/объекта насилия, таким как отношение к происходящему, цели, мотивы, эмоциональные реакции, либо характеристики объективно фиксируемых актов (например, систематичность, результат и иные поведенческие характеристики);

в) *интенциональность* — *результативность*, или оценка насилия по факту наличия соответствующей направленности, методов воздействия либо же по факту соответствующего результата.

Каждый из критериев можно рассматривать как точки роста/проблемные зоны, обозначающие как возможные направления для теоретического осмысления, так и раскрывающие сложность феномена насилия. Они отражают невозможность его рассмотрения лишь в рамках конкретного эпизода, одного лица (субъекта или объекта насилия), вне рамок более широкого социального контекста.

Тем не менее, можно отметить основные идеи проанализированных нами определений. Их можно сгруппировать и представить в виде следующей таблицы (см. табл. 1) и выделить ключевые элементы.

Таблица 1. Ключевые элементы определений насилия и их примеры

Table 1. Key elements of definitions of violence and their examples

Ключевые элементы определения		Примеры определений	Авторы
«Целевой» — определяющие насилие через такую характеристику как его целенаправленность и конкретное содержание цели (со стороны субъекта насилия)	Формальное наличие цели, намерения	« преднамеренное манипулирование взрослыми ребенком как объектом» [Орлов А.Б., 2000, с. 183] «насилием является умышленное противоправное физическое воздействие на другое лицо, посягающее на его телесную неприкосновенность, здоровье или жизнь, ограничивающее или исключающее его свободу, а равно умышленное противоправное воздействие на психику другого лица с целью подавления его воли либо к принуждению к определенным действиям или бездействию, а также действия» [Безручко Е.В., 2014, с. 25]	[Бадалова М.В., Бабенко М.А., 2017; Безручко Е.В., 2014; Волков Е.Н., 2002; Волчок В.П., 2002; Ильин Е.П., 2013; Орлов А.Б., 2000; Фатина М.Л., 2017; Langone M.D., 1992]
	Содержание цели	« главная цель насилия — заставить человека что-то испытать (например, чувство унижения, страха) или совершить действие или поступок (или не дать это сделать) против его желания» [Ильин Е.П., 2013, с. 168] «насилие — это применение различных форм принуждения с целью приобретения и сохранения господства, завоевания привилегий » [Волчок В.П., 2002, с. 50] «Это внешнее, силовое воздействие на человека или группу с целью подчинить их воле, осуществляющего воздействия » [Гусейнов А.А., 2006]	
«Критериальный» — определения, описывающие насилие посредством актуальных или будущих последствий (со стороны объекта насилия)	Субъективный (отношение объекта насилия)	« воздействие без добровольного согласия в отношении индивидуума или группы» [Тхостов А.Ш., 2010, с. 56] «...применение силы для достижения чего-либо, принудительное воздействие на кого-либо, что-либо» [Круковский В.Е., Мосечкин И.Н., 2017, с. 91]	[Аптикаева Л.Р., 2020; Баева И.А., 2013; Волкова Е.Н., 2016; Ильин Е.П., 2013; Круковский В.Е., Мосечкин И.Н., 2017; Соколова Н.Н., 2013; Тхостов А.Ш., 2010; Фатина М.Л., 2017; Шаронов Р.Д., 2006]
	Объективный (по результату)	«это все формы физического и/или эмоционального жестокого обращения, сексуальное насилие, пренебрежение или пренебрежительное отношение, коммерческая или иная эксплуатация, которая ведет к реальному или потенциальному урону здоровью ребенка, его жизни, развитию или достоинству в контексте отношений ответственности, доверия или силы» [Насилие и жестокое обращение с детьми..., 2011] «под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу , наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже того, что потенциально возможен» [Ениколопов С.Н., 2001] «физическое, психическое, социальное воздействие без добровольного согласия на человека со стороны другого человека, семьи, группы или государства, вынуждающим его прерывать значимую деятельность и исполнять другую, противоречащую ей » [Соколова Н.Н., 2013]	
«Социально-контекстуальный» — определения, рассматривающие насилие как форму социальных отношений, встраивающих его в социальный и культурный контекст		«насилие следует считать особым типом социальных отношений между людьми... насилие существует там, тогда и постольку, где, когда и постольку имеет место присвоение, подавление, подчинение воли субъекта, господство над ней» [Киреев Г.Н., 1990] «насилие является, прежде всего, определенным типом отношений между людьми, когда выгода, благо одних покупается ценой страдания других» [Психологическое насилие..., 2003, с. 4] «насилие — это специфические интерперсональные формы поведения родителей» [Орлов А.Б., 2000, с. 185]	[Баева И.А. и др., 2009; Егоров А.Ю., Фрейдман О.Г., 2003; Иценко М.В., 2005; Киреев Г.Н., 1990; Орлов А.Б., 2000]
Социальная нетипичность/нерегламентированность — определения, частью которых является дифференциация насилия посредством критерия «типичности», социокультурной регламентированности, той или иной практики принудительности.		«насилие — такое физическое, социально-организационное, психическое воздействие на человека, которое неправомерно (то есть не регламентировано текущими социальными практиками) понижает его нравственный (духовный), социальный (в том числе правовой) и жизненный статус, причиняет ему физические и душевные страдания, а также угроза такого воздействия» [Егоров А.Ю., Фрейдман О.Г., 2003] «умышленное противоправное общественно опасное воздействие на психику человека, осуществляемое помимо его воли либо вопреки ей» [Бархатова Е.Н., 2014, с. 8]	[Бархатова Е.Н., 2014; Киреев Г.Н., 1990; Коваленко С.В., 2011; Тхостов А.Ш., 2010; Langone M.D., 1992]

Таким образом, можно составить своеобразное синтетическое определение, где *насилие* — это:

а) тип социального взаимодействия между субъектом и объектом, каждый из которых может являться как конкретным человеком, так и

группой лиц [Rodríguez-Carballeira A. et al, 2015];

б) целью которого является снижение субъектности объекта насилия, его способности реализовывать свою волю пассивно или активно, отстаивать свои интересы и быть источником собственных психических явлений;

в) характеризующееся определенными субъективными и объективными индикаторами, отражающими процесс прерывания волевых функций объекта насилия;

г) приносящее объекту насилия урон, приводящее к неблагоприятию (физическому, социально-психологическому, экономическому).

Определение психологического насилия как феномена более частного будет производиться по ходу дальнейшего соотнесения его характерных атрибутов с атрибутами деятельности, представленными далее.

Категория деятельности и ее признаки в активности субъекта психологического насилия

А.Н. Леонтьевым деятельность определяется как «...единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире. Иными словами, деятельность — это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [Леонтьев А.Н., 1975, с. 37]. Несмотря на емкость данного определения, дополнительно мы будем пользоваться определением, представленным Б.Г. Мещеряковым и В.П. Зинченко: «деятельность — активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности» [Большой психологический словарь, 2004, с. 122]. Оно подчеркивает моменты активности, сознательности и мотивированности.

Итак, основными атрибутами деятельности (по А.Н. Леонтьеву) выступают: субъектность — деятельность осуществляется конкретным субъектом; целенаправленность/мотивированность — деятельность движима конкретными мотивами, подчиняясь их логике, даже если мотив не всегда осознан субъектом в полной мере; предметность — у деятельности есть предмет, также задающий логику взаимодействия; проактивность — деятельность не является реактивным поведением, она побуждается мотивами субъекта [Леонтьев А.Н., 1975].

Таким образом, деятельность — это целенаправленная активность, которая так или иначе

включает в себя анализ субъекта деятельности, развитие субъекта (и его деятельностей), что в целом позволяет рассматривать ее динамично — от процесса до изменения свойств.

Не менее важным является возможность структурного членения этой активности. Так, с одной стороны, разнородное поведение можно упорядочить, исходя из знания его мотива, с другой — мотив может быть отражен в некотором итоговом продукте.

Признаки деятельности в феномене психологического насилия

Предметность. В отличие от физического насилия, психологическое насилие представляет из себя более сложный феномен. Как уже было отмечено (см. табл. 1), ряд авторов сходится в том, что целью поведения субъекта насилия является снятие субъектности (т.е. способности к активному или пассивному волеизъявлению) с объекта насилия и в конечном счете навязывания ему своей воли [Ильин Е.П., 2013; Костров Г.К., 1970; Фатина М.Л., 2017].

Различие же физического и психологического насилия может состоять в том, какими методами с субъекта «снимается» его субъектность. Так, физическим воздействием ликвидируются преимущественно «внешние» условия реализации волевого акта. Например, прямая угроза целостности, физические помехи, при которых объект насилия мог бы осуществлять активное или пассивное волеизъявление. Психологическим воздействием деформируются преимущественно «внутренние» условия, которые позволяют человеку сохранять свою субъектность. Это может быть мотивационная целостность, воспринимаемая самоэффективность, позитивное самоотношение и т.д. [Филипповская Т.В., 2016]. Иными словами, при психологическом насилии основным методом воздействия является информационный, имеющий целью повлиять на «ориентировочные процессы» субъекта [Волков Е.Н., 2002; Дмитренко А.П. и др., 2019; Игнатов А.Н., 2016; Baron R.S., 2000].

Пример физического воздействия на субъектность. Для того, чтобы заставить человека что-либо делать или не делать, его физически травмируют, изолируют или иными физическими способами блокируют возможность осуществлять двигательную активность.

Пример психологического (информационного) воздействия на субъектность. Способность человека устраняют путем систематически предоставляемой негативной обратной связи о его деятельности, результатах его деятельности, понижают его, убеждают в беспомощности и некомпетентности, игнорируют его просьбы. В итоге человек теряет надежду на то, что его действия могут на что-либо повлиять, перестает верить в то, что имеет право что-либо требовать, отстаивать.

Таким образом, можно предположить, что в качестве предмета психологического насилия будут выступать субъективные характеристики объекта насилия, такие как самоотношение, самооффективность и т.д. [Баева И.А., 2013; Чермашенцева Т.Д. и др., 2014; Rodríguez-Carballeira A. et al, 2015; Saldaña O. et al, 2017], обеспечивающие пассивную или активную реализацию субъектности, волеизъявления, отстаивания своих интересов. Логика деятельности будет в этом случае задаваться необходимостью деформации данных психических структур, и, соответственно, их деформированность у объекта деятельности будет отражением наличия данного предмета.

Целенаправленность. Возникновение устойчивых изменений психических свойств у объекта насилия требует от субъекта насилия выполнение такого условия, как регулярность. Регулярность же воздействия независимо от типа воздействия может переводить один вид насилия в другой (физическое в психологическое). К примеру, для воздействия на поведение объекта насилия может быть достаточно разового физического воздействия, в то время как для блокировки «внутренних» условий может потребоваться длительное, систематическое воздействие физического или информационного типа.

Пример: систематически повторяемое избиение и невозможность противостоять этому могут привести к феномену *выученной беспомощности*, который, в свою очередь, приведет к отказу от дальнейшего сопротивления, даже когда физическая сила уже не применяется.

Именно систематичность, регулярность действий субъекта насилия, по мнению таких исследователей, как Л.Р. Аптикиева, Е.Н. Волков,

Л.М. Фатина и др. [Аптикиева Л.Р., 2020; Баева И.А. и др., 2009; Волков Е.Н., 2002; Фатина М.Л., 2017; Baron R.S., 2000; Langone M.D., 1992], является одним из значимых характеристик психологического насилия. Систематичность также лежит в основе классификации феноменов насилия Й. Галтунга, которым было предложено разделение насилия на такие виды, как: а) прямое насилие, представляющее единственный акт принуждения; б) структурное насилие, представляющее систематическое принуждение с целью насаждения отношений господства (т.е. установления таких отношений на постоянной, принимаемой объектом насилия основе) [Ениколопов С.Н., 2001].

По сути, данные виды насилия можно соотносить с физическим и психологическим насилием. Однако важно отметить, что ключевым, на наш взгляд, различием между психологическим и физическим насилием выступает именно тип воздействия, а именно психологический или информационный. Физическое воздействие — та или иная физическая блокировка волевого акта субъектом насилия, которая может привести к изменению и психических свойств в виду пересмотра уверенности в своих «силах», но это вряд ли можно назвать психологическим насилием. Скорее это будет физическим насилием с психологическими последствиями. Это можно отразить в следующей таблице (см. табл. 2).

Для воздействия на «внутренние» условия (психические свойства) объекта насилия необходимо не разовое, а систематическое воздействие. Систематичность противостоит случайности и косвенно выводит на такую характеристику психологического насилия, как *целенаправленность*.

Проактивность. Этот атрибут отражает внутреннюю детерминированность деятельности потребностями субъекта в противовес реактивности, зависимости актуализации того или иного поведения внешними, средовыми стимулами. Интуитивно трудно назвать психологическим насилием агрессивные реакции, спровоцированные только лишь внешними событиями, при отсутствии которых субъект перестанет реагировать агрессивно.

Таблица 2. Условная классификация насилия в зависимости от типа воздействия и его систематичности

Table 2. Conditional classification of violence depending on the type of impact and its systematic nature

Тип воздействия/степень систематичности	Не систематическое воздействие	Систематическое воздействие
Физическое воздействие	Физическое насилие, блокирование внешних условий реализации субъектности	Физическое (или смешанное) насилие, блокирование внешних и внутренних условий реализации субъектности
Психологическое воздействие	Акт психологической агрессии: оскорбление, обесценивание, игнорирование	Психологическое насилие, деформация внутренних условий субъектности

Пример инструментальной агрессии: уставший родитель оскорбляет или иными способами выражает агрессию ребенку, который его беспокоит, с целью изолироваться от раздражителя в лице этого ребенка. Ребенок уходит в свою комнату, и выражение агрессии прекращается.

В случае если насилие имеет место, то акты агрессии и другие действия, блокирующие/снижающие субъектность другого человека, могут продолжаться осуществляться субъектом насилия независимо от действий объекта или иных внешних условий, адекватных им [Щипанова Д.Е. и др., 2014].

Пример насилия: супруг регулярно унижает свою супругу, находя самые разные поводы для этого. Не находя таковых, он может искусственно их создавать, провоцировать. Что бы супруга ни делала, она не может предотвратить агрессию в свой адрес. Даже после развода бывший супруг продолжает преследовать супругу, чтобы лишний раз напомнить какой «плохой» она была.

Еще одним важным свойством деятельности является включенность в систему социальных отношений, ее существование в конкретной системе этих отношений. Психологическое насилие как деятельность может рассматриваться в качестве практики встроенной, порождаемой, опосредуемой конкретными социальными отношениями (господства, иерархии и т.д.), местом в обществе, которое занимает субъект деятельности, отношением к насилию [Ениколов С.Н., Цибульский Н.П., 2008; Rodríguez-Carballeira A. et al., 2015]. Иными словами, насилие является реализацией определенного отношения, типа обмена между людьми, теряющего смысл вне социального, вне анализа бо-

лее сложных систем. При этом насилие трудно причислить к классическим видам деятельности. Тем не менее, этот момент важен, т.к. позволяет расширить набор объяснительных инструментов, принципов.

Таким образом, отмеченные атрибуты насилия (систематичность, проактивность, наличие определенного мотива и предмета) позволяют говорить о возможности использования категории деятельности для описания насилия. В особенности это может касаться психологического насилия как систематического использования психологических инструментов воздействия, направленных на изменения «внутренних» или субъективных условий реализации субъектности.

Структура насилия как деятельности

Если использовать категорию деятельности как фрейм для анализа насилия, то, соответственно, можно представить насилие в рамках *структуры* деятельности [Леонтьев А.Н., 1975; Большой психологический словарь, 2004, с. 122].

Так, для реализации субъектом мотива насилия (*десубъективации* объекта насилия либо ряда мотивов, в котором десубъективация является одним из ведущих), субъект насилия может ставить ряд целей (уровень *действий*: удержание объекта насилия, социальная изоляция, снижение уровня самооффективности), которые могут быть реализованы самыми разными способами (уровень *операций*: обман, оскорбление, игнорирование, агрессия) [Rodríguez-Carballeira A. et al., 2015].

Пример анализа структуры «насильственной деятельности»: для того, чтобы «подчинить», десубъективировать партнера, Н. предпринимал действия по его удержанию в отношениях (обе-

щел счастливую жизнь; давал надежду на то, что неприятности в отношениях с ним скоро прекратятся; указывал на то, как партнер может исправиться), снижению самооценки и самоэффективности (унижал; игнорировал потребности и чувства; постоянно указывал на недостатки; сравнивал с более привлекательными людьми; саботировал рабочую деятельность партнера), изолировал от близкого социального окружения (распускал слухи, умалчивал информацию, лгал друзьям партнера, запрещал видеться с ними). Реализовав эти цели, субъект насилия добился того, что партнер стал безмолвным исполнителем желаний субъекта насилия.

Различение структурных уровней деятельности может быть потенциально важно как для дифференциации собственно «насильственной деятельности», инструментальной агрессии, реактивной агрессии, так и для возможного представления возникновения и развития мотивов насилия у субъекта насилия.

Дифференциация феноменов, связанных с насилием. А.Ш. Тхостовым была обозначена проблема дифференциации насилия и того, что происходит с психикой человека в процессе социализации, — процессом, деформирующим субъектность и осуществляемым против воли социализируемого [Тхостов А.Ш., 2010]. В качестве одного из возможных дифференцирующих свойств выступает *мотив социализации*, где подавление субъектности другого человека выступает как *действие*, подчиненное соответствующему *мотиву*.

Действия, мотивом которых выступает социализация, т.е. формирование социально значимых навыков, позволяющих в конечном счете продуктивно существовать в обществе других людей, А.Ш. Тхостов называет «усилием». Насилие же не преследует цели адаптации объекта, на которого производится воздействие, либо же происходит специфическая адаптация объекта насилия к индивидуальным потребностям субъекта насилия.

Пример усилия: для того, чтобы обучить/социализировать учеников, которые не заинтересованы в этом, педагог может реализовать действия по частичному «снятию» их субъектности, обозначая недостаточность их компетентности в том или ином вопросе, наказывая или предоставляя иную негативную обратную связь, создавая ограничения. При этом педагог

обозначает четкие требования к ученику, результатом выполнения которых является сформированный социально значимый навык/знание.

Пример насилия: такая же учебная ситуация, где учитель предоставляет противоречивые требования, к условиям к которым трудно либо невозможно адаптироваться. Обратная связь носит личный характер (связана с унижением личности учеников) и подавляет любую их самостоятельную активность. Требования к ученикам предъявляются исходя из личных потребностей учителя, не соответствующих конвенциональным целям образования и воспитания.

Таким образом, при социализации конечным продуктом выступает адаптация, осуществляемая в том числе и насильственными действиями, что можно графически изобразить так, как показано на рис. 1. Впрочем, как уже было обозначено, психологическое насилие может быть также подчинено цели своеобразной «адаптации», но не к широкому социальному контексту, а к жизни с конкретным человеком (субъектом насилия) и его потребностям. В результате это может приводить к дезадаптации в рамках более широкого социального контекста [Даренских С.С., Трунова А.А., 2020; Насилие и жестокое обращение с детьми..., 2011; Соколова Н.Н., 2013; Тхостов А.Ш., 2010; Saldaña O. et al., 2017].

Потенциальный механизм развития мотивации «десубъективации». Рассмотрение насилия как деятельности потенциально позволяет экстраполировать некоторые закономерности развития деятельности, например, «сдвиг мотива на цель» (см. рисунок). Используя данную закономерность, можно объяснить развитие «насильственных» мотивов из насильственных действий, ранее подчиненных иным мотивам.

Пример «сдвига мотива на цель»: педагог, практикующий жесткие методы установления дисциплины в классе для достижения учебных и воспитательных целей, со временем может начать получать удовлетворение от факта своей власти, возможности получать от учеников требуемые ему реакции, чувства, возможности чувствовать себя «всемогущим», особенно если ранее такой преподаватель испытывал в той или иной мере фрустрацию данных потребностей.

Ко этому можно добавить разработанный С.Л. Рубинштейном постулат о том, что деятельность является тем процессом, через который субъект не только оказывает влияние и осуществляет взаимодействие с миром, но и наоборот, в деятельности субъект меняет свое содержание, происходит его изменение [Ру-

бинштейн С.Л., 1997]. При таком рассмотрении возможного механизма развития и взаимовлияния деятельности и субъекта деятельности мы получаем возможность структурированного подхода к анализу не только насилия как продукта деятельности субъекта, но и субъекта как продукта своей деятельности.

Сравнение структуры «насильственной деятельности» и деятельности, включающей «десубъективирующие действия»

Comparison of the structure of «violent activity» and activity including «desubjectivizing actions»

Заключение

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. Рабочим определением насилия и психологического насилия как более частного феномена может быть такой вариант. Насилие — это тип социального взаимодействия между субъектом (актором насилия) и объектом (реципиентом насильственного воздействия), каждый из которых может являться как конкретным человеком, так и группой лиц, целью которого является снижение субъектности объекта насилия, т.е. его способности реализовывать свою волю, отстаивать свои интересы и быть источником собственных психических явлений. Насилие характеризуется субъективными (отсутствие добровольного согласия, принудительность) и объективными (прерывание значимой деятельности) для объекта насилия индикаторами, в итоге приносящими объекту

насилия урон (физический, социально-психологический, экономический). Инструментально психологическое насилие определяется преимущественным использованием психологических методов воздействия, их систематическим применением, ориентированностью на более долгосрочный эффект и более сложной системой применения.

2. На основании характеристик психологического насилия, выделенных различными авторами, данный феномен может быть рассмотрен как деятельность — сложная, целенаправленная, предметная, субъектная активность. Специфическим предметом насилия как деятельности можно обозначить воздействие на «внутреннее», субъективное содержание психики объекта, обеспечивающее возможность реализации волевых актов и субъектных функций, т.е. реализуется десубъективация объекта насилия.

3. Психологическое насилие можно представить в рамках структуры деятельности, актив-

ности, предполагающей невозможность сведения поведения к простой сумме поведенческих актов. Они представляют собой систему с соответствующим системообразующим фактором — мотивом. Мотив и соответствующий ему продукт деятельности могут быть рассмотрены как специфический критерий, разделяющий собственно насилие и активность, в которую акты агрессии и «насильственные действия» включены инструментально.

4. Использование категории деятельности для описания феномена насилия потенциально открывает возможность экстраполяции ряда закономерностей, присущих деятельности, а также для описания его структуры.

Список литературы

- Агеев Н.В., Усова В.В.* К вопросу о физическом и психическом насилии как способе совершения преступления // ЭПОМЕН. 2019. № 28. С. 10–15.
- Антикиева Л.Р.* Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 1(224). С. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.25198/1814-6457-224-6>
- Бадалова М.В., Бабенко М.А.* Экспериментальное исследование школьного буллинга // Гуманитарно-педагогическое образование. 2017. Т. 3, № 4. С. 5–14.
- Баева И.А.* Ресурсы психологической защищенности и факторы сопротивляемости насилию в онтогенезе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 155. С. 5–16.
- Баева И.А., Волкова Е.Н., Лактионова Е.Б.* Психологическая безопасность образовательной среды: учеб. пособие / под ред. И.А. Баевой. М.: Экон-Информ, 2009. 247 с.
- Бархатова Е.Н.* Преступления против собственности, совершаемые с применением психического насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 24 с.
- Безручко Е.В.* Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России // Уголовное право. 2014. № 5. С. 24–26.
- Бири П.* Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства / пер. с нем. Д.В. Сильверстова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 504 с.
- Боженкова К.А., Бохан Т.Г., Терехина О.В.* Особенности субъективного качества жизни у лиц пожилого возраста с опытом переживания геронтологического насилия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 90–101. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-90-101>
- Большой психологический словарь* / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
- Волков Е.Н.* Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журнал практического психолога. 2002. № 6. С. 183–199.
- Волкова Е.Н.* К вопросу о разработке методологии оценки распространенности насилия над детьми // Петербургская социология сегодня. 2016. Вып. 7. С. 58–74.
- Волкова Е.Н., Исаева О.М.* Диагностика распространенности насилия и жестокого обращения среди детей. Н. Новгород: ЗАО «Нижегородская радиолоборатория». 2013. 97 с.
- Волчок В.П.* Определение и детерминанты психологического насилия // Веснік Віцебска гадзяржаўнага ўніверсітэта. 2002. № 3(25). С. 50–55.
- Грязнов А.Н., Фатина М.Л.* Склонность к психологическому насилию в образовательной среде: теоретический и эмпирический анализ определяющих факторов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24, № 2. С. 61–64.
- Гусейнов А.А.* Мораль и насилие: Понятие насилия // Этика: учебник для философских факультетов / под общ. ред. А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко. М.: Гардарики, 2006. С. 393–417.
- Даренских С.С., Трунова А.А.* Психологические последствия пережитого насилия // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2020. Т. 2, № 18. С. 227–233. DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2020\)2.23](https://doi.org/10.14258/zosh(2020)2.23)
- Дмитренко А.П., Подгайный А.М., Сунатаева Ж.Э.* Психологическое насилие в уголовном праве: проблемы определения понятия, форм и пределов наказуемости // Право и практика. 2019. № 4. С. 98–101.
- Ениколопов С.Н.* Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.
- Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Изучение взаимосвязи легитимизации насилия и склонности к агрессивным формам поведения // Психологическая наука и образование. 2008. Т. 13, № 1. С. 90–98.

Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4(37). С. 59–65.

Ильин Е.П. Насилие как психологический феномен // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 1. С. 167–174.

Ищенко М.В. Социальные практики предотвращения домашнего насилия над женщинами: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 152 с.

Киреев Г.Н. Сущность насилия. М.: Прометей, 1990. 110 с.

Коваленко С.В. Анализ подходов к понятию насилия в современной психологической литературе // Казанская наука. 2011. № 1. С. 423–424.

Кондакова И.В. Личностные ресурсы психологической защищенности взрослых, переживших насилие в детстве: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 195 с.

Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. 150 с.

Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.89.104>

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения: учеб. пособие / под ред. Е.Н. Волковой. СПб.: Кн. дом. 2011. 384 с.

Нуцкова Е.В. Диагностическая и экспертная оценка психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении девочек // Психология и право. 2018. Т. 8, № 4. С. 75–98. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080408>

Орлов А.Б. Психологическое насилие в семье — определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи // Психолог в детском саду. 2000. № 2–3. С. 182–187.

Психологическое насилие и развитие личности: метод. пособие / под общ. ред. А.Ю. Егорова, О.Г. Фрейдмана. СПб.: СПб РО РБФ НАН, 2003. 40 с.

Райкова К.А., Ефимов А.А., Курзин Л.М., Савенкова Е.Н., Алексеев Ю.Д., Ивахина С.А. Роль проективных методов психодиагностики в выявлении случаев домашнего насилия над детьми // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2016. Т. 21, вып. 6. С. 2314–2320. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2016-21-6-2314-2320>

Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997. 463 с.

Соколова Н.Н. Насилие. Общее психологическое представление / Сайт психологов В17.ru. 2013. 7 авг. URL: <http://www.b17.ru/article/13010> (дата обращения: 09.04.2022).

Таусинова О.К. Теоретический анализ понятия насилия в психологической литературе // Sciences of Europe. 2017. № 19(19), т. 3. С. 70–71.

Тхостов А.Ш. Психологическая многозначность понятия насилия // Национальный психологический журнал. 2010. № 2(4). С. 56–59.

Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве: Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 418 с.

Щипанова Д.Е., Беспалова К.А., Килякова М.А. Психологическое насилие в образовательной среде как фактор социального риска // Приоритетные направления развития науки и образования. 2014. № 3(3). С. 135–136.

Фатина М.Л. К вопросу теоретического осмысления феномена психологического насилия // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 29, ч. 2. С. 39–43. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-31-08-2017-31>

Филипповская Т.В. Эмоциональное насилие и реальные субъекты власти в актуальном образовательном пространстве // Современное общество и власть. 2016. № 2(8). С. 49–54.

Хаидов С.К. Эмоциональное и психологическое насилие в семье над мужчинами // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (дата обращения: 17.04.2022).

Худик В.А., Шигаилов Д.Ю. Детерминирующие факторы виктимного поведения у детей и их клинико-психологические последствия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 5, № 1. С. 31–40.

Чеверикина Е.А., Фатина М.Л. Психологическое манипулирование, психологическое насилие, психотерроризм в образовательной среде: к вопросу об определении понятий // Матрица научного познания. 2017. № 1–2. С. 89–99.

Чермашенцева Т.Д., Кошелева Д.В., Инкин А.А. Признаки психологического насилия в семье // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 109–115.

Baron R.S. Arousal, capacity, and intense indoctrination // Personality and Social Psychology Review. 2000. Vol. 4, iss. 3. P. 238–254. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0403_3

Kimber M., McTavish J., Couturier J., Boven A., et al. Consequences of child emotional abuse, emotional neglect and exposure to intimate partner violence for eating disorders: A systematic critical review // *BMC Psychology*. 2017. Vol. 5. URL: <https://bmcpublishing.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-017-0202-3> (accessed: 25.03.2022). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40359-017-0202-3>

Langone M.D. Psychological abuse // *Cultic Studies Journal*. 1992. Vol. 9, no. 2. P. 206–218.

Rodríguez-Carballeira A., Saldaña O., Al-mendros C., Martín-Peña J., Escartín-Solanelles J., Porrúa-García C. Group psychological abuse: Taxonomy and severity of its components // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2015. Vol. 7, no. 1. P. 31–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2014.11.001>

Saldaña O., Rodríguez-Carballeira A., Al-mendros C., Escartín-Solanelles J. Development and validation of the Psychological Abuse Experienced in Groups Scale // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2017. Vol. 9, no. 2. P. 57–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2017.01.002>

References

Ageev, N.V. and Usova, V.V. (2019). [On the issue of physical violence as a method of committing a crime]. *EPOMEN*. No. 28, pp. 10–15.

Aptikieva, L.R. (2020). [Psychological violence consequences for different age categories]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik Orenburg State University]. No. 1(224), pp. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.25198/1814-6457-224-6>

Badalova, M.V. and Babenko, M.A. (2017). [Experimental study of school bullying]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie* [Humanitarian and Pedagogical Education]. Vol. 3, no. 4, pp. 5–14.

Baeva, I.A. (2013). [Resources of psychological security and factors of resistance to violence in ontogeny]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 155, pp. 5–16.

Baeva, I.A., Volkova, E.N. and Laktionova, E.B. (2009). *Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noy sredy: ucheb. posobie* [Psychological safety of the educational environment: textbook]. Moscow: Ekon-Inform Publ., 247 p.

Barkhatova, E.N. (2015). *Prestupleniya protiv sobstvennosti, sovershayemye s primeneniym psikhicheskogo nasiliya: avtoref. dis. ... kand. yurid.*

nauk [Crimes against property committed with the use of mental violence: Abstract of Ph.D. dissertation]. Omsk, 24 p.

Baron, R.S. (2000). Arousal, capacity, and intense indoctrination. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 4, iss. 3, pp. 238–254. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0403_3

Bezruchko, E.V. (2014). [The implementation of the term «violence» in the Russian criminal legislation]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. No. 5, pp. 24–26.

Bieri, P. (2018). *Zhiznenny vybor. O mnogoobrazii chelovecheskogo dostoinstva* [Dignity as a way of life. A treatise on the diversity of human dignity]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 504 p.

Bozhenkova, K.A., Bokhan, T.G., Teryokhina, O.V. (2018). [Subjective quality of life of senior citizens who experienced gerontological abuse]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. No. 1, pp. 90–101. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-90-101>

Chermashentseva, T.D., Kosheleva, D.V. and Inkin, A.A. (2014). [Signs of psychological violence in the family]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obschestve* [Legality and Legal Order]. No. 17, pp. 109–115.

Cheverikina, E.A. and Fatina, M.L. (2017). [Psychological manipulation, psychological violence, psychoterrorism in the educational environment: on the issue of defining concepts]. *Matritsa nauchnogo poznaniya* [Matrix of Scientific Knowledge]. No. 1–2, pp. 89–99.

Darenskikh, S.S. and Trunova, A.A. (2020). [Psychological consequences of violence]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta* [Health, Physical Culture and Sports]. Vol. 2, no. 18, pp. 227–233. DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2020\)2.23](https://doi.org/10.14258/zosh(2020)2.23)

Dmitrenko, A.P., Podgaynyy, A.M. and Supataeva, Zh.E. (2019). [Psychological violence in criminal law: problems of definition of concept, forms and limits of punishability]. *Pravo i praktika* [Law and Practice]. No. 4, pp. 98–101.

Egorov, A.Yu. and Freydmann, O.G. (eds.) (2003). *Psikhologicheskoe nasilie i razvitie lichnosti* [Psychological abuse and personality development]. St. Petersburg: NAN Publ., 40 p.

Enikolopov, S.N. (2001). [The concept of aggression in modern psychology]. *Prikladnaya psikhologiya* [Applied Psychology]. No. 1, pp. 60–72.

Enikolopov, S.N. and Tsibul'skiy, N.P. (2008). [Study of the relationship between the legitimization

of violence and the tendency to aggressive forms of behavior]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 13, no. 1, pp. 90–98.

Fatina, M.L. (2017). [On the issue of theoretical understanding of the phenomenon of psychological violence]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education]. No. 29, pt. 2, pp. 39–43. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-31-08-2017-31>

Filippovskaya, T.V. (2016). [Emotional violence and real subjects of power in the current educational space]. *Sovremennoe obshchestvo i vlast'* [Modern Society and Power]. No. 2(8), pp. 49–54.

Gryaznov, A.N. and Fatina, M.L. (2018). [Tendency to psychological violence in the educational environment: theoretical and empirical analysis of determining factors]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University]. Vol. 24, no. 2, pp. 61–64.

Guseynov, A.A. (2006). *Moral' i nasilie: Popyatye nasiliya. Etika* [Morality and violence: The concept of violence]. Moscow: Gardariki Publ., pp. 393–417.

Ignatov, A.N. (2016). [On violence, its types and their criminal-legal presentation]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of Far Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia]. No. 4(37), pp. 59–65.

Il'in, E.P. (2013). [Violence as a psychological phenomenon]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Universum: Bulletin of Herzen University]. No. 1, pp. 167–174.

Ischenko, M.V. (2005). *Sotsial'nye praktiki predotvrashcheniya domashnego nasiliya nad zhenshinami: dis. ... kand. sotsiolog. nauk* [Social practices for the prevention of domestic violence against women: dissertation]. Saratov, 152 p.

Khaidov, S.K. (2020). [Emotional and psychological violence in the family against men]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. Vol. 8, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (accessed 17.04.2022).

Khudik, V.A. and Shigashov, D.Yu. (2013). [Determining factors of victim behavior in children and their clinical and psychological consequences]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 5, no. 1, pp. 31–40.

Kimber, M., McTavish, J., Couturier, J., Boven, A. et al. (2017). Consequences of child emotion-

al abuse, emotional neglect and exposure to intimate partner violence for eating disorders: A systematic critical review. *BMC Psychology*. Vol. 5. Available at: <https://bmcpublishing.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-017-0202-3> (accessed 25.03.2022). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40359-017-0202-3>

Kireev, G.N. (1990). *Suschnost' nasiliya* [The essence of violence]. Moscow: Prometey Publ., 110 p.

Kondakova, I.V. (2012). *Lichnostnyye resursy psikhologicheskoy zashchishchennosti vzroslykh, perezhivshikh nasiliye v detstve: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personal resources of psychological security of adults who have experienced violence in childhood: dissertation]. St. Petersburg, 195 p.

Kostrov, G.K. (1970). *Ugolovno-pravovoe znachenie ugrozy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal legal significance of the threat: dissertation]. Moscow, 150 p.

Kovalenko, S.V. (2011). [Analysis of approaches to the concept of violence in modern psychological literature]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science]. No. 1, pp. 423–424.

Krukovskiy, V.E. and Mosechkin, I.N. (2017). [Nonphysical violence in criminal law: Definition and signs]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the HSE]. No. 3, pp. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.89.104>

Langone, M.D. (1992). Psychological abuse. *Cultic Studies Journal*. Vol. 9, no. 2, pp. 206–218.

Leont'ev, A.N. (1975). *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, consciousness, personality]. Moscow: Politizdat Publ., 304 p.

Mescheryakov, B. and Zinchenko, V. (eds.) (2004). *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Psychology Dictionary]. St. Petersburg: Praym-EVROZNAK Publ., 672 p.

Nutskova, E.V. (2018). [Diagnostic and forensic assessment of the psychological consequences of sexual violence and abuse against girls]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. Vol. 8, no. 4, pp. 75–98. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080408>

Orlov, A.B. (2000). [Psychological violence in the family - definition, aspects, main directions of psychological assistance]. *Psikholog v detskom sadu* [Psychologist in kindergarten]. No. 2–3, pp. 182–187.

Raykova, K.A., Efimov, A.A., Kurzin, L.M., Savenkova, E.N., Alekseev, Yu.D. and Ivakhina, S.A. (2016). [The role of projective psycho diagnostics methods in identifying domestic violence cases over children]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Estestvennye i tekhnicheskije nauki* [Bulletin of the

Tambov University]. Vol. 21, iss. 6, pp. 2314–2320. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2016-21-6-2314-2320>

Rodríguez-Carballeira, A., Saldaña, O., Al-mendros, C., Martín-Peña, J., Escartín-Solanelles, J. and Porrúa-García, C. (2015). Group psychological abuse: Taxonomy and severity of its components. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. Vol. 7, no. 1, pp. 31–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2014.11.001>

Rubinstein, S.L. (1997). *Izbrannye filosofsko-psihologicheskie trudy* [Selected philosophical and psychological works]. Moscow: Nauka Publ., 463 p.

Saldaña, O., Rodríguez-Carballeira, A., Al-mendros, C. and Escartín Solanelles, J. (2017). Development and validation of the Psychological abuse experienced in groups scale. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. Vol. 9, pp. 57–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2017.01.002>

Schipanova, D.E., Bepalova, K.A. and Kilyakova, M.A. (2014). [Psychological violence in the educational environment as a factor of social risk]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya* [Priority Directions of Development of Science and Education]. No. 3(3), pp. 135–136.

Sharapov, R.D. (2006). *Nasilie v ugovnom prave: dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Violence in criminal law: dissertation]. Yekaterinburg, 418 p.

Sokolova, N.N. (2017). *Nasilie. Obshee psikhologicheskoe predstavlenie* [Violence. General psychological presentation]. B17.ru psychologists' website, Aug. 7. Available at: <http://www.b17.ru/article/13010/> (accessed 09.04.2022).

Tausinova, O.K. (2017). [Theoretical analysis of the concept of violence in psychological literature]. *Sciences of Europe*. No. 19(19), vol. 3, pp. 70–71.

Tkhostov, A.Sh. (2010). [Psychological ambiguity of the concept of violence]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 2(4). pp. 56–59.

Volchok, V.P. (2002). [Definition and determinants of psychological violence]. *Vesnik Vitebskaya dzyarzhaynaga yuniversiteta* [Bulletin of the Vitebsk State University]. No. 3(25), pp. 50–55.

Volkov, E.N. (2002). [Criteria, signs, definitions and classifications of harmful psychological impact: psychological trauma, psychological aggression and psychological violence]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of Practical Psychology]. No. 6, pp. 183–199.

Volkova, E.N. (ed.) (2011). *Nasilie i zhestokoe obraschenie s det'mi: istochniki, prichiny, posledstviya, resheniya* [Violence and child abuse. Sources. The reasons. Effects. Decisions]. St. Petersburg: Knizhnyy Dom Publ., 384 p.

Volkova, E.N. (2016). [On the issue of developing a methodology for assessing the prevalence of violence against children]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today]. Iss. 7, pp. 58–74.

Volkova, E.N. and Isaeva, O.M. (2013). Diagnostika rasprostranennosti nasiliya i zhestokogo obrascheniya sredi detey [Diagnosis of the prevalence of violence and abuse among children]. N. Novgorod: Nizhegorodskaya radiolaboratoriya Publ., 97 p.

Об авторе

Чулошников Алексей Игоревич

медицинский психолог,
Краевой психотерапевтический центр,
614010, Пермь, ул. Героев Хасана, 20

соискатель кафедры
общей и клинической психологии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: sintekatzy@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1891-4305>
ResearcherID: HNK-7434-2023

About the author

Alexey I. Chuloshnikov

medical psychologist,
Regional Psychotherapeutic Center,
20, Geroev Khasana st., Perm, 614010, Russia,

Candidate for a Degree of the Department
of General and Clinical Psychology,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;

e-mail: sintekatzy@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1891-4305>
ResearcherID: HNK-7434-2023

УДК 159.9:37.013.42

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-98-109>

Поступила: 08.06.2022

Принята: 28.02.2023

Опубликована: 10.04.2023

ДИНАМИКА АДДИКТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ВЗРОСЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

*Ваганова Ксения Андреевна, Ужегова Анастасия Алексеевна, Газарова Анна Николаевна,
Евдокимова Елизавета Андреевна, Балева Милена Валерьевна*

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Пандемия COVID-19 и связанные с ней события повлияли на различные сферы общественной жизни. Естественные процессы взросления и социализации подростков также подверглись трансформации. Последствия этой трансформации будут наблюдаться еще в течение долгого времени. В статье приведено эмпирическое исследование, проведенное в 2 этапа — до официального начала пандемии (в феврале 2019 г.) и через два года после ее начала (в феврале 2022 г.). В исследовании приняли участие 89 респондентов мужского пола, студенты среднего профессионального образовательного учреждения. На момент первого среза средний возраст участников составил $17,21 \pm 0,51$ лет, а на момент второго среза — $19,20 \pm 0,48$ лет. Диагностика осуществлялась с помощью следующих методик: «Опросник состояния агрессии Басса-Дарки», «Опросник суицидального риска (ОСР)» в модификации Т.Н. Разуваевой, «Единая методика социально-психологического тестирования» Д.В. Журавлева и А.В. Киселевой. Статистический анализ включал внутригрупповое сравнение показателей по t-критерию Стьюдента и T-критерию Вилкоксона до и после начала пандемии. Анализ данных показал неоднозначные результаты. Не было обнаружено общей тенденции к снижению или росту аддиктивных проявлений. Возможные причины полученных закономерностей были рассмотрены с точки зрения взаимовлияния процессов пандемии и естественных процессов взросления, а также в контексте особенностей социального взаимодействия в данный возрастной период.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, самоизоляция, аддиктивные проявления, агрессия, подростковый возраст, взросление, социальное взаимодействие.

Для цитирования:

Ваганова К.А., Ужегова А.А., Газарова А.Н., Евдокимова Е.А., Балева М.В. Динамика аддиктивных проявлений в процессе взросления у подростков в период пандемии COVID-19// Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 98–109. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-98-109>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-98-109>

Received: 08.06.2022

Accepted: 28.02.2023

Опубликована: 10.04.2023

DYNAMICS OF ADDICTIVE MANIFESTATIONS IN THE PROCESS OF GROWING UP IN ADOLESCENTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

*Kseniya A. Vaganova, Anastasiya A. Uzhegova, Anna N. Gazarova,
Elizaveta A. Evdokimova, Milena V. Baleva*

Perm State University (Perm)

The COVID-19 pandemic and related events have affected various areas of social life. The natural processes of growing up and socialization of adolescents have also undergone a transformation. The conse-

quences of this transformation will be observed for a long time to come. The article presents an empirical study conducted in 2 stages — before the official start of the pandemic in February 2019 and two years after its start in February 2022. The study involved 89 male respondents, students of a secondary vocational education institution. At the time of the first measurement, the average age of the participants was 17.21 ± 0.51 , and at the time of the second measurement — 19.20 ± 0.48 . Diagnostics was carried out using the following methods: *Buss-Durkee Hostility Inventory*, *Suicide Risk Questionnaire* modified by T.N. Razuvaeva, *Unified Methodology for Socio-Psychological Testing* developed by D.V. Zhuravlev and A.V. Kiseleva. Statistical analysis included intragroup comparison (Student's *t*-test, Wilcoxon's *T*-test) before and after the onset of the pandemic. Data analysis showed conflicting results. There was found no general trend toward a decrease or increase in addictive manifestations. Possible reasons for the patterns obtained were considered in terms of the mutual influence of the pandemic processes and the natural processes of growing up, as well as in the context of social interaction features in this age period.

Keywords: COVID-19 pandemic, self-isolation, addictive manifestations, aggression, adolescence, growing up, social interaction.

To cite:

Vaganova K.A., Uzhegova A.A., Gazarova A.N., Evdokimova E.A., Baleva M.V. [Dynamics of addictive manifestations in the process of growing up in adolescents during the COVID-19 pandemic], 2023, issue 1, pp. 98–109 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-98-109>

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на психологическое благополучие населения всего мира. Беспрецедентная эпидемиологическая ситуация, стремительное распространение вируса, изнурительная по своей продолжительности социальная изоляция, а также экономические проблемы и снижение качества жизни привели к всплеску симптомов тревоги, стресса и депрессии, а также к увеличению числа психических расстройств и суицидальных проявлений [Екимова В.И. и др., 2021]. При этом исследование восприятия COVID-19 различными возрастными группами в России показали, что стресс, тревожность и ощущение угрозы во время пандемии были свойственны в первую очередь более молодым респондентам (от 18 до 25 лет) [Первичко Е.И. и др., 2020].

Зарубежные лонгитюдные исследования отражают следующее: у представителей подросткового и юношеского возраста во время пандемии и самоизоляции отмечались более высокие показатели депрессии и тревоги, чем до пандемии [Luijten M.A.J. et al., 2021, Magson N.R. et al., 2021]. А.У. Naser и соавторы объясняют превалирование тревожной и депрессивной симптоматики у студентов внедрением в колледжах и университетах дистанционного обучения при отсутствии у студентов необходимых навыков и ресурсов [Naser A.U. et al., 2020]. Другой причиной могли послужить случаи домашнего

насилия и эксплуатации, употребление наркотических средств, вовлечение в деструктивные группы и онлайн-сообщества, что стало возможным вследствие закрытия учебных заведений и ограничения «живого» общения [Cowie H., Myers C.A., 2021]. Согласно результатам лонгитюдного исследования М.А.Ж. Luijten и др., депрессивные симптомы подростков во время самоизоляции оказались связаны также с более высоким уровнем образования их родителей и существующими у них проблемами на работе, обусловленными пандемией. Гнев, показатели которого значительно возросли во время пандемии, также коррелировал с возрастом и более высоким уровнем образования родителей подростков [Luijten M.A.J. et al., 2021].

Опыт длительной самоизоляции оказался для подростков травматичным также потому, что ведущим типом деятельности в этот период является именно общение, социальные связи и контакты, а поддержка и признание сверстников являются неотъемлемой частью личностной самоидентификации [Гамезо М.В. и др. 2003]. При этом непосредственный контакт в процессе общения наряду с виртуальным и телефонным общением преимущественно отмечается представителями подросткового и юношеского возраста как наиболее желательный и комфортный способ взаимодействия [Холмогорова А.Б., Клименкова Е.Н., 2016]. Так, результа-

ты исследования N.R. Magson и соавторов показали, что опасения подростков во время пандемии COVID-19 были связаны прежде всего с нарушением их социальных взаимодействий и деятельности, в то время как опасения по поводу заражения или заболевания вирусом были относительно низки [Magson N.R. et al., 2021].

Несмотря на то, что в многочисленных исследованиях было выявлено негативное влияние пандемии на психическое здоровье подростков. Так, N.R. Magson и коллеги отмечают, что размер этих эффектов оказался незначительным [Magson N.R. et al., 2021]. Вероятно, это явление может быть объяснено некоторыми возрастными особенностями подросткового периода.

Подростковый возраст является одним из наиболее кризисных возрастных периодов и характеризуется противоречивостью тенденций социального развития. Д.И. Фельдштейн отмечает, что, с одной стороны, для данного периода «показательны негативные проявления, дисгармоничность в строении личности, свертывание прежде установившейся системы интересов ребенка, протестующий характер его поведения по отношению к взрослым» [Фельдштейн Д.И., 1988, с. 33], с другой стороны, наблюдаются и положительные проявления: возрастает самостоятельность, отношения со сверстниками и взрослыми становятся более многообразными и содержательными, формируется сознательное отношение к себе как к члену общества [Фельдштейн Д.И., 1988].

В соответствии с психосоциальной теорией развития Э. Эриксона, значительную роль в формировании личности подростка играют социальные взаимодействия. Данный возрастной период (12–19 лет) Э. Эриксон связывает с кризисом идентичности, состоящим из серии социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификации и самоопределений [Эриксон Э., 2000]. L.H. Somerville подчеркивает, что определяющей характеристикой подросткового периода является повышение социальной чувствительности и значимости сверстников. Несмотря на то, что взаимоотношения со сверстниками представляют собой прежде всего положительный социальный опыт, они крайне противоречивы и могут быть также основным источником конфликтов, отвержения и межличностного стресса [Somerville L.H., 2013].

Так, виктимизация со стороны сверстников, проблемы в дружеских и романтических отношениях способствуют усилению симптомов тревоги и депрессии у подростков, в то время как принадлежность к группе (особенно высокостатусной), позитивные взаимоотношения с друзьями и наличие романтических отношений служат факторами защиты от социальной тревожности и депрессивных симптомов [La Greca A.M., Harrison H.M., 2005].

Невозможность удовлетворения социальных потребностей может провоцировать проявления аддиктивного и агрессивного поведения у подростков, при этом к 14 годам риск девиации значительно возрастает [Леус Э.В. и др., 2016]. Максимальные показатели различных уровней агрессии у представителей мужского пола прослеживаются также в 14–15 лет [Кузнецова С.О., 2010]. Несмотря на то, что уровень агрессии у подростков снижается по мере взросления, существуют специфические риски, препятствующие данному процессу.

Агрессия является результатом совокупности таких факторов, как индивидуальные свойства, особенности взаимоотношений со сверстниками и родителями, социальные условия [Fries L. et al., 2013]. Лонгитюдное исследование подростков, проведенное М. Henriksen и соавторов, показало, что проявления физической агрессии в младшем подростковом возрасте более характерны для юношей и связаны с тревожными и депрессивными симптомами, одиночеством и низкой самооценкой, академическими проблемами, случаями буллинга, употреблением алкоголя и курением. Мужской пол и употребление алкоголя явились также значимыми факторами риска проявлений агрессии в позднем подростковом возрасте (средний возраст респондентов — 18 лет) [Henriksen M. et al., 2021].

Согласно ряду исследований, негативные взаимоотношения с родителями выступают в качестве одного из значимых предикторов агрессии у подростков. Так, были обнаружены значимые взаимосвязи между подростковой агрессией и высоким уровнем домашних конфликтов [Koçak A. et al., 2017; Karriker-Jaffe K.J. et al., 2013], низким уровнем родительского контроля и недостаточной вовлеченностью родителей в жизнь детей [Fries L. et al.,

2013], жестоким или хаотичным стилем родительского воспитания [Dou C. et al., 2015]. Значимым предиктором подростковой агрессии являются высокие родительские ожидания и связанное с ними давление, оказываемое родителями на подростков [Dou C. et al., 2015].

Таким образом, в случае отсутствия провоцирующих факторов, ожидаемой тенденцией развития в старшем подростковом возрасте является снижение агрессии и поведенческих аддикций. Вместе с тем, как показывают исследования, пандемия COVID-19 оказала фрустрирующее воздействие на широкий спектр проявлений социальной активности. Можно предположить, что ее влияние на представителей подросткового возраста стало тем самым провоцирующим фактором, который мог обострить агрессивные и аддиктивные проявления, или, как минимум, затормозить их закономерное смягчение в процессе взросления. В то же время можно предположить, что естественные процессы взросления нивелировали эффекты пандемии, обусловив устойчивую тенденцию к снижению агрессии и аддикций при переходе к старшему подростковому возрасту.

Целью нашего исследования является анализ динамики аддиктивных¹ проявлений у подростков в период пандемии COVID-19. Под пандемией в контексте данного исследования мы понимаем как собственно эпидемиологическую ситуацию распространения короновиральной инфекции, так и связанные с ней изменения привычного образа жизни — социальную изоляцию, дистанционный характер обучения. На основании анализа различных источников информации были выдвинуты следующие *альтернативные гипотезы*:

1. Показатели аддиктивного поведения обнаруживают снижение по мере взросления, не подвергаясь воздействию факторов социальной изоляции во время пандемии COVID-19.

2. Показатели аддиктивного поведения обнаруживают рост под влиянием социальной изоляции во время пандемии COVID-19, искажая естественные процессы взросления при переходе к совершеннолетию.

¹ В контексте нашего исследования мы рассматриваем аддикцию как совокупность проявлений отклоняющегося (в т.ч. асоциального) поведения, включая агрессию.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 89 респондентов мужского пола, студенты среднего профессионального образовательного учреждения. Из общего числа респондентов 41 чел. обучается по профессии «Наладчик» и 48 чел. — по профессии «Программист». Исследование включало два диагностических среза, из которых первый проводился в конце октября 2019 г., а второй — в ноябре 2021 г. На момент первого среза возраст участников находился в диапазоне от 16 до 19 лет ($M = 17,21$, $SD = 0,51$), а на момент второго среза — в диапазоне от 18 до 21 года ($M = 19,20$, $SD = 0,48$).

Методика исследования

Диагностика осуществлялась с помощью Опросника состояния агрессии Басса-Дарки [Психологические тесты..., 2007], Опросника суицидального риска (ОСР) в модификации Т.Н. Разуваевой [Диагностика личности, 1993], а также Единой методики социально-психологического тестирования². Тестирование проводилось в учебное время в малых группах по 10–15 чел. Диагностика по тестам агрессии и выявления суицидального риска проводилась в очном формате, а социально-психологическое тестирование — в онлайн-режиме. Все участники давали добровольное согласие на участие в тестировании. Результаты второго среза по методике ОСР были признаны недействительными у 4 участников, их реакции были исключены из анализа. Статистическая обработка результатов осуществлялась в программе Statistica-10 с помощью методов описательной статистики и сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента для зависимых групп (при контроле нормальности распределения). Для показателей, имеющих распределение, отличное от нормального, использовался непараметрический аналог t-критерия Стьюдента для зависимых групп — T-критерий Вилкоксона.

Результаты

Результаты сравнительного анализа выраженности показателей готовности к аддиктивному поведению по данным первого и второго срезов представлены в табл. 1.

² На сайте https://soctest.ru/test/sign_in

Таблица 1. Выраженность показателей готовности к аддиктивному поведению по данным 1 и 2 диагностического срезов

Table 1. The severity of indicators of readiness for addictive behavior according to the data of the 1st and 2nd diagnostic sections

	Среднее значение		Стандартное отклонение		t	p
	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.		
Потребность в одобрении	59,41	56,85	16,78	17,42	0,99	0,324
Подверженность влиянию группы	33,25	30,16	17,01	17,84	1,15	0,253
Принятие асоциальных установок социума	55,49	46,78	19,56	20,44	3,07	0,003
Склонность к риску	40,39	35,29	22,88	22,62	1,46	0,147
Импульсивность	33,88	31,18	18,66	19,50	1,14	0,259
Тревожность	45,02	39,53	26,28	26,43	1,58	0,117
Фрустрация	38,44	32,47	25,62	25,00	1,78	0,079
Наркопотребление в социальном окружении	32,21	21,87*	28,08	19,46	2,84	0,006
Принятие родителями	82,67	82,94	18,47	16,76	-0,10	0,921
Принятие одноклассниками	75,14	79,92	17,99	14,95	-1,93	0,057
Социальная активность	70,12	68,75	15,54	17,84	0,54	0,587
Самоконтроль поведения	71,14	73,61	15,61	15,53	-1,02	0,308
Самозффективность	75,26	78,71	17,71	16,07	-1,58	0,117

Примечание: * — Распределение отличается от нормального: стандартная ошибка эксцесса превышает его абсолютное значение более, чем на 3σ ; K-S d = 0,17, p < 0,05.

Note: * — The distribution differs from the normal one: the standard error of the kurtosis exceeds its absolute value by more than 3σ ; K-S d = 0,17, p < 0,05.

Как видно из таблицы, за период пандемии показатели готовности к аддиктивному поведению обнаружили тенденцию к снижению. В то же время статистически значимая динамика наблюдалась только по 4 показателям. У юношей произошло снижение готовности к принятию асоциальных установок социума (p < 0,01), фрустрации (p < 0,10) и наркопотребления в социальном окружении (p < 0,01). Одновременно с этим вырос показатель принятия одноклассниками (p < 0,10). Поскольку распределение показателя наркопотребления в социальном окружении во втором срезе оказалось отличным от нормального, дополнительно к параметрическому анализу был проведен непараметрический тест Вилкоксона, который также выявил статистически значимое различие (T = 942,00, p < 0,01).

Результаты сравнительного анализа выраженности показателей склонности к агрессивному поведению по данным первого и второго срезов представлены в табл. 2.

Как видно из таблицы, за период пандемии обнаружилось статистически значимое снижение общего индекса агрессии (p < 0,05), по всей видимости, вследствие уменьшения ее вербаль-

ных и косвенных проявлений. В то же время общий индекс враждебности обнаружил статистически значимый рост (p < 0,05). При этом, что более существенно, входящие в него первичные показатели подозрительности и обиды обнаружили разнонаправленную динамику: выраженность подозрительности уменьшилась (p < 0,001), а обиды — усилилась (p < 0,01). Поскольку распределение показателя обиды в первом срезе оказалось отличным от нормального, дополнительно к параметрическому анализу был проведен непараметрический тест Вилкоксона, который также выявил статистически значимое различие (T = 925,50, p < 0,01). Результаты сравнительного анализа выраженности показателей суицидального риска по данным первого и второго срезов представлены в табл. 3

Как видно из таблицы, за период пандемии все показатели суицидального риска обнаружили тенденцию к снижению. При этом статистически значимая отрицательная динамика наблюдалась только по показателям несостоятельности (p < 0,05), социального пессимизма (p < 0,10) и максимализма (p < 0,001).

Таблица 2. Выраженность показателей склонности к агрессивному поведению по данным 1 и 2 диагностического срезов

Table 2. The severity of the indicators of propensity to aggressive behavior according to the data of the 1st and 2nd diagnostic sections

	Среднее значение		Стандартное отклонение		t	p
	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.		
Физическая агрессия	4,82	5,04	2,06	2,09	-0,75	0,455
Вербальная агрессия	6,40	6,33	1,95	2,21	0,25	0,803
Косвенная агрессия	3,56	3,34	1,69	1,75	0,83	0,407
Негативизм	1,96	2,00	1,56	1,49	-0,19	0,848
Склонность к раздражению	4,37	4,15	2,49	2,57	0,59	0,560
Подозрительность	4,19	3,13	1,93	1,79	3,66	0,000
Обида	3,88*	4,65	1,86	1,94	-2,87	0,005
Чувство вины	4,66	4,70	1,61	1,66	-0,13	0,895
Индекс агрессии	14,36	12,80	4,28	4,34	2,29	0,024
Индекс враждебности	8,53	9,35	2,75	2,93	-2,06	0,043

Примечание: * — Распределение отличается от нормального: стандартная ошибка асимметрии превышает ее абсолютное значение более, чем на 3σ ; K-S $d = 0,13$, $p < 0,10$.

Note: * — The distribution differs from the normal one: the standard error of the asymmetry exceeds its absolute value by more than 3σ ; K-S $d = 0,13$, $p < 0,10$.

Таблица 3. Выраженность показателей готовности к аддиктивному поведению по данным 1 и 2 диагностического срезов

Table 3. The severity of indicators of readiness for addictive behavior according to the data of the 1st and 2nd diagnostic sections

	Среднее значение		Стандартное отклонение		T	p
	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.		
Демонстративность	0,51	0,42	0,79	0,72	524,00	0,512
Аффективность	0,58	0,52	0,94	0,98	500,00	0,677
Уникальность	0,20	0,18	0,55	0,56	128,50	0,773
Несостоятельность	1,19	1,00	0,65	0,45	99,00	0,052
Социальный пессимизм	2,37	2,11	1,17	0,86	238,00	0,087
Слом культурных барьеров	1,03	0,97	0,32	0,32	51,00	0,227
Максимализм	1,25	0,75	1,00	0,46	133,50	0,001
Временная перспектива	0,28	0,15	0,66	0,44	101,00	0,162
Антисуицидальный фактор	0,99	1,03	0,35	0,41	94,50	0,465

Примечание: Распределение всех показателей опросника суицидального риска оказалось отличным от нормального: $A_s > 1,00$, $E_x > 1,00$, K-S $d = 0,33 \div 0,52$, $p < 0,01$. Таким образом, вместо параметрического анализа по t-критерию Стьюдента был использован непараметрический T-критерий Вилкоксона.

Note: The distribution of all indicators of the suicide risk questionnaire turned out to be different from normal: $A_s > 1,00$, $E_x > 1,00$, K-S $d = 0,33 \div 0,52$, $p < 0,01$. Thus, instead of parametric analysis by the Student's t-criterion, the nonparametric Wilcoxon T-criterion was used.

Обсуждение результатов

Как было отмечено ранее, значимыми характеристиками подросткового возраста являются противоречивость тенденций социального развития и эмоциональная нестабильность. По сравнению с взрослыми, подростки чаще ис-

пытывают интенсивные положительные и отрицательные эмоции, эмоциональную напряженность и характеризуются большей эмоциональной нестабильностью, что делает их более восприимчивыми к разного рода рискам, в том числе к социальной изоляции [Bailen N.H. et al., 2018].

В нашем исследовании был обнаружен рост отдельных показателей агрессивности подростков во время пандемии, а именно враждебности и обиды. Это косвенно согласуется с данными N.R. Magson и соавторов, которые обнаружили, что в период пандемии COVID-19 у подростков наблюдалось усиление депрессивных симптомов и тревожности, а также снижение удовлетворенности жизнью [Magson N.R. et al., 2021]. Однако авторы отмечают, что, по-видимому, большая часть подростков хорошо справилась с последствиями пандемии, т.к. размер обнаруженных эффектов оказался довольно скромным [Magson N.R. et al., 2021, p. 53]. Мы предполагаем, что вероятными причинами обнаруженного нами роста враждебности и обиды могли выступить негативные взаимоотношения с родителями, обострившиеся в период изоляции. Имеются данные о значимых взаимосвязях между подростковой агрессией и частотностью домашних конфликтов [Coatsworth J.D. et al., 2002; Loukas A., Prelow H.M., 2004]. Значимыми предикторами подростковой агрессии также являются высокие родительские ожидания и связанные с ними давление, оказываемое родителями на подростков [Fries L. et al., 2013].

Несмотря на обнаруженное усиление отдельных негативных проявлений, в целом показатели склонности к агрессивному и аддиктивному поведению у подростков не повысились. В частности, не было выявлено роста показателей тревожности, импульсивности и аффективности. Это противоречит нашим первоначальным предположениям, однако подтверждается выводами В.А. Барановой о преимущественно благополучном решении подростками задач адаптации [Баранова В.А. и др., 2021].

Обнаруженное нами отсутствие роста большинства негативных психологических проявлений в период пандемии может быть также объяснено естественными процессами взросления. Согласно N.H. Vailen и коллег, эмоциональная нестабильность и интенсивность эмоций у подростков обнаруживают тенденцию к снижению к 19 годам [Vailen N.H. et al., 2018]. На момент проведения второго среза наши респонденты достигли верхней границы подросткового периода ($M = 19,20 \pm 0,48$), что могло оказать влияние на результаты исследования. В то же время показатели склонности к аддиктивному поведению не обнаружили и ожидае-

мого в процессе взросления спада. Таким образом, можем предположить что факторы пандемии и взросления компенсировали друг друга, как бы «заморозив» динамику аддиктивных проявлений в любую сторону.

В качестве еще одного фактора обнаруженных закономерностей может быть рассмотрен пол респондентов. Отмечается, что девушки проявляют более выраженные симптомы депрессии и тревоги, чем юноши [Magson N.R., et al., 2021]. Напомним, что в нашем исследовании принимали участие только респонденты мужского пола.

Полученные нами результаты свидетельствуют также против негативного влияния ограничения социальных контактов на психическое состояние подростков. Напротив, респонденты отметили снижение готовности к принятию асоциальных установок социума, фрустрации и рост принятия со стороны одноклассников. Это противоречит результатам большинства исследований, в которых показано, что главной проблемой во время пандемии для подростков явилось ограничение социальных взаимодействий [Баранова В.А. и др., 2021; Табуева А.О., Волкова И.В., 2021; Magson N.R. et al., 2021]. В то же время некоторые данные N.R. Magson и соавторов и В.А. Барановой согласуются с нашими результатами. Так, в исследовании N.R. Magson обнаружено, что подростки, которые во время пандемии COVID-19 ощущали себя более включенными в социальные взаимодействия, сообщали о меньшем количестве депрессивных симптомов и беспокойства, а также о большей удовлетворенности жизнью, чем те, кто чувствовал себя изолированными от общества в период самоизоляции. К сожалению, в нашем исследовании факт такой включенности не контролировался, однако мы не исключаем его роли в полученных результатах. Согласно исследованию В.А. Барановой, студенты отмечают ряд положительных сторон онлайн-коммуникации во время пандемии, например, возможность установления новых знакомств и поддержание старых контактов, а также улучшение качества социальных связей (они стали более избирательными, неслучайными и глубокими). Возможно, что влияние на полученные нами результаты оказал пол респондентов. Согласно исследованию А.О. Табуевой, в период пандемии девочкам не

хватало неформального общения с одноклассниками больше, чем мальчикам. Кроме того, девочки чувствовали себя более социально изолированными, чем мальчики [Табуева А.О., Волкова И.В., 2021]. В исследовании Т.В. Шининой показано, что юноши по сравнению с девушками демонстрируют более высокие показатели жизнестойкости, которая, в свою очередь, помогает справиться со стрессом, в том числе стрессом, вызванным социальной изоляцией [Шинина Т.В., Морозова И.Г., 2021].

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на рост отдельных проявлений агрессии в период пандемии, большинство показателей агрессивного и аддиктивного поведения у подростков не обнаружили тенденции к росту. Эти проявления подвержены естественному снижению по мере взросления подростков и их приближения к совершеннолетию. Учитывая это обстоятельство, можно сказать, что пандемия все же оказала определенное влияние на естественные процессы взросления. Однако это влияние можно назвать скорее сдерживающим, а не деструктивным.

Ограничения исследования

В качестве ограничений нашего исследования можно выделить недостаточность сведений о социально-демографических характеристиках респондентов, а также информации об их опыте проживания пандемии: переболели ли сами респонденты или их близкие коронавирусом, какие проблемы бытового и психологического характера возникли в период самоизоляции, особенности социального взаимодействия в период пандемии и т.д. В нашем исследовании они могли бы послужить дополнительным источником для объяснения полученных закономерностей. Кроме того, на возрастание показателей агрессивности подростков могли оказать влияние и иные факторы, которые не были учтены в данном исследовании.

Полученные нами результаты могут послужить предпосылкой для дальнейших исследований в области сдерживающего влияния пандемии на естественные процессы взросления подростков, а также для изучения влияния социально-демографических факторов на данный процесс.

Список литературы

- Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 1. С. 10–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120102>
- Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М. Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие для студентов пед. вузов / под ред. М.В. Гамезо. М.: Пед. общ-во России, 2003. 512 с.
- Диагностика личности / сост. Т.Н. Разуваева. Шадринск: Исеть, 1993. 26 с.
- Екимова В.И., Розенова М.И., Литвинова А.В., Котенева А.В. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии COVID-19 // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 1. С. 27–38. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100103>
- Кузнецова С.О. Психологические особенности агрессивности в подростковом возрасте // Вестник славянских культур. 2010. № 4(18). С. 84–90.
- Леус Э.В., Соловьев А.Г., Новикова И.А. Возрастные психологические аспекты аддиктивного поведения подростков // Наркология. 2016. Т. 15, № 3. С. 12–17.
- Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Конюховская Ю.Е., Дорохов Е.А. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 119–146. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206>
- Психологические тесты для профессионалов / авт.-сост. Н.Ф. Гребень. Минск: Соврем. шк., 2007. 496 с.
- Табуева А.О., Волкова И.В. Особенности отношения подростков к дистанционному обучению в период карантина по COVID-19 // Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление: сб. трудов XIV Междунар. научно-практич. конф. (6–8 апреля 2021 г., Москва) / отв. ред. А.А. Бочавер. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 136–139.
- Фельдштейн Д.И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 31–41.
- Холмогорова А.Б., Клименкова Е.Н. Общение в интернете и эмпатия в подростковом и юношеском возрастах // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т. 8, № 4. С. 129–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080413>
- Шинина Т.В., Морозова И.Г. Пандемия как вызов самостоятельности подростков: гендерный

аспект // Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление: сб. трудов XIV Междунар. научно-практич. конф. (6–8 апреля 2021 г., Москва) / отв. ред. А.А. Бочавер. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 165–169.

Эриксон Э. Детство и общество: пер. с англ. СПб.: Питер, 2000. 415 с.

Bailen N.H., Green L.M., Thompson R.J. Understanding Emotion in Adolescents: A Review of Emotional Frequency, Intensity, Instability, and Clarity // *Emotion Review*. 2018. Vol. 11, iss. 1. P. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073918768878>

Coatsworth J.D., Pantin H., McBride C., Briones E., Kurtines W., Szapocznik J. Ecodevelopmental Correlates of Behavior Problems in young Hispanic females // *Applied Developmental Science*. 2002. Vol. 6, iss. 3. P. 126–143. DOI: https://doi.org/10.1207/s1532480xads0603_3

Cowie H., Myers C.-A. The impact of the Covid-19 pandemic on the mental health and well-being of children and young people // *Children & Society*. 2021. Vol. 35, iss. 1. P. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/chso.12430>

Dou Ch., Wei Z., Jin K., Wang H., Wang X., Peng Z. Family and social environmental factors associated with aggression among Chinese adolescents // *School Psychology Quarterly*. 2015. Vol. 30, iss. 3. P. 421–430. DOI: <https://doi.org/10.1037/spq0000103>

Fries L., Grogan-Kaylor A., Bares C.B., Han Y., Delva J. Gender Differences in Predictors of Self-Reported Physical Aggression: Exploring Theoretically Relevant Dimensions Among Adolescents From Santiago, Chile // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2013. Vol. 2, iss. 4. P. 255–268. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0034533>

Henriksen M., Skrove M., Hoftun G.B., Sund E.R., Lydersen S., Tseng W.-L., Sukhodolsky D.G. Developmental Course and Risk Factors of Physical Aggression in Late Adolescence // *Child Psychiatry & Human Development*. 2021. Vol. 52, iss. 4. P. 628–639. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-020-01049-7>

Karriker-Jaffe K.J., Foshee V.A., Ennett S.T., Suchindran Ch. Associations of Neighborhood and Family Factors with Trajectories of Physical and Social Aggression During Adolescence // *Journal of Youth and Adolescence*. 2013. Vol. 42, iss. 6. P. 861–877. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-012-9832-1>

Koçak A., Mouratidis A., Sayı M., Kindap-Tepe Y., Uçanok Z. Interparental Conflict and Adolescents' Relational Aggression and Loneliness: The Mediating Role of Maternal Psychological Control // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26, iss. 12. P. 3546–3558. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0854-x>

La Greca A.M., Harrison H.M. Adolescent peer relations, friendships, and romantic relationships: do they predict social anxiety and depression? // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2005. Vol. 34, iss. 1. P. 49–61. DOI: https://doi.org/10.1207/s15374424jccp3401_5

Loukas A., Prelow H.M. Externalizing and internalizing problems in low-income Latino Adolescents: Examining risk, resource, and protective factors // *Journal of Early Adolescence*. 2004. Vol. 24, iss. 3. P. 250–273. DOI: <https://doi.org/10.1177/0272431604265675>

Luijten M.A.J., Muilekom M.M. van, Teela L., Polderman T.J.C. et al. The impact of lockdown during the COVID-19 pandemic on mental and social health of children and adolescents // *Quality of Life Research*. 2021. Vol. 30, iss. 10. P. 2795–2804. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11136-021-02861-x>

Magson N.R., Freeman J.Y.A., Rapee R.M., Richardson C.E., Oar E.L., Fardouly J. Risk and Protective Factors for Prospective Changes in Adolescent Mental Health during the COVID-19 Pandemic // *Journal of Youth and Adolescence*. 2021. Vol. 50, iss. 1. P. 44–57. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01332-9>

Naser A.Y., Dahmash E.Z., Al-Rousan R., Al-wafi H. et al. Mental health status of the general population, healthcare professionals, and university students during 2019 coronavirus disease outbreak in Jordan: A cross-sectional study // *Brain, Behavior, and Immunity*. 2020. Vol. 10, iss. 8. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/brb3.1730> (accessed: 21.04.2022). DOI: <https://doi.org/10.1002/brb3.1730>

Somerville L.H. The teenage brain: sensitivity to social evaluation // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22, iss. 2. P. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721413476512>

References

Bailen, N.H., Green, L.M. and Thompson, R.J. (2018). Understanding emotion in adolescents: a review of emotional frequency, intensity, instability,

and clarity. *Emotion Review*. Vol. 11, iss. 1, pp. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073918768878>

Baranova, V.A., Dubovskaya, E.M. and Savina, O.O. (2021). [Life experience and resources for overcoming the difficulties of social isolation in the first period of the COVID-19 pandemic among students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 12, no. 1, pp. 10–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120102>

Coatsworth, J.D., Pantin, H., McBride, C., Briones, E., Kurtines, W. and Szapocznik, J. (2000). Ecodevelopmental correlates of behavior problems in young Hispanic females. *Applied Developmental Science*. Vol. 6, iss. 3, pp. 126–143. DOI: https://doi.org/10.1207/s1532480xads0603_3

Cowie, H. and Myers, C.-A. (2021). The impact of the Covid-19 pandemic on the mental health and well-being of children and young people. *Children & Society*. Vol. 35, iss. 1, pp. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/chso.12430>

Dou, Ch., Wei, Z., Jin, K., Wang, H., Wang, X. and Peng, Z. (2015). Family and social environmental factors associated with aggression among Chinese adolescents. *School Psychology Quarterly*. Vol. 30, iss. 3, pp. 421–430. DOI: <https://doi.org/10.1037/spq0000103>

Ekimova, V.I., Rozenova, M.I., Litvinova, A.V. and Koteneva, A.V. (2021). [The fear traumatization: Psychological consequences of COVID-19 pandemic]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. Vol. 10, no. 1, pp. 27–38. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100103>

Erikson, E. (2000). *Detstvo i obschestvo* [Childhood and society]. St. Petersburg: Piter Publ., 415 p.

Fel'dshteyn, D.I. (1988). [Psychological features of personality development in adolescence]. *Voprosy Psichologii*. No. 6, p. 31–41.

Fries, L., Grogan-Kaylor, A., Bares, C.B., Han, Y. and Delva, J. (2013). Gender differences in predictors of self-reported physical aggression: Exploring theoretically relevant dimensions among adolescents from Santiago, Chile. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. Vol. 2, iss. 4, pp. 255–268. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0034533>

Gamezo, M.V., Petrova, E.A. and Orlova, L.M. (2003). *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* [Age and pedagogical psychology]. Moscow: Pedagogicheskoe Obschestvo Rossii Publ., 512 p.

Greben', N.F. (ed.) (2007). *Psikhologicheskiye testy dlya professionalov* [Psychological tests for professionals]. Minsk: Modern school Publ., 496 p.

Henriksen, M., Skrove, M., Hoftun, G.B., Sund, E.R., Lydersen, S., Tseng, W.-L. and Sukhodolsky, D.G. (2021). Developmental course and risk factors of physical aggression in late adolescence. *Child Psychiatry & Human Development*. Vol. 52, iss. 4, pp. 628–639. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-020-01049-7>

Karriker-Jaffe, K.J., Foshee, V.A., Ennett, S.T. and Suchindran, Ch. (2013). Associations of neighborhood and family factors with trajectories of physical and social aggression during adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 42, iss. 6, pp. 861–877. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-012-9832-1>

Kholmogorova, A.B. and Klimenkova, E.N. (2016). [Communication in the Internet and empathy in teenage and youthful ages]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru]. Vol. 8, no. 4, pp. 129–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080413>

Koçak, A., Mouratidis, A., Sayı, M., Kindap-Tepe, Y. and Uçanok, Z. (2017). Interparental conflict and adolescents' relational aggression and loneliness: The mediating role of maternal psychological control. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 26, iss. 12, pp. 3546–3558. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0854-x>

Kuznetsova, S.O. (2010). [Psychological features of aggression in adolescence]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. No. 4(18), pp. 84–90.

La Greca, A.M. and Harrison, H.M. (2005). Adolescent peer relations, friendships, and romantic relationships: do they predict social anxiety and depression? *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. Vol. 34, iss. 1, pp. 49–61. DOI: https://doi.org/10.1207/s15374424jccp3401_5

Leus, E.V., Solov'ev, A.G. and Novikova, I.A. (2016). [Age-related psychological aspects of addictive behavior of adolescents]. *Narkologiya* [Narcology]. Vol. 15, no. 3, pp. 12–17.

Loukas, A. and Prelow, H.M. (2004). Externalizing and internalizing problems in low-income Latino adolescents: Examining risk, resource, and protective factors. *Journal of Early Adolescence*. Vol. 24, iss. 3, pp. 250–273. DOI: <https://doi.org/10.1177/0272431604265675>

Luijten, M.A.J., Muilekom, M.M. van, Teela, L., Polderman, T.J.C., et al. (2021). The impact of lockdown during the COVID-19 pandemic on mental and social health of children and adolescents. *Quality of Life Research*. Vol. 30, iss. 10, pp. 2795–2804. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11136-021-02861-x>

Magson, N.R., Freeman, J.Y.A., Rapee, R.M., Richardson, C.E. et al. (2021). Risk and protective factors for prospective changes in adolescent mental health during the COVID-19 pandemic. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 50, iss. 1, pp. 44–57. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01332-9>

Naser, A.Y., Dahmash, E.Z., Al-Rousan, R., Al-wafi, H. et al. (2020). Mental health status of the general population, healthcare professionals, and university students during 2019 Coronavirus disease outbreak in Jordan: a cross-sectional study. *Brain, Behavior, and Immunity*. Vol. 10, iss. 8. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/brb3.1730> (accessed 21.04.2022). DOI: <https://doi.org/10.1002/brb3.1730>

Pervichko, E.I., Mitina, O.V., Stepanova, O.B., Konyukhovskaya, Yu.E. and Dorokhov, E.A. (2020). [Perception of COVID-19 during the 2020 pandemic in Russia]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education]. Vol. 9, no. 2, pp. 119–146. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206>

Razuvaeva, T.N. (ed.) (1993). *Diagnostika lichnosti* [Personality diagnostics]. Shadrinsk: Iset Publ., 26 p.

Skhinina, T.V. and Morozova, I.G. (2021). [Pandemic as a challenge to adolescent independence: Gender aspect]. *Podrostok v megapolise: distantsionnoye vzrosleniye: sb. trudov XIV Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. (6–8 aprelya 2021 g., Moskva)* [A teenager in the metropolis: distance growing up: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference (April 6–8, 2021, Moscow)]. Moscow: HSE Publ., pp. 165–169.

Somerville, L.H. (2013). The teenage brain: Sensitivity to social evaluation. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 22, iss. 2, pp. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721413476512>

Tabueva, A.O. and Volkova, I.V. (2021). [Features of teenagers' attitude to distance learning during the quarantine period for COVID-19]. *Podrostok v megapolise: distantsionnoye vzrosleniye: sb. trudov XIV Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. (6–8 aprelya 2021 g., Moskva)* [A teenager in the metropolis: distance growing up: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference (April 6–8, 2021, Moscow)]. Moscow: HSE Publ., pp. 136–139.

Об авторах

Ваганова Ксения Андреевна

магистрант направления «Психология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: xenya.cornilowa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0663-7902>
Researcher ID: AIF-4291-2022

Ужегова Анастасия Алексеевна

магистрант направления «Психология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: acya.uzhegova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4889-685X>
Researcher ID: AIF-4422-2022

Газарова Анна Николаевна

магистрант направления «Психология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: gazarowa.an@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7324-7010>
Researcher ID: CAH-3127-2022

About the authors

Kseniya A. Vaganova

Master's student in Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: xenya.cornilowa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0663-7902>
Researcher ID: AIF-4291-2022

Anastasiya A. Uzhegova

Master's student in Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: acya.uzhegova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4889-685X>
Researcher ID: AIF-4422-2022

Anna N. Gazarova

Master's student in Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: gazarowa.an@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7324-7010>
Researcher ID: CAH-3127-2022

Евдокимова Елизавета Андреевна

магистрант направления «Психология»

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: Ewdpsy@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8891-0900>
Researcher ID: CAH-0592-2022

Балева Милена Валерьевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической психологии,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>
ResearcherID: ABE-8676-2020

Elizaveta A. Evdokimova

Master's student in Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: Ewdpsy@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8891-0900>
Researcher ID: CAH-0592-2022

Milena V. Baleva

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of General and Clinical Psychology,
Associate Professor of the Department
of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>
ResearcherID: ABE-8676-2020

УДК 159.9:616

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-110-119>

Поступила: 09.11.2022

Принята: 12.02.2023

Опубликована: 10.04.2023

ОТНОШЕНИЕ К ДИАГНОЗУ И ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА ЗДОРОВЬЯ У ПАЦИЕНТОВ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СОВЛАДАНИЯ С БОЛЕЗНЬЮ

Бергфельд Александра Юрьевна, Формакидов Дмитрий Анатольевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Проблема включенности психологических факторов в процесс патогенеза злокачественных новообразований на сегодняшний день является одной из актуальных. Однако эмпирических исследований, направленных на изучение психологических механизмов, условий или закономерностей, позволяющих преодолеть онкологическое заболевание, проводится недостаточно. В результате полученных нами данных на выборках пациентов со статусом первичных и вторичных, а также путем сравнительного анализа с «условно здоровыми», были определены психологические ресурсы, с помощью которых у онкологических больных формируется потенциал преодоления болезни. К ним можно отнести: стадии принятия диагноза, связанные с комплаентностью и качеством жизни; психологическое и семейное благополучие; гармоничные межличностные отношения; профессиональную самореализацию; информированность в области собственного здоровья. Результаты корреляционного анализа, направленного на исследование взаимосвязей отношения к диагнозу через анализ стадий его принятия с уровнем комплаентности и качеством жизни пациентов, дают возможность говорить о принятии диагноза как об опосредованном психологическом ресурсе в процессе совладания с болезнью. И принятие диагноза, и торг с болезнью имеют опосредованные эффекты на процесс совладания пациентов с онкологическим заболеванием. Установлено, что личностное саморазвитие и самосовершенствование не рассматривается пациентами в качестве самостоятельного ресурса совладания с болезнью.

Ключевые слова: онкология, холистическая концепция болезни, отношение к диагнозу, внутренняя картина здоровья, комплаентность, ресурсы совладания с болезнью.

Вклад авторов: *А.Ю. Бергфельд* — обзор литературы, определение методологических основ исследования, концепции и дизайна исследования, обработка и интерпретация данных; *Д.А. Формакидов* — сбор, обработка и интерпретация данных, написание текста.

Для цитирования:

Бергфельд А.Ю., Формакидов Д.А. Отношение к диагнозу и внутренняя картина здоровья у пациентов онкологического профиля как психологические ресурсы совладания с болезнью // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 110–119. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-110-119>

THE ATTITUDE TO THE DIAGNOSIS AND THE INTERNAL PICTURE OF HEALTH IN CANCER PATIENTS AS PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF COPING WITH THE DISEASE

Alexandra Yu. Bergfeld, Dmitry A. Formakidov

Perm State University (Perm)

The problem of the involvement of psychological factors in the pathogenesis of malignant neoplasms is among the most urgent issues today. However, there is insufficient empirical research on psychological mechanisms, conditions, or patterns that allow overcoming cancer. As a result of studying sample groups of patients having the status of «primary» and «secondary» as well as comparing them with «conditionally healthy» persons, we have determined psychological resources due to which the potential for overcoming the disease is developed in cancer patients. These include: diagnosis acceptance stages related to patient compliance and quality of life; psychological and family well-being; harmonious interpersonal relationships; professional self-realization; awareness in the field of health. We analyzed the relationship between the attitude toward the diagnosis, revealed through an analysis of the stages of acceptance, and the patients' level of compliance and quality of life. The results of this correlational analysis suggest that acceptance of the diagnosis is a mediated psychological resource in the process of coping with the disease. Both acceptance of the diagnosis and «negotiations» with the disease have mediating effects on the coping process. It has been established that personal self-development and self-improvement are not considered by patients as a self-sufficient resource for coping with the disease.

Keywords: oncology, holistic concept of the disease, attitude to diagnosis, internal picture of health, patient compliance, resources for coping with the disease.

Contribution of the authors: *Alexandra Yu. Bergfeld* — literature review, determination of the methodological foundations of the research, concept and design of the study, data processing and interpretation; *Dmitry A. Formakidov* — collection, processing and interpretation of data, writing the text.

To cite:

Bergfeld A.Yu., Formakidov D.A. [The attitude to the diagnosis and the internal picture of health in cancer patients as psychological resources of coping with the disease]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 110–119 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-110-119>

Введение

Многочисленные исследования подтверждают идею о включенности психологических факторов в процесс патогенеза злокачественных новообразований. В рамках проблемы психологических особенностей онкологических больных и их реакции на болезнь реализованы исследования, в которых установлены корреляции между психологическими/непсихологическими параметрами, способность одних параметров предсказывать значения других. По оценке В.А. Чулкова, В.М. Моисеенко, отсутствуют

достоверные данные, свидетельствующие о том, что психическое состояние или конкретные личностные черты сами по себе могут вызвать онкологическое заболевание, но имеются вполне убедительные факты, подтверждающие, что они могут способствовать созданию и усилению неблагоприятных условий, при которых развивается онкология [Чулкова В.А., Моисеенко В.М., 2009]. Так, К. Саймонтон и С. Саймонтон к таким условиям относят негативную самооценку, неспособность поддерживать длительные отношения, тенденцию к са-

мосожалению [Саймонтон К., Саймонтон С., 2001]. Таким образом, имеются достаточные основания для выделения условий психологического характера, при которых развивается онкологическое заболевание. Однако наблюдается дефицит исследований, в которых был бы представлен анализ психологических механизмов, условий или закономерностей, позволяющих преодолеть онкологическое заболевание.

Изучая психологические показатели, сопряженные с риском продолжения заболевания, на выборках пациентов впервые и повторно обратившихся за медицинской помощью в лечении онкологического заболевания, а также исследуя значимые различия в ряде психологических параметров у лиц, страдающих онкологическими заболеваниями, и лиц без онкологического диагноза, мы пришли к выводу, что эти параметры могут быть рассмотрены в качестве психологических ресурсов, помогающих в преодолении болезни, снижении риска ее продолжения.

Исходной позицией авторов в определении природы злокачественных новообразований при анализе данного вопроса является опора на психосоматический подход и холистическую концепцию болезни В.В. Николаевой [Николаева В.В., 1987].

Исследуя природу взаимосвязей психики и онкологии, в поиске ответа на вопрос о психологических ресурсах преодоления болезни, опираясь при этом на психосоматический подход, важно учесть целый ряд психологических факторов: личность пациента и механизмы ее психологических защит, систему внутренних и внешних отношений личности; самовосприятие и жизненные ценности, мотивацию и психоэмоциональные характеристики на уровне психических состояний и свойств, стратегии совладающего поведения. Немаловажным условием в такого рода исследованиях является учет статуса болезни больного онкологией — является ли пациент первичным, столкнулся ли он с болезнью повторно, либо находится в ремиссии.

В методологических основаниях исследования психологических ресурсов совладания с онкологией, вслед за Н. Бусыгиной, мы отказываемся от клинического понимания болезни как объективной соматической данности, которая существует вне и помимо индивидуального сознания пациента, и принимаем психологическую

модель онкологических заболеваний, представленную тремя компонентами [Бусыгина Н.П., 2000, с. 78]. К ним относятся следующие методологические установки в отношении понимания природы болезни: 1) болезнь как следствие дисрегуляций на биологическом, психологическом или социальном уровнях; 2) болезнь как кризис; 3) имманентная субъективность болезни (субъективное отражение болезни в психике, внутренняя картина болезни). В серии наших многолетних исследований изучена система внутренних отношений пациентов онкологического профиля: отношение к диагнозу (Васева М.А., Бергфельд А.Ю., 2019); динамика внутренней картины здоровья (Неволина Н.П., Бергфельд А.Ю., 2017); мотивация к лечению и жизненные ценности (Дамаскина М.В., Бергфельд А.Ю., 2018). Получены результаты исследования Я-концепции (Михайлова Е.А., Бергфельд А.Ю., 2016), динамики качества жизни (Латыпова Р.Р., Бергфельд А.Ю., 2012) и психологических защит личности (Нефтанова А.А., Бергфельд А.Ю., 2015) в ситуации онкологического заболевания. Проведена серия исследований психоэмоциональных коррелятов онкологического заболевания (Формакидов Д.А., Бергфельд А.Ю., 2017), среди которых существенное значение в оценке риска продолжения заболевания имеет уровень стрессоустойчивости, эмоционального интеллекта и алекситимии. Кроме того, в исследовании психологических ресурсов совладания с онкологическим заболеванием особое значение приобретают результаты исследований личностных ресурсов пациентов и стратегий их совладающего поведения, за счет которых формируется потенциал преодоления. В настоящей статье представлены результаты двух серий исследований, выполненных в рамках очерченного контекста холистической парадигмы и общих установок психосоматического подхода к природе онкологического заболевания.

Цель исследования

В первой серии исследований изучалось отношение к диагнозу у пациентов онкологического профиля через анализ стадий его принятия, а также характер его взаимосвязи с уровнем комплаентности и качеством жизни, поскольку, на наш взгляд, процесс принятия диагноза связан с

комплаенсом¹ и определяет качество жизни пациента. Указанные параметры выступают в качестве психологических ресурсов совладания с болезнью. Проверялась гипотеза о взаимосвязях между стадиями принятия диагноза, уровнем комплаентности и качеством жизни пациентов, проходящих лечение впервые и повторно. При постановке гипотезы учитывались данные, полученные в исследовании О.Ю. Щелковой, Е.Б. Усмановой, Е.А. Сушенцова, в котором выявлено, что значительную роль в формировании приверженности к лечению пациентов со злокачественными опухолями костей играет отношение пациентов к своему заболеванию и лечению [Щелкова О.Ю. и др., 2019].

Предметом второй серии исследований выступили особенности когнитивного компонента внутренней картины здоровья у лиц, страдающих онкологическими заболеваниями. Основной функцией внутренней картины здоровья является регуляция деятельности индивида в отношении его поведения, направленного на поддержание здоровья и противостояние болезни. Она задает модус поведения человека в отношении собственного тела и здоровья, что и определяет значимость изучения субъективных представлений о здоровье индивида [Корытова Г.С., 2012]. На этом основании мы предположили, что существуют различия в когнитивном компоненте внутренней картины здоровья у онкологических больных и условно здоровых лиц, которые и могут быть определены в качестве психологических ресурсов совладания с болезнью. Под когнитивным компонентом внутренней картины здоровья понимается совокупность представлений о здоровье как феномене; знание факторов, определяющих здоровье; представления о приемах распознавания психических и соматических индикаторов благополучия/неблагополучия в области здоровья; знание оптимальных способов сохранения и развития здоровья; адекватное представление о собственном здоровье [Ананьев В.А., 2006; Жданов С.И., 2008; Корытова Г.С., 2012]. Значительную нагрузку в определении направленности усилий пациента на укрепление и поддержание здоровья, поиск ресурсов совладания,

на наш взгляд, несет именно когнитивный компонент во внутренней картине здоровья. В целом же структура феномена внутренней картины здоровья определяется нами через единство когнитивного, эмоционально-ценностного, мотивационного и поведенческого компонентов.

Таким образом, в настоящем исследовании в качестве психологических ресурсов совладания с онкологическим заболеванием рассматриваются отношение к здоровью через когнитивный компонент внутренней картины здоровья; отношение к болезни через анализ стадий ее принятия; отношение пациентов к процессу лечения (комплаентность).

Материалы и метод

В *первой серии исследований* приняли участие 60 испытуемых. В первую группу вошли 30 пациентов, проходящих лечение впервые. Средний возраст выборки составил 56,9 лет. Во вторую группу вошли 30 пациентов, проходящих лечение вторично. Средний возраст составил 54 года. Все участники — женщины. В качестве участников *второй серии исследований* выступили две группы. В первую группу вошли 50 чел. с онкологическим заболеванием: 40 женщин и 10 мужчин. Средний возраст составил 55 лет. Во вторую группу вошли 50 условно здоровых лиц, не имеющих диагноза «онкология». Из них 40 женщин, 10 мужчин. Средний возраст — 48 лет. Обе серии исследований проводились на базе Пермского краевого онкологического диспансера.

В качестве основного метода *первой серии исследования* был избран клинико-психологический, представленный анкетой, разработанной на основе концепции Э. Кюблер-Росс о 5 стадиях принятия смертельного диагноза, а также модификации клинической беседы, предложенной А.М. Беляевым с соавторами с целью выявления переживаний, относящихся к конкретной стадии принятия диагноза [Беляев А.М. и др., 2018]. Структура анкеты представлена 5 вопросами, каждый из которых содержит 6 вариантов ответов в виде утверждений, относящихся к конкретной стадии принятия диагноза (отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие), описанной Э. Кюблер-Росс. Кроме того, была предусмотрена свободная форма ответа. Для исследования приверженности к лечению и качества

¹ Подразумевается конструктивное взаимодействие больного с врачом в интересах лечения.

жизни пациентов применялись: опросник «Уровень комплаентности» [Кадыров Р.В., 2014], опросник SF-36 (англ. The Short Form-36) [Кадыров Р.В., 2014; Пикалова Н.Н., Мовчан Е.А., 2012]. Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова, ϕ -углового преобразования Фишера, коэффициента корреляции Спирмена, критерия U Манна-Уитни, а также программы SPSS Statistics 23.0. Содержание ответов пациентов на вопросы анкеты обрабатывались методом контент-анализа с предварительной экспертной оценкой выделенных категорий при общем проценте согласия 3-х экспертов в 81,67%. Основные категории контент-анализа были выделены с учетом объектов отношения пациентов: «отношение к заболеванию», «отношение к процессу лечения», «отношение к помощи врачей и медперсонала», «отношение к поддержке родных и близких», «отношение к будущему».

В качестве методов *второй серии исследования* применялись: «Шкала самооценки здоровья»; метод неоконченных предложений; опросник «Отношение к здоровью» Р.А. Березовской [Барканова О.В., 2009]. Для выявления значимых различий в исследуемых группах применялся *критерий U Манна-Уитни*. Для обработки данных, полученных методом неоконченных предложений, был применен метод контент-анализа. Основанием для выделения категорий содержательного анализа неоконченных предложений выступили концепция внутренней картины здоровья [Ананьев В.А., 2006] и концепция социокультурных эталонов здоровья [Васильева О.С., Филатов Ф.Р., 2001]. Для оценки объективности выделенных категорий контент-анализа применялся метод экспертной оценки. Результатом экспертной оценки стал коэффициент согласованности 3-х экспертов по идентификации категорий контент-анализа, выраженный в процентном отношении, который составил 94,2%. Математическая обработка результатов контент-анализа проводилась с использованием процедуры описательной статистики — частотного анализа. Для выявления значимых различий между представлениями/установками онкобольных и условно здоровых лиц в области здоровья мы использовали критерий ϕ -углового преобразования Фишера.

Результаты и обсуждение

В первой серии исследований, посвященной изучению отношения к диагнозу у пациентов онкологического профиля через анализ стадий его принятия и взаимосвязей с уровнем комплаентности и качеством жизни, установлено, что пациенты, проходящие лечение впервые, чаще отмечают у себя переживания, относящиеся к такой стадии принятия диагноза как «Торг» (60% и 37%, $\phi^* = 1,820$; $p \leq 0,05$). Среди пациентов, проходящих лечение вторично, чаще встречается выбор ответов, относящихся к стадии «Принятие» (63% и 40%, $\phi^* = 1,824$; $p \leq 0,05$). Пациенты, проходящие лечение повторно, имея опыт борьбы с онкологическим заболеванием и столкновения с сопутствующими переживаниями и последствиями, более склонны принимать свой диагноз, чем пациенты, оказавшиеся в ситуации онкологического заболевания впервые. Возможно, что в принятии диагноза вторичные пациенты изыскивают ресурс, помогающий им справиться с болезнью, в то время как первичные пациенты чаще «торгуются» с заболеванием.

В результате применения критерия U Манна-Уитни были установлены значимые различия по показателям качества жизни (жизненная активность, физический компонент здоровья, общий психологический компонент здоровья) пациентов онкологического профиля, проходящих лечение впервые и повторно. Значимых различий по остальным показателям не установлено. Так, вторичные пациенты чувствуют себя более обессиленными, уставшими, чем первичные пациенты ($U = 256,5$; $p = 0,04$) по показателю жизненной активности. Они в большей степени испытывают ограничения в жизненной активности, в социальном функционировании, в повседневной деятельности, обусловленные ухудшением эмоционального состояния ($U = 308,5$; $p = 0,036$) по показателю общего психологического компонента здоровья. Средний ранг первичных пациентов по показателю физического компонента здоровья выше (35,75), чем средний ранг у пациентов, проходящих лечение повторно (25,25) при $U = 292,5$; $p = 0,02$, что говорит о том, что первичные пациенты в меньшей степени испытывают ограничения, вызванные физическим со-

стоянием, влияние этих ограничений на повседневную деятельность, чем вторичные пациенты. Эти данные свидетельствуют о существенных ограничениях на уровне физиологических и эмоциональных ресурсов, которые в большей мере свойственны пациентам, оказавшимся на лечении повторно.

Корреляционный анализ в выборке первичных пациентов показал взаимосвязь между стадией принятия диагноза «Торг» и уровнем эмоциональной комплаентности ($r = 0,375$, $p \leq 0,05$), свидетельствующей о том, что в процессе «торга» с болезнью, в стремлении договориться с ней, они проявляют большую готовность к тому, чтобы способствовать лечению, ориентированы на врачебную помощь, демонстрируют эмоциональную приверженность лечению. Однако показатель эмоциональной комплаентности и психологического здоровья обнаруживают обратную корреляционную связь ($r = -0,363$, $p \leq 0,05$). Демонстрация эмоциональной приверженности лечению при этом у первичных пациентов связана со снижением общего фона психологического благополучия. Возможно, высокий уровень эмоциональной приверженности лечению является не единственным условием, обеспечивающим первичным пациентам стабильный фон психологического благополучия.

В группе вторичных пациентов выявлена прямая корреляционная связь между стадией принятия диагноза «Торг» и показателем «Общее состояния здоровья» ($r = 0,392$, $p \leq 0,05$). Пациенты, проходящие лечение повторно и отмечающие у себя переживания, относящиеся к стадии «Торг», субъективно дают удовлетворительную оценку своему здоровью, считая, что торговля с судьбой, Богом, «высшими силами» проходит успешно, и они поправляются благодаря этому. При этом установлены обратные корреляционные связи между показателем «Общее состояния здоровья» и показателями общей ($r = -0,576$, $p \leq 0,01$), социальной ($r = -0,574$, $p \leq 0,01$) и поведенческой ($r = -0,599$, $p \leq 0,01$) комплаентности. Полагаем, что «торг» с болезнью через оценку вторичными пациентами общего состояния своего здоровья может приводить к снижению уровня приверженности лечению, доверия к врачам и их предписаниям. Данные результаты частично согласуются с ре-

зультатами исследования К.Р. Амлаева и соавторов в отношении некоторых аспектов профилактики раковых заболеваний и качества жизни онкологических пациентов [Амлаев К.Р. и др., 2013]. В ходе их исследования было выявлено, что степень доверия официальной медицине у пациентов онкологического профиля остается невысокой, нередко случаи обращения за помощью к служителям религиозных культов, экстрасенсам и т.д.

Обратный характер приобрела взаимосвязь между показателем стадии принятия диагноза «Принятие» и показателем «Общее состояние здоровья» в группе пациентов, проходящих повторное лечение ($r = -0,392$, $p \leq 0,05$). Однако при этом установлены и обратные корреляционные связи между показателем «Общее состояния здоровья» и показателями общей ($r = -0,576$, $p \leq 0,01$), социальной ($r = -0,574$, $p \leq 0,01$) и поведенческой ($r = -0,599$, $p \leq 0,01$) комплаентности. Принимая диагноз, они склонны ниже оценивать свое общее состояние здоровья. При этом снижение оценки общего состояния здоровья связано с повышением уровня общей комплаентности, в частности социальной и поведенческой, что отражает стремление пациента вступать в доверительные отношения с врачом, опираться на его мнение, строго соблюдать все рекомендации, направленные на преодоление болезни, ориентацию на цели в ситуации болезни, — выздоровление, преодоление болезни.

Во второй серии исследования с целью выявления статистически значимых различий в когнитивном компоненте внутренней картины здоровья пациентов онкологического профиля и условно здоровых лиц был применен критерий ϕ -угловое преобразование Фишера для оценки частоты встречаемости категорий контент-анализа (таблица).

По результатам ϕ -критериального анализа Фишера обнаружены значимые различия в:

1) *определении понятия «здоровье»*. Толкуя понятие здоровье, лица, страдающие онкологическим заболеванием, в большей мере отмечают психологическое благополучие человека ($\phi = 2,875$; $p \leq 0,01$). Представители группы нормы, напротив, в большей степени акцентируют внимание на физическом благополучии ($\phi = 2,9$; $p \leq 0,01$);

Значения ϕ -критерия Фишера при сравнении когнитивного компонента в структуре внутренней картины здоровья лиц, страдающих онкологическим заболеванием, и условно здоровых лиц

The values of the criterion ϕ -Fisher when comparing the cognitive component in the structure of the internal picture of the health of persons suffering from cancer and conditionally healthy persons

Код	Категория	% пациентов	% гр. нормы	ϕ -критерий Фишера	Уровень значимости (p)
А. Дефиниция «здоровья»		94	92	0,395	
A1	физическое благополучие	12	36	2,9	0,01
A2	психологическое благополучие	44	18	2,875	0,01
Б. Образ здоровой личности		98	98	0	
Б1	социальные характеристики	54	30	2,46	0,01
В. Условия здорового существования		84	94	1,64	0,05
V1	образ жизни	50	76	2,735	0,01
V2	экологическая обстановка	12	32	2,48	0,01
V3	профессиональная реализация	22	6	2,405	0,01
V4	семейное благополучие	30	6	3,32	0,01
С. Принципы-правила здорового существования		94	94	0	
C1	личностное самосовершенствование	20	38	2,005	0,05
C2	полноценное общение и адекватное взаимодействие с людьми	10	0	2,115	0,05
D. Способы оздоровления личности		92	96	0,855	
D1	соблюдение правил ЗОЖ	56	78	2,37	0,01
D2	гармонизация межличностных отношений	12	2	2,115	0,05

Примечание: приведены категории контент-анализа, обнаружившие статистически значимые различия по частоте встречаемости.

Note: the categories of content analysis are given, which revealed statistically significant differences in frequency of occurrence.

2) описании образа здоровой личности. Описывая образ здоровой личности, онкологические пациенты в большей степени, нежели условно здоровые лица, отмечали социальные характеристики ($\phi = 2,46$; $p \leq 0,01$);

3) отмеченных условиях здорового существования. Определяя условия здорового существования, лица, страдающие онкологическим заболеванием, в большей мере отмечают значимость семейного благополучия ($\phi = 3,32$; $p \leq 0,01$) и профессиональной реализации ($\phi = 2,405$; $p \leq 0,01$). Представители группы нормы в большей мере делают акцент на образе жизни, который ведет человек ($\phi = 2,735$; $p \leq 0,01$), и влиянии экологической обстановки ($\phi = 2,48$; $p \leq 0,01$);

4) описанных принципах-правилах здорового существования. Пациенты в большей мере склонны называть в качестве принципа здорового существования — полноценное общение и адекватное взаимодействие с людьми

($\phi = 2,115$; $p \leq 0,05$). Тогда как условно здоровые лица в большей мере отмечают необходимость личностного самосовершенствования ($\phi = 2,005$; $p \leq 0,05$);

5) указанных способах оздоровления личности. Отмечая способы оздоровления, пациенты в большей мере отмечают такой способ, как гармонизация межличностных отношений ($\phi = 2,115$; $p \leq 0,05$). В свою очередь, представители группы нормы в большей мере выделяют необходимость соблюдения правил ЗОЖ ($\phi = 2,37$; $p \leq 0,01$).

Данные, полученные в результате исследования отношения к здоровью, позволяют дополнить описание особенностей когнитивного компонента внутренней картины здоровья у исследуемых групп. Так, были установлены информационные каналы онкологических больных и здоровых лиц в области здоровья. Ведущим источником, оказывающим влияние на осведомленность и онкологических больных, и здоровых

лиц, выступили врачи (специалисты) (62 % и 42 % соответственно). На втором месте в рейтинге — средства массовой информации (44 % и 32 % соответственно). Меньше всего на информированность обеих групп оказывают газеты и журналы (18 % и 10 % соответственно), друзья и знакомые (18 % и 20 % соответственно).

Дополнительно были выявлены условия, которые, по мнению участников исследования, оказывают наиболее существенное влияние на состояние их здоровья. На основе сравнительного анализа условий, влияющих на состояние здоровья пациентов и здоровых лиц, с помощью критерия U Манна–Уитни обнаружено значимое различие в отношении такого условия как «качество медицинского обслуживания»: средний ранг у онкологических больных составил 60,12, что значимо выше, чем у здоровых лиц (40,88), при $U = 769,0$ и $p = 0,000$. Следовательно, пациенты онкологического профиля в большей степени оценивают в качестве ресурса совладания с болезнью уровень медицинского обслуживания (его качества), который отражается на поддержании их здоровья.

Заключение

В исследовании психологических ресурсов совладания с онкологическим заболеванием, за счет которых формируется потенциал преодоления болезни, особое значение приобретают результаты исследования отношения пациентов к диагнозу через анализ стадий его принятия в связи с уровнем комплаентности и качеством жизни, а также изучение когнитивного содержания их внутренней картины здоровья.

Пациенты, столкнувшись с заболеванием повторно, испытывают более выраженные ограничения на уровне физиологических и эмоциональных ресурсов в сравнении с первичными пациентами. Сравнительный анализ частоты ответов пациентов в отношении переживаний, связанных со стадиями принятия диагноза, показал, что пациенты, проходящие лечение повторно, более склонны принимать свой диагноз, в сравнении с пациентами, оказавшимися в ситуации болезни впервые, которые чаще «торгуются» с заболеванием.

При этом на уровне корреляционного анализа было установлено, что вторичные пациенты, принимая диагноз, склонны ниже оценивать свое общее состояние здоровья.

В выборке первичных пациентов установлены взаимосвязи между стадией принятия диагноза «Торг» и уровнем эмоциональной комплаентности, свидетельствующей о том, что в процессе «торга» с болезнью, в стремлении договориться с ней, они проявляют большую готовность к тому, чтобы способствовать лечению, ориентированы на врачебную помощь, демонстрируют эмоциональную приверженность лечению.

Результаты, полученные при исследовании когнитивного компонента внутренней картины здоровья пациентов онкологического профиля, показали, что в его содержании обнаруживаются средства (инструменты), которые могут быть использованы пациентом для трансформации взаимодействия с тяжелой болезнью. К их числу относятся: 1) психологическое благополучие пациента, поскольку в когнитивном содержании внутренней картины здоровья пациенты в первую очередь отмечается значимость психологической составляющей здоровья (здоровье преимущественно определяется как психологическое благополучие); 2) семейное благополучие как ресурс, обеспечивающий пациентам необходимую поддержку и принятие, а также удовлетворение потребности в эмоциональном общении с близкими; 3) гармоничные межличностные отношения пациентов с окружающими; 4) профессиональная самореализация, которая связана со значимостью социальных характеристик в образе здоровой личности; 5) осведомленность (информированность) пациентов в области здоровья с участием в первую очередь врачей и СМИ.

При этом стоит отметить, что в содержании когнитивного компонента внутренней картины здоровья пациентов наблюдается недооцененность с их стороны такого ресурса для поддержания здоровья, как личностное самосовершенствование.

Выражение признательности

Авторы статьи выражают благодарность Ю.В. Казакову — врачу-онкологу высшей категории, старшему преподавателю кафедры онкологии, лучевой диагностики и лучевой терапии ФГБОУ ВО ПГМУ им. акад. Вагнера Минздрава России; И.Н. Парандею — врачу хирургу-онкологу высшей категории за многолетнее сотрудничество.

Acknowledgements

The authors of the article express their gratitude to *Yu.V. Kazakov* — Oncologist of the highest category, senior lecturer of the Department of Oncology, Radiation Diagnostics and Radiation Therapy, PSMU named after Academician E.A. Wagner of the Ministry of Health of Russia; *I.N. Parandey* — surgeon-oncologist of the highest category for many years of cooperation.

Список литературы

Амлаев К.Р., Койчугев А.А., Махов З.Д., Койчугева С.М., Хурцев К.В. Результаты изучения некоторых аспектов профилактики раковых заболеваний и качества жизни онкологических пациентов // Кубанский научный медицинский вестник. 2013. № 5(140). С. 21–25.

Ананьев В.А. Основы психологии здоровья. Кн. 1: Концептуальные основы психологии здоровья. СПб.: Речь, 2006. 384 с.

Барканова О.В. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. Красноярск: Литера-Принт, 2009. 237 с.

Беляев А.М., Бернатицкий А.С., Вагайцева М.В., Васильева А.В. и др. Онкопсихология для врачей-онкологов и медицинских психологов: руководство / ред. А.М. Беляев, В.А. Чулкова, Т.Ю. Семиглазова, М.В. Рогачев. 2-е изд., доп. СПб.: Вопросы онкологии, 2018. 436 с.

Бусыгина Н.П. Психологическая помощь онкологическим больным в свете холистической модели болезни // Московский психотерапевтический журнал. 2000. № 1. С. 77–100.

Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 352 с.

Жданов С.И. Структура и содержание позитивной внутренней картины здоровья студентов // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 9. С. 390–400.

Кадыров Р.В., Асриян О.Б., Ковальчук С.А. Опросник «Уровень комплаентности»: монография. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2014. 74 с.

Корытова Г.С. Внутренняя картина здоровья и социальные представления о нем студентов педагогического вуза // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 131–143.

Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику: психологическое исследование. М.: Изд-во МГУ, 1987. 168 с.

Пикалова Н.Н., Мовчан Е.А. Общий опросник SF-36 в изучении физического и психологического

состояния людей на программном гемодиализе // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. № 3(7). С. 86–96.

Саймонтон К., Саймонтон С. Психотерапия рака: пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 286 с.

Чулкова В.А., Моисеенко В.М. Психологические проблемы в онкологии // Практическая онкология. 2009. Т. 10, № 3. С. 151–157.

Щелкова О.Ю., Усманова Е.Б., Сушенцов Е.А., Софронов Д.И. Отношение к болезни и комплаенс при опухолевым поражении костей // Медицинская психология в России. 2019. Т. 11, № 2(55). URL: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2019_2_55/nomer05.php (дата обращения: 18.09.2022). DOI: <https://doi.org/10.24412/2219-8245-2019-2-10>

References

Amlaev, K.R., Koychuev, A.A., Makhov, Z.D., Koychueva, S.M. and Khurtsev, K.V. (2013). [Results of research of some aspects of cancer prevention and quality of life of oncological patients]. *Kubanskiy nauchnyy meditsinskiy vestnik* [Kuban Scientific Medical Bulletin]. No. 5(140), pp. 21–25.

Anan'ev, V.A. (2006). *Osnovy psikhologii zdorov'ya. Kn. 1: Kontseptual'nye osnovy psikhologii zdorov'ya* [Fundamentals of health psychology. Book 1: Conceptual foundations of health psychology]. St. Petersburg: Rech' Publ., 384 p.

Barkanova, O.V. (2009). *Metodiki diagnostiki emotsional'noy sfery: psikhologicheskii praktikum* [Methods of diagnostics of the emotional sphere: psychological practicum]. Krasnoyarsk: Litera-Print Publ., 237 p.

Belyaev, A.M., Bernatskiy, A.S., Vagaytseva, M.V., Vasil'yeva, A.V. et al. (2018). *Onkopsikhologiya dlya vrachey-onkologov i meditsinskikh psikhologov* [Oncopsychology for oncologists and medical psychologists]. 2nd ed. St. Petersburg: Voprosy Onkologii Publ., 436 p.

Busygina, N.P. (2000). [Psychological assistance to cancer patients in the light of the holistic model of the disease]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal]. No. 1, pp. 77–100.

Chulkova, V.A. and Moiseenko, V.M. (2009). [Psychological problems in oncology]. *Prakticheskaya onkologiya* [Practical Oncology]. Vol. 10, no. 3, pp. 151–157.

Kadyrov, R.V., Asriyan, O.B. and Koval'chuk, S.A. (2014). *Oprosnik «Uroven' komplaentnosti»* [Questionnaire «Compliance level»]. Vladivostok: MSUN Publ., 74 p.

Korytova, G.S. (2012). [The internal picture of health and social ideas about it of pedagogical university students]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Psychological Journal]. No. 46, pp. 131–143.

Nikolaeva, V.V. (1987). *Vliyanie khronicheskoy bolezni na psikhiku: psikhologicheskoe issledovanie* [The impact of chronic illness on the psyche: a psychological study]. Moscow: MSU Publ., 168 p.

Pikalova, N.N. and Movchan, E.A. (2012). [The general questionnaire SF-36 in the study of quality of life of patients on program hemodialysis]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin]. No. 3(7), pp. 86–96.

Schelkova, O.Yu., Usmanova, E.B., Sushentsov, E.A. and Sofronov, D.I. (2019). [The attitude to disease and compliance in patients with bone tumors]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical

psychology in Russia]. Vol. 11, no. 2(55). Available at: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2019_2_55/nomer05.php (дата обращения 18.09.2022). DOI: <https://doi.org/10.24412/2219-8245-2019-2-10>

Simonton, K. and Simonton, S. (2001). *Psikhoterapiya raka* [Cancer psychotherapy]. St. Petersburg: Piter Publ., 286 p.

Vasilyeva, O.S. and Filatov, F.R. (2001). *Psikhologiya zdorov'ya cheloveka: etalony, predstavleniya, ustanovki: ucheb. posobiye* [Psychology of human health: standards, ideas, attitudes: textbook]. Moscow: Academy Publ., 352 p.

Zhdanov, S.I. (2008). [Structure and content of the positive internal picture of students' health]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Psychological Journal]. No. 9, pp. 390–400.

Об авторах

Бергфельд Александра Юрьевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: abergfeld@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4679-243X>
ResearcherID: HSG-6859-2021

Формакидов Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: formakidov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1263-0483>
ResearcherID: J-5123-2017

About the authors

Alexandra Yu. Bergfeld

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department of General
and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: abergfeld@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4679-243X>
ResearcherID: HSG-6859-2021

Dmitry A. Formakidov

Doctor of Law, Docent,
Professor of Department of Civil Law

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: formakidov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1263-0483>
ResearcherID: J-5123-2017

УДК 159.923.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-120-130>

Поступила: 03.03.2022

Принята: 04.02.2023

Опубликована: 10.04.2023

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИ ВАЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В РАБОТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Бузина Татьяна Сергеевна, Олейников Сергей

*Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова
Минздрава России (Москва)*

Макарова Ирина Вилориевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Для современной медицины являются в высшей степени актуальными развитые коммуникативные навыки у врачей. Психологическая компетентность врача представляется как важный фактор эффективности терапевтического процесса, основа формирования комплаентности пациентов, что является особенно важным в современной высокотехнологичной медицине. Отмечается, что недостаточное внимание к данным компетенциям в процессе обучения в медицинском вузе может быть предпосылкой профессиональной деформации и эмоционального выгорания будущих врачей. Приводятся результаты собственных исследований, показывающие, что к старшим курсам у значительной части студентов медицинских вузов наблюдаются симптомы эмоционального выгорания и сниженные показатели эмпатии. Исследования профессиональной ориентации абитуриентов медицинского вуза и студентов младших курсов показали также сниженный интерес к сфере деятельности «человек – человек». В связи с этим определяются основные стратегии работы психологических служб и важность их организации в медицинских вузах. Предлагается в процессе психологической работы со студентами медицинских профессий уделять внимание более глубокому пониманию своей профессии как деятельности, требующей эффективных коммуникативных навыков и эмпатии, а также предусмотреть преподавание им психологических дисциплин.

Ключевые слова: студенты медицинского вуза, врачи, синдром эмоционального выгорания, психологическая помощь, способность к эмпатии, профессиональная мотивация, психологическая служба медицинского вуза.

Для цитирования:

Бузина Т.С., Олейников С., Макарова И.В. Определение стратегически важных направлений в работе психологической службы медицинского вуза // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 120–130. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-120-130>

DETERMINATION OF STRATEGICALLY IMPORTANT DIRECTIONS IN THE WORK OF THE PSYCHOLOGICAL SERVICE AT A MEDICAL UNIVERSITY

Tatiana S. Buzina, Sergei Oleynikov

*A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry
of the Ministry of Health of Russia (Moscow)*

Irina V. Makarova

HSE University (Moscow)

The paper discusses the relevance for modern medicine of developed and effective communication skills in doctors. The psychological competence of a doctor is presented as an important factor in the effectiveness of the therapeutic process, the basis for the formation of patient compliance, which is especially important in modern high-tech medicine. It is noted that insufficient attention to these competencies in the process of studying at a medical university can be a prerequisite for professional deformation and emotional burnout of future doctors. As our research shows, by senior years, a significant part of medical students have symptoms of emotional burnout and reduced levels of empathy. Studies on professional orientation of medical university applicants and junior students also show a reduced interest in the field of «person-to-person» activity. Thus, the paper reveals the importance of the organization of psychological services at medical universities and determines the main strategies for their operation. With regard to the process of psychological work with students of medical professions, it is proposed to pay attention to their deeper understanding of their profession as an activity that requires effective communication skills and empathy, and it is also essential to provide the teaching of psychological disciplines to them.

Keywords: medical university students, doctors, emotional burnout syndrome, psychological assistance, the ability to feel empathy, professional motivation, psychological service at a medical university.

To cite:

Buzina T.S., Oleynikov S., Makarova I.V. [Determination of strategically important directions in the work of the psychological service at a medical university]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 120–130 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-120-130>

Важной задачей современного университета является всесторонняя помощь в личностном самоопределении и профессиональном становлении будущего специалиста, обеспечение условий для преодоления сложностей и преград на пути профессионализации, формирования и развития личностно важных для выбранной специальности качеств и компетенций. Активно создаваемые и развиваемые в организациях высшего профессионального образования психологические службы становятся необходимым звеном в структуре решения вышеобозначенных задач. В связи с этим встает вопрос о разработке стратегий и направлений работы таких служб с

опорой на научные исследования и учетом профессиональной специфики вузов и тех специалистов, которых они готовят. Особое внимание в этом смысле требуют те профили вузов, где ведется подготовка к работе в областях высокой социальной значимости, где важными аспектами профессиональной готовности являются личностная зрелость, высокий социальный интерес, желание служить и спасать людей. Мы хотели бы рассмотреть вопросы работы психологических служб применительно к медицинским вузам, роли психологической работы в профессиональном становлении медицинских работников разного уровня и специализации.

На сегодняшний день оказание медицинской помощи рассматривается как многофакторное явление, качество которого зависит не только от компетенции врача и верной постановки диагноза, но и от других не менее значимых социо-психологических факторов, оказывающих влияние на благополучие всех участников лечебного процесса [Ершова Е.В., 2011]. С интенсивным развитием и усовершенствованием инструментальных и фармакологических методов лечения усложнились схемы терапии многих заболеваний, которые требуют от пациентов активного участия в лечебном процессе, результаты лечения во многом зависят от уровня приверженности лечению пациента [Овсянникова А., 2016]. По данным ВОЗ, невыполнение врачебных рекомендаций пациентами, страдающими хроническими заболеваниями, является глобальной медицинской проблемой, оказывающей существенное влияние на эффективность

проводимого лечения, а также приводящей к серьезным экономическим последствиям в отношении потери времени, денег и усугубления течения болезни [Adherence to long-term therapies..., 2003].

Одним из условий формирования приверженности лечению является способность врача уметь конструктивно выстраивать отношения с пациентом, преодолевать его сопротивление и опасения в сложном лечебном процессе, формировать мотивацию на выполнение рекомендаций и назначений врача. В то же время опросы пациентов показывают, что, по их мнению, у врачей недостаточно развиты навыки эффективной коммуникации. В табл. 1 представлены результаты опроса пациентов и врачей проводимого по заказу Министерства здравоохранения в 2016 г. о восприятии ими медицинских коммуникаций пациентами и врачами [Бузина Т.С. и др., 2020].

Восприятие медицинских коммуникаций врачами и пациентами (данные социологического исследования компании S-Media, 2016)

Perception of medical communications by doctors and patients (data from a sociological study by S-Media, 2016)

<i>Утверждения</i>	<i>Пациенты</i>	<i>Врачи</i>
Врачи не ориентированы на общение с пациентами и нацелены исключительно на физическое устранение заболевания	33,7 %	12,5 %
Врачи оказывают медицинскую помощь без какого-либо сочувствия болезненному состоянию пациента	46,6 %	28 %
Врачи «по-дружески общаются с пациентом, утешают его»	41 %	56,6 %
Врачи умеют быстро наладить контакт с пациентом	47,8 %	74,5 %
Врачи умеют выслушать мнение пациента	27,2 %	51,9 %
Врачи внимательны к самочувствию пациентов	51 %	72,7 %
Врачи общительны	30,9 %	48,6 %
Врачи умеют убеждать в своей правоте	24,4 %	52,6 %
Врачи дают возможность высказаться пациентам о своих тревогах и волнениях	14,2 %	52,7 %

Опрос показал, что значительная часть пациентов негативно оценивает коммуникативные навыки врачей, но врачи при этом считают, что они вполне удовлетворительно взаимодействуют с пациентами и явно переоценивают свои умения в этой сфере.

Таким образом, часть проблем, способных существенно снизить эффективность лечебных мероприятий, несомненно, лежит в сфере взаимодействия врача и пациента [Лядова А.В., 2016; Лядова А.В., Лядова М.В., 2016]. Наивысший уровень приверженности лечению достигается при помощи партнерского взаимодействия в диаде «врач – пациент» [Бузина Т.С. и др.,

2020]. Для создания продуктивного взаимодействия с пациентом и формирования глубокого контакта врачу нужно приложить множество усилий, чтобы соответствовать сложившимся требованиям и компетенциям.

Современные социальные условия таковы, что врач перестает быть абсолютным авторитетом для пациента в связи с широким распространением медицинской информации в интернете и СМИ, а также достаточно высокой степенью образованности населения, что сокращает психологическую дистанцию между медицинскими работниками и их пациентами. При снижении уровня доверия к доктору под сомнение

ставятся назначаемые им препараты и лечебные процедуры, и критичное отношение больного приводит к небрежному выполнению назначений и рекомендаций врача, но ответственность за недостаточную эффективность лечения при этом пациент возлагает на врача. Не обладая эффективными навыками коммуникации, врач вынужден затрачивать большое количество ресурсов для поддержания продуктивного контакта с пациентом, что в итоге может приводить их истощению. Процесс истощения психологических ресурсов является одним из главных факторов возникновения у специалистов-врачей синдрома эмоционального выгорания [Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., 2008; Лядова А.В., Лядова М.В., 2016].

Для предупреждения формирования подобных психологических изменений в структуре личности медицинских работников и поддержания необходимого уровня профессиональных компетенций, помимо систематического контроля психологического статуса специалистов и создания приемлемого «рабочего климата», требуется дополнительное обучение навыкам взаимодействия с пациентами и развитие эмпатических способностей, способности регулирования конфликтных ситуаций и стрессоустойчивости [Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., 2008]. Как правило, такое обучение становится доступным врачам, когда они непосредственно переходят к выполнению своих профессиональных обязанностей на рабочем месте. Однако можно предположить, что наилучшие результаты могут достигаться при формировании психологических компетенций, связанных с эффективным взаимодействием с пациентами, коллегами и руководством в процессе обучения в медицинском вузе.

Следует также обратить внимание на то, что проблема эмоционального выгорания медицинских работников может иметь корни в системе основного медицинского образования. Большой объем информации, подлежащий заучиванию, начиная с первого семестра, строгая учебная дисциплина и дресс-код, сочетание теоретических занятий с практическими, длительность обучения (6–8 лет) — все это создает дополнительную нагрузку в период, когда обучающиеся сталкиваются с проблемами становления личности и необходимости актуального профессионального становления [Огнерубов Н.А., Карпо-

ва Е.Б., 2017]. Одной из важных характеристик медицинского образования является то, что реальная профессиональная деятельность тесно вплетена в процесс обучения. Осваивая клинические дисциплины, студенты отрабатывают так называемые мануальные навыки у постели пациента, вступая с ним в непосредственный контакт. Таким образом, интенсивные контакты с пациентами начинаются у врачей еще в процессе обучения в юношеском возрасте, когда еще продолжаются процессы личностного самоопределения, не решены проблемы межличностного взаимодействия и не сформирована зрелая жизненная позиция.

Изучение восприятия студентами получаемого образования является первым шагом к устранению возникающих проблем [Heidari M.R., Norouzadeh R., 2015]. Высокий уровень оптимизации и существенное повышение продуктивности подготовки медицинского персонала не могут быть достигнуты без специальных психологических мероприятий, направленных на адаптацию к профессиональной деятельности [Бугаева Т.К., 1992]. Организация системы квалифицированной психологической помощи молодым специалистам возможна только при глубоком понимании особенностей обучающихся на данном направлении. Основными методами оказания психологической поддержки на ранних этапах обучения студентов высшего медицинского образования являются следующие: проверка психологического соответствия студента качествам и требованиям, предъявляемых избранной профессией; оценка уровня адаптационных возможностей и доступных ресурсов для преодоления стрессовых ситуаций; помощь в выборе будущей специализации в соответствии с интересами и способностями студента.

На этапе поступления в медицинский вуз у абитуриентов формируется первичный образ и отношение к будущему обучению в зависимости от первоначальных ожиданий, ведущей мотивации и интереса к выбранной профессии. Однако уже в течение первого года обучения первичный образ претерпевает изменения. Будущим специалистам приходится сталкиваться с высокими требованиями к освоению учебного материала, с постепенным внедрением клинических дисциплин вопреки ожиданиям моментального погружения в профессиональную деятельность, высокой интенсивностью взаимодействия с дру-

гими людьми. Из-за возникающих диссонирующих противоречий между изначальными ожиданиями и реальным процессом обучения, многие студенты начинают испытывать постоянный стресс. Регулярное воздействие стресс-факторов ведет к тому, что у части студентов начинают проявляться отдельные симптомы эмоционального выгорания и, как следствие, формироваться так называемое студенческое выгорание.

Студенческое выгорание представляет собой триаду проявлений, включающую истощение, цинизм и чувство неэффективности, возникающую уже на ранних этапах освоения специальности [Carlotto M.S., Câmara S.G., 2008]. Истощение относится к ощущению превышения затрат эмоциональных ресурсов из-за требований, предъявляемых в процессе обучения. Цинизм — это негативная, нечувствительная или чрезмерно отстраненная реакция на процесс обучения, коллег, преподавателей и пациентов. Чувство неэффективности отражается в снижении академической успеваемости как результат возникновения чувства отсутствия необходимой компетентности и достижений в качестве студента. Систематический обзор научных трудов 2021 г. о распространенности синдрома эмоционального выгорания у студентов медицинских университетов показал среднюю распространенность проявлений эмоционального истощения (55,4 %), цинизма (31,6 %) и академическую эффективность (30,9 %). Кроме того, отмечается, что среди студентов-медиков имеется более высокая распространенность эмоционального выгорания по сравнению с другими специальностями [Rosales-Ricardo Y. et al., 2021]. Как правило, у студентов медицинских специальностей отдельные симптомы эмоционального выгорания обнаруживаются наиболее часто в периоды начала и окончания обучения, а также непосредственно после обучения уже в качестве врачей [Dyrbye L.N. et al., 2014]. Последствиями воздействия проявлений эмоционального выгорания, как правило, выступают сильные эмоциональные переживания, проблемы со здоровьем, ощущения бессмысленной траты времени, денег и ресурсов, и являются одним из главных факторов отсева у студентов-медиков [Almeida L.S. et al., 2019].

Все эти факторы могут приводить к тому, что симптомы эмоционального выгорания могут об-

наруживаться у студентов-медиков еще в процессе обучения.

Несмотря на тревожную статистику формирования эмоционального выгорания у студентов медицинских специальностей на этапе обучения и относительной изученности некоторых причин и основных стресс-факторов, на данный момент существует недостаточное количество исследований, посвященных прогностическим психологическим переменным выгорания у студентов-медиков.

Для изучения распространенности проблемы эмоционального выгорания среди студентов старших курсов медуниверситета было обследовано 309 студентов 5 курса лечебного факультета Московского государственного медикостоматологического университета имени А.И. Евдокимова с помощью теста «Диагностика эмоционального выгорания» В. Бойко, и было установлено, что в общей сложности 62,4 % студентов лечебного факультета старших курсов имеют сформировавшийся симптом эмоционального выгорания, а у 22,2 % наблюдаются формирующиеся симптомы. Такие результаты говорят о высоком уровне уязвимости студентов, обучающихся профессии врача к возникновению синдрома эмоционального выгорания. Доминирующими симптомами эмоционального выгорания оказались «неадекватность избирательного эмоционального реагирования» и «редукция профессиональных обязанностей» [Олейников С., Бузина Т.С., 2021].

Одним из важных условий эффективного партнерского взаимодействия в системе «врач – пациент» является способность к эмпатии. В.В. Бойко [Бойко В.В., 2009] считает, что восприимчивость к эмоциональным состояниям партнера является профессионально необходимым качеством специалистов, работающих с людьми. Другие исследователи также подтверждают, что эмпатия как способность к сопереживанию и пониманию эмоционального состояния другого человека является важной профессиональной характеристикой врача, а при оценке пациентами врача эмпатийные способности также являются одной из его важных характеристик [Бугаева Т.К., 2020; Бузина Т.С. и др., 2020].

Поскольку эмпатия является элементом формирования глубокого контакта с людьми и позволяет оптимизировать отношения в тяже-

лых или конфликтных ситуациях, то логично предположить, что недостаточная способность к ее проявлениям может служить предпосылкой к формированию синдрома эмоционального выгорания.

Изучение эмпатических способностей студентов 5 курса лечебного факультета [Бойко В.В., 2009] свидетельствуют о том, что к концу обучения развитость эмпатии у них недостаточная (см. рис. 1). В связи с тем, что опыт практической работы может оказывать влияние на развитие профессионально важных качеств, были сравнены 2 группы студентов-медиков, име-

ющих и не имеющих опыт работы. Работающие студенты представлены следующими сферами медицинской деятельности, предполагающих разную интенсивность труда и эмоциональную вовлеченность в процессе его осуществления: работа в лаборатории; работа в отделении реанимации и интенсивной терапии (ОРИТ); работа на скорой помощи. Как мы видим, полученные данные по всем группам соответствуют снижению уровню эмпатических способностей (диапазон: 21–15 баллов) в соответствии с психометрическими параметрами используемой методики.

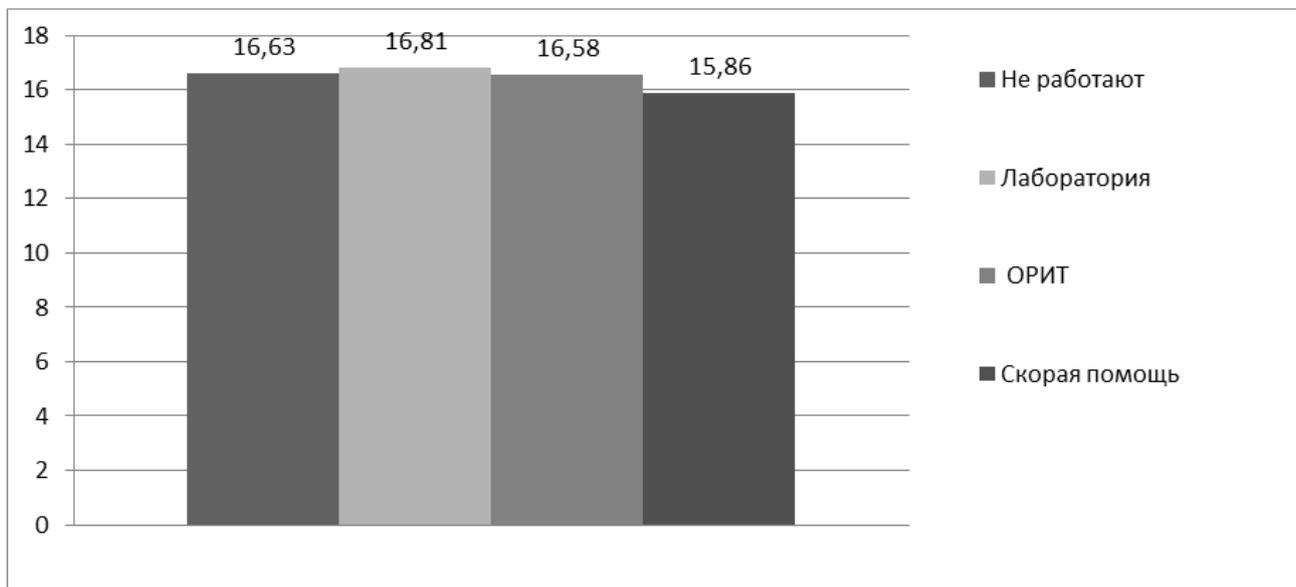

Рис. 1. Сравнительные показатели уровня эмпатических способностей студентов-медиков 5 курса в зависимости от опыта работы в сфере медицины

Fig. 1. Comparative indicators of the level of empathic abilities of 5th year medical students, depending on work experience in the field of medicine

Недостаточность эмпатических способностей на последних курсах обучения медиков можно рассматривать, с одной стороны, как фактор формирования эмоционального выгорания, признаки которого были зафиксированы в исследовании и, с другой стороны, как следствие этого выгорания.

В связи с этим нами было проведено исследование на выборке из 50 обучающихся 1 курса, поступивших в медицинский вуз на отделение среднего специального образования и планирующих дальнейшее обучение с целью получения высшего образования. По данным исследования, у большинства опрошенных был выявлен зани-

женный уровень эмпатических способностей (64 %); у 12 % регистрировался очень низкий уровень, у 24 % — средний уровень. Высокий уровень проявления эмпатии у данных информантов не был выявлен. Таким образом, учитывая низкий уровень эмпатических способностей как на младших курсах, так и на старших курсах, можно предположить, что это не результат формирования синдрома эмоционального выгорания, а скорее один из психологических факторов его формирования. Данные результаты указывают также на то, что в процессе обучения соответствующий профессионально важный навык формируется в недостаточной мере.

Мотивация будущих медиков к освоению коммуникативных навыков может определяться их представлениями о выбранной профессии. Несмотря на то, что считается, что студенты при поступлении в вуз определились в своей профессиональной ориентации, их профессиональное определение продолжает формироваться в процессе обучения. Представления о собственной профессии и необходимых профессиональных компетенциях закономерно уточняются и углубляются в процессе обучения.

Для определения ориентаций на типы профессиональной деятельности студентов, обучающихся в медицинских вузах, было проведено сравнительное исследование, в которое были включены 543 абитуриента, поступающих в медицинский вуз, и группа из 288 студентов 2 курса лечебного факультета Московского государственного медико-стоматологического университета. На рис. 2 представлены данные об уровне интереса к сфере «человек – человек» в изучаемых контингентах. Поскольку по классификации типов ориентации на профессиональную деятельность Е.А. Климова [Климов Е.А.,

1993] медицинские профессии относятся к типу «человек – человек», предполагаются следующие психологические требования к профессии: стремление к общению, умение легко вступать в контакт с незнакомыми людьми; устойчивое хорошее самочувствие при работе с людьми; доброжелательность, отзывчивость; выдержка, умение сдерживать эмоции; способность анализировать поведение окружающих и свое собственное, понимать намерения и настроение других людей; способность разбираться во взаимоотношениях людей, умение улаживать разногласия между ними, организовывать их взаимодействие; способность мысленно ставить себя на место другого человека; умение слушать, учитывать мнение другого человека; способность владеть речью, мимикой, жестами; развитая речь, способность находить общий язык с разными людьми; умение убеждать людей; аккуратность, пунктуальность, собранность; знание психологии людей. Как видно из этого описания, значительная часть этого описания относится к сфере коммуникации.

Рис. 2. Данные об уровне интереса к сфере «человек – человек» среди абитуриентов медицинского вуза и уже обучающихся на лечебном факультете

Fig. 2. Data on the level of interest in the sphere of «human-to-human» among medical university applicants and those already studying at the medical faculty

Исследование показало, что только около 40% абитуриентов показали высокий интерес к типу профессиональной ориентации «человек –

человек», который предполагает развитые коммуникативные навыки, а большинство (60,4 %) имело средний интерес к данному типу профес-

сий. Таким образом, несмотря на влияние фактора социальной желательности при выборе ответов, наблюдается снижение интереса к выбору профессий, в которых человек является основным объектом профессионального взаимодействия. Среди студентов 2 года обучения наблюдается еще меньший процент (менее 30 % — 26,8 %) проявляют высокий интерес к данному типу профессиональной деятельности, хотя процент среднего интереса несколько выше, чем у абитуриентов (71,4 %).

Таким образом, при формировании образа будущей профессии в процессе обучения не делается акцент на необходимости приобретения навыков эффективной коммуникации врача с пациентом, а основное внимание направлено на инструментальные и клиничко-диагностические аспекты работы: внимание уделяется повышению уровня мануальных навыков и приобретению знаний, что крайне важно для медицинской специальности, но недостаточно для того, чтобы стать эффективным специалистом. Необходимо также целенаправленное обучение непосредственному взаимодействию с пациентами. При этом необходимо отметить, что специфика образовательных стандартов обучения медицинским профессиям заключается в том, что в них не предусмотрены компетенции, связанные с пониманием психологии пациента, а также компетенции, развивающие эффективные коммуникативные навыки.

Итак, в результате анализа имеющихся научных данных и собственного эмпирического исследования можно отметить следующие факторы психологической дезадаптации студентов-медиков в процессе обучения:

– традиционные для юношеского возраста проблемы личностного определения;

– напряженными условиям обучения, в том числе предполагающими тесные контакты с пациентами, что приводит к нервно-психическим перегрузкам обучающихся,

– профессиональная ориентация студентов, с одной стороны, и структура образовательного стандарта, с другой, недостаточно мотивирующая обучающихся к развитию навыков эффективной коммуникации.

– низкие показатели такого профессионально важного качества, как способность к проявлению эмпатии на начальном и конечном этапах обучения будущих медиков, который можно рассматривать как показатель личностной не-

зрелости и коммуникативной некомпетентности будущих специалистов.

В результате действия всех этих факторов создаются предпосылки не только для снижения личностной эффективности студентов, но также и для раннего формирования синдрома эмоционального выгорания, что приводит в конечном итоге к профессиональной деформации и снижает эффективность подготовки медицинских кадров.

Поскольку основная задача высшего образования — подготовка специалистов для экономики страны, то задача психологической службы в вузе — не только и не столько решение индивидуальных проблем и адаптация к изменившимся условиям обучения после школы, сколько помощь вузу в формировании эффективного специалиста. Необходимо, чтобы по окончании вуза была сформирована зрелая личность, способная решать профессиональные задачи. В процессе обучения нужна помощь в профориентации, осознанном выборе направления в рамках будущей профессии; чтобы избежать потери специалиста по окончании вуза психологическая служба должна учитывать специфику отрасли.

В медицинском вузе можно предложить следующие направления работы психологической службы:

- психологическое консультирование, которое должно быть направлено не только на личностные проблемы и психологическое благополучие, но и на активное формирование адекватных представлений о будущей профессии;
- развитие навыков планирования и когнитивный тренинг в рамках адаптации к учебе;
- для профилактики синдрома эмоционального выгорания необходимо развивать эмпатические способности и навыки саморефлексии, эмоциональной регуляции и др.;
- для повышения психологической компетенции студентов-медиков необходимо также предусмотреть изучение психологических дисциплин в учебном процессе, например, «Основы медицинской (клинической) психологии» на младших курсах и «Основы психологического сопровождения медицинской деятельности» на старших.

Одной из важнейших задач, которую ставит нам современная система подготовки медицинских кадров, является изучение вопросов, связанных с созданием психологического профиля будущего врача, что также может стать одной из задач научной психологической деятельности в медицинском вузе.

Список литературы

Бойко В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб.: Сударыня, 2009. 278 с.

Бугаева Т.К. Психологические особенности средних медицинских работников с учетом профессиональной специализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 1992. 17 с.

Бузина Т.С., Бузин В.Н., Ланской И.Л. Врач и пациент: межличностные коммуникации // Медицинская психология в России. 2020. Т. 12, № 4(63). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2020_4_63/pomer11.php (дата обращения: 17.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.24412/2219-8245-2020-4-2>

Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 338 с

Ершова Е.В. Клинико-психологические факторы прогноза успешности профессиональной деятельности персонала скорой медицинской помощи. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 18. С. 100–103.

Климов Е.А. Развивающийся человек в мире профессий. Обнинск: Принтер, 1993. 57 с.

Лядова А.В. Детерминанты конфликта в системе «врач – пациент» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 68–71.

Лядова А.В., Лядова М.В. Особенности формирования взаимоотношений в системе врач–пациент в современных условиях // Социология медицины. 2016. Т. 15(2). С. 116–121.

Овсянникова А. Будет ли ваш пациент лечиться: систематический обзор // Актуальная эндокринология. 2015. № 3. С. 21–28.

Огнерубов Н.А., Карпова Е.Б., Синдром эмоционального выгорания у врачей и студентов медицинских вузов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2017. Т. 22, вып. 1. С. 221–231. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2017-22-1-221-231>

Олейников С., Бузина Т.С. Риск формирования эмоционального выгорания у студентов-медиков в

процессе обучения // Актуальные вопросы медицины и высшего медицинского образования: прил. к ежегодному сб. науч. тр. Проблемы и вызовы фундаментальной и клинической медицины в XXI веке. Бишкек, 2021. Вып. 21. С. 420–421.

Adherence to long-term therapies, evidence for action / World Health Organization. Geneva, CH: WHO, 2003. 208 p.

Almeida L.S., Casanova J.R., Bernardo A.B., Cervero A., Angeli dos Santos A.A., Ambiel R.A.M. Construção de um questionário transcultural de motivos de abandono do ensino superior // Avaliação Psicológica. 2019. Vol. 18, Num. 2. P. 201–209. DOI: <https://doi.org/10.15689/ap.2019.1802.17694.11>

Carlotto M.S., Câmara S.G. Preditores da Síndrome de Buernout em estudantes universitarios // Pensamiento Psicológico. 2008. Vol. 4, Num. 10. P. 101–109.

Dyrbye L.N., West C.P., Satele D., Boone S. et al. Burnout among U.S. medical students, residents, and early career physicians relative to the general U.S. population // Academic Medicine. 2014. Vol. 89, iss. 3. P. 443–451. DOI: <https://doi.org/10.1097/acm.000000000000134>

Heidari M.R., Norouzadeh R. Nursing students' perspectives on clinical education // Journal of Advances in Medical Education & Professionalism. 2015. Vol. 3(1). P. 39–43.

Rosales-Ricardo Y., Rizzo-Chunga F., Mocha-Bonilla J., Ferreira J.P. Prevalencia del síndrome de burnout en estudiantes universitarios: Una revisión sistemática // Salud Mental. 2021. Vol. 44, Num. 2. P. 91–102. DOI: <https://doi.org/10.17711/sm.0185-3325.2021.013>

References

Almeida, L.S., Casanova, J.R., Bernardo, A.B., Cervero, A., Angeli dos Santos, A.A., Ambiel, R.A.M. (2019). [Development of a transcultural questionnaire of motives for higher education dropout]. *Avaliação Psicológica* [Psychological Assessment]. Vol. 18, no. 2, pp. 201–209. DOI: <https://doi.org/10.15689/ap.2019.1802.17694.11>

Boyko, V.V. (2009). *Sindrom emotsional'nogo vygoraniya v professional'nom obschenii* [Burnout syndrome in professional communication]. St. Petersburg: Sudarynya Publ., 278 p.

Bugaeva, T.K. (1992). *Psikhologicheskie osobennosti srednikh meditsinskikh rabotnikov s uchetom professional'noy spetsializatsii: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of average medi-

cal workers taking into account professional specialization: Abstract of Ph.D. dissertation]. Rostov-on-Don, 17 p.

Buzina, T.S., Buzin, V.N. and Lanskoj, I.L. (2020). [Doctor and patient: interpersonal communication]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. Vol. 12, no. 4(63). Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2020_4_63/nomer11.php (accessed 17.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.24412/2219-8245-2020-4-2>

Carlotto, M.S. and Cãmara, S.G. (2008). [Predictors of the burnout syndrome in college students]. *Pensamiento Psicológico* [Psychological Thought]. Vol. 4, iss. 10, pp. 101–109.

Dyrbye, L.N., West, C.P., Satele, D., Boone, S. et al. (2014). Burnout among U.S. medical students, residents, and early career physicians relative to the general U.S. population. *Academic Medicine*. Vol. 89, iss. 3, pp. 443–451. DOI: <https://doi.org/10.1097/acm.000000000000134>

Ershova, E.V. (2011). [Clinical and psychological factors of predicting the success of the professional activity of emergency medical personnel]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology]. No. 18, pp. 100–103.

Heidari, M.R., Norouzadeh, R. (2015). Nursing students' perspectives on clinical education. *Journal of Advances in Medical Education & Professionalism*. Vol. 3(1), pp. 39–43.

Klimov, E.A. (1993). *Razvivayuschiyssya chelovek v mire professiy* [A developing person in the world of professions]. Obninsk: Printer Publ., 57 p.

Lyadova, A.V. (2016). [The determinant factors of the conflict in physician-patient relationship]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obschestvennye nauki* [Humanities, Social-economic and Social Sciences]. No. 12, pp. 68–71.

Lyadova, A.V. and Lyadova, M.V. (2016). [The characteristics of development of relationships in the system «physician – patient» in modern conditions]. *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of Medicine]. No. 15(2), pp. 116–121.

Ognerubov, N.A. and Karpova, E.B. (2017). [Emotional burnout syndrome among doctors and students in medical universities]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki* [Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences]. Vol. 22, iss. 1, pp. 221–231. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2017-22-1-221-231>

Oleynikov, S. and Buzina, T.S. (2021). [The risk of emotional burnout among medical students in the learning process]. *Aktual'nye voprosy meditsiny i vysshego meditsinskogo obrazovaniya* [Actual Issues of Medicine and Higher Medical Education]. Bishkek, iss. 21, pp. 420–421.

Ovsyannikova, A. (2015). [Will your patient be treated: a systematic review]. *Aktual'naya endokrinologiya* [Current Endocrinology]. No. 3, pp. 21–28.

Rosales-Ricardo, Y., Rizzo-Chunga, F., Mocha-Bonilla, J. and Ferreira, J.P. (2021). [Prevalence of burnout syndrome in university students: A systematic review]. *Salud Mental* [Mental Health]. Vol. 44, no. 2, pp. 91–102. DOI: <https://doi.org/10.17711/sm.0185-3325.2021.013>

Vodop'yanova, N.E. and Starchenkova, E.S. (2008). *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter Publ., 338 p.

World Health Organization (2003). *Adherence to long-term therapies, evidence for action*. Geneva: WHO Publ, 208 p.

Об авторах

Бузина Татьяна Сергеевна

доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей психологии

Московский государственный
медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова Минздрава России,
127473, Москва, ул. Десятская, 20/1;
e-mail: buzina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/HNQ-7192-2023>
ResearcherID: HNQ-7192-2023

About the authors

Tatiana S. Buzina

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of General Psychology

A.I. Yevdokimov Moscow State University
of Medicine and Dentistry
of the Ministry of Health of Russia,
20/1, Delegatskaya st., Moscow, 127473, Russia;
e-mail: buzina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/HNQ-7192-2023>
ResearcherID: HNQ-7192-2023

Олейников Сергей

аспирант кафедры общей психологии

Московский государственный
медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова Минздрава России,
127473, Москва, ул. Делегатская, 20/1;
e-mail: alien4yourself@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4214-9070>
ResearcherID: HNO-9353-2023

Макарова Ирина Вилориевна

кандидат психологических наук, директор Центра
психологического консультирования

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: imakarova@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1881-3846>
ResearcherID: HHD-3425-2022

Sergei Oleynikov

Postgraduate Student the Department
of General Psychology

A.I. Yevdokimov Moscow State University
of Medicine and Dentistry
of the Ministry of Health of Russia,
20/1, Delegatskaya st., Moscow, 127473, Russia;
e-mail: alien4yourself@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4214-9070>
ResearcherID: HNO-9353-2023

Irina V. Makarova

Candidate of Psychology,
Director of the Psychological Counseling Center

HSE University,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia;
e-mail: imakarova@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1881-3846>
ResearcherID: HHD-3425-2022

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-131-140>

Поступила: 22.12.2022

Принята: 27.01.2023

Опубликована: 10.04.2023

**РОЛЬ ВЕРТИКАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ
В РЕГУЛИРОВАНИИ УСТАНОВОК И ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ
РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ***Германов Игорь Анатольевич**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)**Лапин Павел Михайлович**ООО «Лукойл-Пермь» (Пермь)*

Дискуссия о социальной базе модернизационных процессов в России, развернувшаяся среди отечественных обществоведов, ставит актуальные вопросы соответствия социокультурных характеристик современного промышленного персонала задачам перехода страны к новому технологическому укладу. Не менее важным является изучение условий, стимулирующих развитие у работников качеств, востребованных инновационной экономикой. Результаты, полученные зарубежными авторами, показывают, что формирование вовлеченности работников, их заинтересованного и ответственного отношения к работе, стимулирование инициативы на рабочем месте во многом связано с атмосферой доверия, сложившейся в организации. Отечественные социологи также отмечают позитивную роль доверия в деятельности предприятий, однако целостная картина в отношении его роли в развитии про-организационных установок и поведения пока не сложилась. В работе представлены результаты социологического исследования, проведенного на двух промышленных предприятиях Пермского края (n=2186 чел.), которые указывают на значимость доверительных отношений между работниками и руководством предприятия для формирования у персонала включенности в деятельность предприятия, чувства корпоративной солидарности, а также поведения, ассоциированного с повышением производительности, самоотдачи, стремлением к совершенствованию исполнения собственных рабочих задач и функционирования предприятия в целом. Эти результаты позволяют сделать вывод о том, что создание условий, способствующих развитию доверия, может способствовать развитию у персонала качеств, необходимых для внедрения новой техники и технологий и тем самым стимулировать развитие социальной базы модернизационных процессов в экономике в целом.

Ключевые слова: организационное доверие, включенность работников в деятельность предприятия, корпоративная солидарность, отношение к труду.

Финансирование. Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социокультурные условия модернизации российских промышленных предприятий: роль организационного доверия», № 20-011-00488.

Для цитирования:

Германов И.А., Лапин П.М. Роль вертикального доверия в регулировании установок и трудового поведения работников предприятий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 131–140.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-131-140>

THE ROLE OF ORGANIZATIONAL TRUST IN THE REGULATION OF WORK ATTITUDES AND LABOR BEHAVIOR OF INDUSTRIAL EMPLOYEES

Igor A. Germanov

Perm State University (Perm)

Pavel M. Lapin

LLC «Lukoil-Perm» (Perm)

The discussion about the social base of modernization processes in Russia raises topical issues concerning the adequacy of sociocultural characteristics of modern industrial personnel in the context of the country's orientation toward a new technological paradigm. It is also important to study the conditions that stimulate the development in employees of qualities that are in demand by an innovative economy. The results obtained by foreign authors show that trust stimulates the formation of organizational commitment interested and responsible attitude to work, initiative in the workplace. Russian sociologists also note the positive role of organizational trust, but its role in the development of pro-organizational attitudes and labor behavior has not been sufficiently investigated so far. The paper presents the results of a sociological study conducted at two Perm industrial enterprises (n=2,186 respondents). The study shows that trusting relationships between management and employees play an important role for the formation of organizational commitment, corporate solidarity, pro-organizational behavior, productivity, innovative activity, etc. These results allow us to conclude that the creation of conditions conducive to the development of trust can contribute to the development of personnel's qualities necessary for the introduction of new equipment and technologies and, thereby, stimulate the development of the social base of modernization processes in the economy as a whole.

Keywords: organizational trust, organizational commitment, corporate solidarity, work attitudes, labor behavior.

Funding: The publication was supported by RFBR, project no. 20-011-00488 «Socio-cultural Conditions of Modernisation of Russian Industrial Enterprises: Role of Organisational Trust».

To cite:

Germanov I.A., Lapin P.M. [The role of organizational trust in the regulation of work attitudes and labor behavior of industrial employees]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 131–140 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-131-140>

Введение

Переход к передовым цифровым интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам является одним из стратегических приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации. Однако, как признают многие эксперты, на пути технологической модернизации отечественных промышленных предприятий суще-

ствуют значительные социальные барьеры. Часть из них связана с несоответствием социокультурных характеристик работников и специфики социально-трудовых отношений в организациях по отношению к требованиям перехода к новому технологическому укладу. Исследователи отмечают, что нормативно-ценностная структура и морально-нравственные качества работников не обеспечивают формирование заинтересованного и ответственного отношения к работе,

уровень отчужденности сотрудников от процесса труда остается высоким, идентификация персонала с деятельностью предприятия недостаточна, сдерживая вовлеченность, инициативу и творчество работников. В то же время современное производство предполагает включенность, заинтересованность сотрудников в успехе работы предприятия [Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г., 2015]. Идеально-нормативным социальным типом в современных условиях становятся работники с высокой результативностью труда и развитым чувством корпоративной солидарности, ответственные за свою работу и удовлетворенные работой на предприятии [Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г., 2013].

С проблемами несоответствия трудовых ресурсов особенностям современных технологий, способов организации производства и управления экономически развитые страны столкнулись еще в 1970-е гг. За прошедший период зарубежными учеными не только сформулированы качественные требования к работникам постиндустриальной эпохи, но и отработаны технологии, которые способствуют их формированию. В первом случае большое значение придается позитивному отношению работников к предприятию, на котором они работают (идентификации с организацией, лояльности, приверженности, вовлеченности персонала). Во втором — трансформации внутриорганизационных отношений. Большое внимание при этом уделяется развитию организационного доверия, которое рассматривается как жизненно необходимый элемент современной корпоративной культуры, который является ключевым фактором новой управленческой философии (см., напр.: [Creed W.E.D., Miles R.E., 1996; Miles R.E., Creed W.E.D., 1995; Sitkin S.B., Roth N.L., 1993]).

Столь пристальное внимание к теме организационного доверия связано с обнаружением его позитивного влияния на многие стороны деятельности предприятий. С точки зрения одного из известных международных консультантов в сфере менеджмента, организации с высокой степенью недоверия практически неконкурентоспособны и, напротив, те организации, которые строятся на основе доверия, имеют наилучшие шансы для достижения предсказуемых коммерческих результатов в быстро изменяющихся стрессовых условиях [Шо Р., 2000, с. 11]. Данный тезис подтвержден результатами многих исследований, проводимых зарубежными авто-

рами. В одном из обзоров, охватывающих более чем 40-летнюю историю изучения темы организационного доверия, отмечается, что доверие к менеджерам стимулирует благожелательное отношение работников к организации и сдерживает текучесть кадров, стимулирует рост производительности, готовность работников выполнять действия, выходящие за рамки их должностных обязанностей и направленные на благополучие организации [Dirks K.T., Ferrin D.L., 2001]. Другие исследователи указывают на позитивную роль доверия в формировании вовлеченности работников [Chughtai A.A., Buckley F., 2008; Robinson S.L., 1996], сдерживании антиорганизационного поведения: нарушений норм, дисциплины, намеренной бездеятельности на работе [Thau S. et al., 2007]. Также доверие способствует поддержке организационных изменений и повышению инновационной активности работников [Madsen S.R. et al., 2005; Neves P., Caetano A., 2009; Yong L.M.S., 1994].

С учетом потребности изучения способов развития социальной базы модернизационных процессов на производстве в России и результатов, полученных зарубежными коллегами, исследование организационного доверия представляется весьма актуальной темой. Однако она пока не получила должного внимания у отечественных авторов. Существующие работы отмечают востребованность различных видов организационного доверия [Темницкий А.Л., 2011], широкую распространенность доверительных отношений как в вертикальном, так и в горизонтальном измерениях и одновременно с этим констатируют противоречия развития доверия, неоднородность распространения, рассогласованность между отдельными его составляющими [Козырева П.М., 2011, Купрейченко А.Б., 2008]. Некоторыми авторами изучается связь доверия с различными элементами производственной ситуации [Темницкий А.Л., 2003], существующие барьеры развития доверия [Яхонтова Е.С., 2004]. Среди исследований последствий доверия можно отметить изучение его влияния на поведение сотрудников в конфликтных ситуациях [Леонов Н.И., Леонова И.Ю., 2016]. Однако отечественные исследования пока не формируют целостной картины в отношении роли доверия в стимулировании про-организационных установок и формировании у российских работников качеств, востребованных инновационной экономикой.

Целью данной статьи является попытка восполнить существующий пробел, представив оценки влияния доверия на установки и трудовое поведение работников промышленных предприятий: включенность в деятельность предприятия, корпоративную солидарность, субъективную результативность труда и инновационное поведение персонала.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили результаты формализованного опроса, проведенного на двух крупных, экономически успешных промышленных предприятиях Пермского края. Они представляют собой отрасли нефтедобычи, а также производства инструментов и приборов для измерения, тестирования и навигации. На обоих предприятиях проводился сплошной опрос присутствующих на рабочих местах. При этом на первом предприятии в исследовании приняли участие 1008 чел. (27 % от общей численности персонала), на втором — 1178 чел. (28 %).

В данной статье доверие анализируется как когнитивный компонент социального капитала организации, который характеризует степень готовности человека приписывать добрые намерения и быть уверенным в словах и действиях других людей. Учитывая разнообразие форм и видов доверия, следует уточнить, что фокус анализа здесь сосредоточен на вертикальном внутриорганизационном доверии, под которым понимается сложное обобщенное суждение работника в отношении представителей менеджмента с учетом двух основных качеств: доброжелательности и компетентности.

Измерение вертикального доверия осуществлялось двумя способами. Первый предполагал включение в анкету прямого вопроса об отношении к руководителям разного уровня: *«Как Вы считаете, насколько руководители заслуживают Вашего доверия?»* с четырьмя вариантами ответа от «однозначно не заслуживают» до «вполне заслуживают». Респонденту предлагалось определить свое отношение к субъектам управления на трех уровнях: линейного (ДЛ), среднего (ДС) и высшего менеджмента (ДВ).

Второй способ опирался на методику Дж. Кука и Т. Уолла [Cook J., Wall T., 1980], использовавших шкалу суммарных оценок (шкала Лайкерта) для серии суждений, отражающих мнения респондентов о наличии позитивных

намерений менеджмента в отношении работников, искренней заботы о благополучии рядового персонала, а также способности (с точки зрения наличия необходимых навыков и знаний) эффективно выполнять свои управленческие функции¹. Объектом доверия (доверенное лицо) в данной методике выступают представители топ-менеджмента. Согласованность реакций участников исследования на отдельные суждения является достаточно высокой (значение альфа Кронбаха составляет 0,95 на обоих предприятиях). Вариации значений итоговой шкалы вертикального доверия (ВД) приведены к диапазону [0; 1], при этом «1» означает максимальный уровень доверия.

Включенность работников в деятельность организации — стремление оставаться членом организации, характеристика степени субъективной предрасположенности индивида рассматривать проблемы организации, в которой он трудится, как лично значимые, его готовность способствовать успеху организации [Тукумцев Б.Г., 2006, с. 31]. Оценка включенности осуществлялась в соответствии с подходом, предложенным В.Ю. Бочаровым и Б.Г. Тукумцевым (см.: [Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г., 2015]) и формировалась на основе сопоставления характеристик «приверженности работе на предприятии» и «вовлеченности в решение важнейших задач предприятия» путем построения логических индексов.

Приверженность (ПР) оценивалась по дихотомической шкале. Ее индикаторами являются желание работника сохранить место работы на предприятии, а также готовность рекомендовать предприятие для трудоустройства своим знакомым и близким на уровне не менее 9 баллов (по 10-балльной шкале). Индикаторами вовлеченности (ВР) являются осведомленность

¹ Использовалась адаптированная версия методики, перевод и апробация которой выполнена преподавателями кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (А.Е. Кузнецов, И.А. Германов) с привлечением эксперта Е.В. Исаевой (зав. кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации ПГНИУ). В итоговую версию шкалы вошли следующие суждения: *«Руководство нашего предприятия искренне старается прислушиваться к мнению работников», «Нашему руководству можно доверить принятие рациональных решений относительно будущего предприятия», «Наше руководство выполняет свою работу эффективно», «Я уверен (а), что мое руководство всегда будет обращаться со мной по справедливости».*

работников о перспективах и планах предприятия, признание личностно значимым реализацию этих планов, а также готовность проявлять бескорыстную инициативу по содействию в решении важных задач, стоящих перед предприятием. На высокую вовлеченность указывают положительные значения по всем трем индикаторам, на частичную — по одному или двум индикаторам, вывод об отсутствующей вовлеченности делался в случае, когда респондент не выразил позитивной реакции ни на один из указанных показателей.

Корпоративная солидарность рассматривалась как феномен сознания работника, заключающийся в формировании идентичности и диспозиционно-установочной готовности к активным действиям по защите интересов корпорации (организации) [Солидаризация в рабочей среде..., 1998, с. 11–12].

Организационная идентичность (ОИ) предполагает ощущение принадлежности к общности, гордости от членства в ней, чувство близости собственных интересов с интересами других членов общности, ожидание помощи и поддержки со стороны других. Для измерения данного конструкта использовалась шкала суммарных оценок, респондентам были представлены следующие суждения: «Я думаю, что у нас с коллегами много общего», «Мы с коллегами одинаково понимаем, что является самым важным в работе в данный момент», «Сложные вопросы мы с коллегами обычно решаем совместно»,

«Я могу рассчитывать на своих коллег: они окажут мне помощь, если она потребуется» с предложением выразить свое согласие/несогласие (5-балльная шкала) с каждым из них. Итоговый показатель идентичности определялся на основе среднего арифметического значения реакций на отдельные пункты шкалы. Полученная таким образом шкала продемонстрировала довольно высокие показатели надежности (значения альфа Кронбаха по данным опроса на двух предприятиях составляет 0,84–0,89).

Готовность к действиям по защите интересов организации включает принятие личной ответственности за коллективные результаты труда (КО) и стремление прилагать дополнительные усилия во благо организации (СН). Измерение первого элемента осуществлялось с применением логического индекса, отражающего ощущение ответственности работника за работу своего подразделения и предприятия в целом. Индекс (КО) принимает пять возможных значений, соответствующих интенсивности установки от максимального (5) до минимального (1), согласно схеме, представленной в табл. 1. [Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г., 2014]. Для оценок второго элемента использовались реакции респондентов на суждение «Я готов работать больше, чтобы мое предприятие процветало» (5-балльная шкала, где «1» означает полное несогласие, а «5» — полное согласие с суждением).

Таблица 1. Схема формирования значений индекса ответственности за коллективные результаты труда (КО)

Table 1. The scheme of forming the values of the index of responsibility for the collective results of labor (CR)

Чувствуете ли Вы ответственность за результаты работы...		Своего подразделения		
		Скорее да	Скорее нет	Затрудняюсь ответить
Всего предприятия	Скорее да	5	3	5
	Скорее нет	3	1	2
	Затрудняюсь ответить	4	2	3

Субъективная результативность труда — феномен сознания, являющийся отражением результатов собственной трудовой деятельности по показателям производительности, дисциплины труда, самоотдачи, стремления к совершенству результатов работы. В соответствии с подходом, предложенным Г.П. Бессокирной и Г.Г. Татаровой, измерение субъективной результативности труда (СР) осуществлялось путем

построения логического индекса, показывающего оценки степени ответственности за результаты собственного труда и суммарные оценки собственного отношения к работе, преобразованные в пятибалльную шкалу [Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г., 2014] (см. табл. 2). Итоговый индекс варьирует в диапазоне от 1 до 5, где «5» соответствует максимальному, а «1» — минимальному уровню результативности труда.

Таблица 2. Схема формирования значений индекса субъективной результативности труда (СР)

Table 2. The scheme of forming the values of the index of subjective view labor results (SR)

		Суммарный балл оценки результативности работы ²				
		1–2	3–4	5–6	7–8	9–10
Чувствуете ли Вы свою ответственность за работу?	Скорее да	2	2	3	4	5
	Скорее нет	1	1	3	3	3
	Затрудняюсь ответить	1	1	2	4	4

Инновационное поведение — разновидность трудового поведения, направленная на совершенствование исполнения рабочих задач отдельным работником, рабочей группой или на улучшение функционирования организации в целом [Балабанова Е.С. и др., 2019, с. 217]. Он характеризуется посредством индекса (ИП), основанного на самоотчетах респондентов относительно опыта генерации идей и предложений, направленных на повышение эффективно-

сти работы подразделения и усовершенствование процессов на их рабочем месте. Согласованность ответов респондентов оказалась приемлемой (значения коэффициента корреляции Спирмена составило 0,541). Значения индекса варьируются в диапазоне от 0 до 4, где «4» соответствует максимальному уровню инновационной активности работника, а «0» — указывает на ее отсутствие (см. табл. 3).

Таблица 3. Схема формирования значений индекса инновационного поведения (ИП)

Table 3. The scheme of forming the values of the index of innovative behavior (IB)

Как часто за последние три месяца Вы совершали следующие действия?		Вносили усовершенствования в процесс работы, чтобы она могла выполняться лучше и быстрее			
		Ни разу	1–2 раза	3–5 раз	Более 5 раз
Предлагали руководству новые методы, позволяющие сделать работу Вашего подразделения более эффективной	Ни разу	0	1	1	2
	1–2 раза	1	1	2	2
	3–5 раз	1	2	3	3
	Более 5 раз	2	2	3	4

Результаты

Для проверки гипотез о влиянии организационного доверия на установки и поведение работников использовался метод корреляционного анализа. Оценка прямых связей показала, что доверие топ-менеджменту является наиболее значимым предиктором, влияющим на отношение к труду. Более выраженной оказалась связь данного вида доверия с показателями включенности персонала в деятельность предприятия, формированием чувства корпоративной солидарности (r_s Спирмена находится в интервале 0,21–0,43), тогда как связь с поведенческими характеристиками (субъективной результатив-

ностью труда и инновационными практиками) работников оказалась заметно слабее (0,09–0,16), что отражено в табл. 4.

Отношение к менеджменту на среднем уровне управления предприятием (руководители цехов, управлений, департаментов) сопоставимо по силе влияния с доверием высшему руководству. В то же время мнение работников о доброжелательности и компетентности их непосредственных руководителей (линейный менеджмент) про-организационные установки и поведение стимулирует гораздо меньше.

² При расчете суммарного балла использовались ответы респондентов на суждения: «Я справляюсь с выполнением порученных мне заданий», «Я работаю в полной мере своих сил и способностей», показавших высокую согласованность (значение альфа Кронбаха составило 0,716). Два других суждения из оригинальной методики («Я допускаю ошибки, брак в своей работе по своей вине», «Я не стремлюсь добиваться лучших результатов в своей работе») были исключены из анализа в силу их низкой согласованности (значение альфа Кронбаха для четырех суждений составило 0,314).

Таблица 4. Связь организационного доверия с установками и трудовым поведением работников (коэф. ранговой корреляции Спирмена)

Table 4. Correlations between organizational trust and labor attitudes and labor behavior (rs Spearman's)

Показатели доверия	Показатели установок и трудового поведения работников						
	ПР	ВР	ОИ	КО	СН	СР	ИП
Вертикальное доверие — индекс (ВД)	0,31**	0,35**	0,45**	0,25**	0,43**	0,16**	0,12**
Доверие топ-менеджменту (ДВ)	0,24**	0,28**	0,21**	0,23**	0,30**	0,14**	0,09**
Доверие менеджменту среднего уровня (ДС)	0,21**	0,25**	0,23**	0,20**	0,24**	0,13**	0,09**
Доверие линейному менеджменту (ДЛ)	0,16**	0,13**	0,24**	0,09**	0,13**	0,12**	0,03

** Корреляция значима для $\alpha < 0.01$

** Correlation are significant for $\alpha < 0.01$

Учитывая то, что оценки отношения к представителям разного уровня управления связаны (rs Спирмена 0,41–0,62), на втором этапе анализа рассчитывались коэффициенты частной корреляции: связь доверия среднему и линейному менеджменту с установками и поведением работников оценивалась при контроле влияния доверия топ-менеджменту. Часть выделенных ранее связей сохранила свою значимость (выделены полужирным шрифтом — см. табл. 4), хотя и стала менее выраженной (теснота связей доверия среднему менеджменту сократилась до 0,06–0,15; линейному менеджменту — 0,08–0,19).

Характеристики связей организационного доверия, установок и поведения работников при сравнении двух предприятий, выбранных для исследования, практически не различаются, что указывает на устойчивость их взаимодействия. Среди особенностей можно выделить более тесную связь доверия:

- с включенностью в деятельность предприятия, организационной идентичностью и корпоративной солидарностью у мужчин;
- с субъективной результативностью и включенностью у работников старшего поколения (50 лет и более);
- с организационной идентичностью, результативностью труда и желанием прилагать большие усилия ради процветания предприятия у руководящих работников. Однако различия в значениях коэффициентов корреляции не значительны (не более 0,12 пункта).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование подтвердило гипотезы о позитивном влиянии доверия в организации на отношение к труду работников предприятий. Уверенность в доброжелательности и компетентности руководства (в первую очередь топ-менеджмента) стимулирует развитие про-организационных установок: желание сохранить занятость на предприятии, способствовать его успеху, чувство принадлежности к коллективу, стимулирующее взаимопомощь, ответственность за коллективные результаты труда; способствует более высоким показателям производительности труда и проявлению инициативы для совершенствования организации работы на своем рабочем месте и повышению эффективности деятельности подразделения. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что создание условий, способствующих развитию доверия (повышение уровня информированности работников о делах предприятия, выстраивание отношений с работниками на принципах уважения, честности, справедливости, создание поддерживающей среды и др.), может способствовать развитию у персонала качеств, необходимых для внедрения новой техники и технологий и тем самым стимулировать развитие социальной базы модернизационных процессов в экономике в целом.

Список литературы

Балабанова Е.С., Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Сорокин П.С. Инновационное поведение сотрудников российских и иностранных компаний // Вестник Санкт-Петербургского университета.

Социология. 2019. Т. 12, вып. 3. С. 215–233. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.301>

Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г. Идентификация с предприятием: индексы для типологического анализа работников // Официальный сайт ИС РАН. 2014. URL:

<http://www.isras.ru/publ.html?id=3125> (дата обращения: 01.12.2022).

Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г. Идентификация с предприятием: концептуальная модель и инструментарий исследования // Официальный сайт ИС РАН. 2013. URL:

<http://www.isras.ru/publ.html?id=2768> (дата обращения: 01.12.2022).

Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Новые требования к работнику промышленного производства в условиях современной модернизации (социологический анализ) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015.

№ 3(111). С. 45–49.

Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. 172 с.

Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. 570 с.

Леонов Н.И., Леонова И.Ю. Влияние доверия в организации на стратегии поведения сотрудников в конфликтной ситуации // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, вып. 1. С. 53–70.

Солитаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное: сб. ст. / отв. ред. В.А. Ядов. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. 231 с.

Темницкий А.Л. Проблема доверия в отношениях руководства – подчинения как предмет социологического анализа и элемент концепции согласия в российском обществе // Социология и современная Россия / под ред. А.Б. Гофмана. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 167–186.

Темницкий А.Л. Социокультурная модель наемного работника рыночного типа // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. Кн. 2. С. 376–385.

Тукумцев Б.Г. Включенность в организацию // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В.А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. С. 31–32.

Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации: результативность, порядочность, проявление заботы. М.: Дело, 2000. 272 с.

Яхонтова Е.С. Доверие в управлении персоналом. Зарубежные подходы и отечественный опыт

оценки // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 117–122.

Chughtai A.A., Buckley F. Work engagement and its relationship with state and trait trust: a conceptual analysis // Journal of Behavioral and Applied Management. 2008. Vol. 10, iss. 1. P. 47–71. DOI: <https://doi.org/10.21818/001c.17170>

Cook J., Wall T. New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment // Journal of Occupational Psychology. 1980. Vol. 53, iss. 1. P. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1980.tb00005.x>

Creed W.E.D., Miles R.E. Trust in organizations: A conceptual framework linking organizational forms, managerial philosophies, and the opportunity costs of controls // Trust in Organizations: Frontiers of Theory and Research / ed. by R. Kramer, T. Tyler. Thousand Oaks, CA: SAGE, 1996. P. 16–33. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452243610.n2>

Dirks K.T., Ferrin D.L. The role of trust in organizational settings // Organization Science. 2001. Vol. 12, no. 4. P. 450–467. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.12.4.450.10640>

Madsen S.R., Miller D., John C.R. Readiness for organizational change: Do organizational commitment and social relationships in the workplace make a difference? // Human Resource Development Quarterly. 2005. Vol. 16, iss. 2. P. 213–234. DOI: <https://doi.org/10.1002/hrdq.1134>

Miles R.E., Creed W.E.D. Organizational forms and managerial philosophies: A descriptive and analytical review // Research in Organizational Behavior: an Annual Series of Analytical Essays and Critical Reviews / ed. by B.M. Staw, L.L. Cummings. Greenwich, CT: JAI Press, 1995. Vol. 17. P. 333–372.

Neves P., Caetano A. Commitment to change: Contributions to trust in the supervisor and work outcomes // Group and Organization Management. 2009. Vol. 34, iss. 6. P. 623–644. DOI: <https://doi.org/10.1177/1059601109350980>

Robinson S.L. Trust and breach of the psychological contract // Administrative Science Quarterly. 1996. Vol. 41, no. 4. P. 574–599. DOI: <https://doi.org/10.2307/2393868>

Sitkin S.B., Roth N.L. Explaining the limited effectiveness of legalistic «remedies» for trust/distrust // Organizational Science. 1993. Vol. 4, no. 3. P. 345–512. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.4.3.367>

Thau S., Crossley C., Bennett R.J., Sczesny S. The relationship between trust, attachment and antisocial work behaviors // Human Relations. 2007. Vol. 60, iss. 8. P. 1155–1179. DOI: <https://doi.org/10.1177/0018726707081658>

Yong L.M.S. Managing creative people // Journal of Creative Behavior. 1994. Vol. 28, iss. 1. P. 16–22. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.2162-6057.1994.tb00716.x>

References

Balabanova, E.S., Efendiev, A.G., Gogoleva, A.S. and Sorokin, P.S. (2019). [Innovative employee behavior: Evidence from domestic and foreign-owned companies operating in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. Vol. 12, iss. 3, pp. 215–233. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.301>

Bessokirnaya, G.P. and Tatarova, G.G. (2013). [Identification with the enterprise: conceptual model and research tools]. *IS RAS*. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3125> (accessed 01.12.2022).

Bessokirnaya, G.P. and Tatarova, G.G. (2014). *Identifikatsiya s predpriyatiem: indeksy dlya tipologicheskogo analiza rabotnikov* [Identification with the enterprise: indexes for the typological analysis of workers]. *IS RAS*. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2768> (accessed 01.12.2022).

Bocharov, V.Yu. and Tukumtsev, B.G. (2015). [New requirements for an industrial worker in the context of modern modernization (sociological analysis)]. *Teleskop* [Telescope]. No. 3(111), pp. 45–49.

Chughtai, A.A. and Buckley, F. (2008). Work engagement and its relationship with state and trait trust: a conceptual analysis. *Journal of Behavioral and Applied Management*. Vol 10, iss. 1, pp. 47–71. DOI: <https://doi.org/10.21818/001c.17170>

Cook, J. and Wall, T. (1980). New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment. *Journal of Occupational Psychology*. Vol. 53, iss. 1, pp. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1980.tb00005.x>

Creed, W.E.D. and Miles, R.E. (1996). Trust in organizations: A conceptual framework linking organizational forms, managerial philosophies, and the opportunity costs of controls. *R. Kramer, T. Tyler (eds.) Trust in organizations: Frontiers of theory and research*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publ., pp. 16–38. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452243610.n2>

Dirks, K.T. and Ferrin, D.L. (2001). The role of trust in organizational settings. *Organization Science*. Vol. 12, no. 4, pp. 450–467. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.12.4.450.10640>

Kozyreva, P.M. (2011). *Doverie i ego resursy v sovremennoy Rossii* [Trust and its resources in modern Russia]. Moscow: IS RAS Publ., 172 p.

Kupreychenko, A.B. (2008). *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of trust and mistrust]. Moscow: IP RAS Publ., 570 p.

Leonov, N.I. and Leonova, I.Yu. (2016). [The influence of trust in an organization on the strategy of employees behavior in a conflict situation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 26, iss. 1, pp. 53–70.

Madsen, S.R., Miller, D. and John, C.R. (2005). Readiness for organizational change: Do organizational commitment and social relationships in the workplace make a difference? *Human Resource Development Quarterly*. Vol. 16, iss. 2, pp. 213–234. DOI: <https://doi.org/10.1002/hrdq.1134>

Miles, R.E. and Creed, W.E.D. (1995). Organizational forms and managerial philosophies: A descriptive and analytical review. *B.M. Staw, L.L. Cummings (eds.) Research in organizational behavior: an annual series of analytical essays and critical reviews*. Greenwich, CT: JAI Press, vol. 17, pp. 333–372.

Neves, P. and Caetano, A. (2009). Commitment to change: Contributions to trust in the supervisor and work outcomes. *Group and Organization Management*. Vol. 34, iss. 6, pp. 623–644. DOI: <https://doi.org/10.1177/1059601109350980>

Robinson, S.L. (1996). Trust and breach of the psychological contract. *Administrative Science Quarterly*. Vol. 41, no. 4, pp. 574–599. DOI: <https://doi.org/10.2307/2393868>

Shaw, R.B. (2000). *Klyuchi k doveriyu v organizatsii: rezul'tativnost', poryadochnost', proyavleniye zaboty* [Trust in the balance: Building successful organizations on results, integrity, and concern]. Moscow: Delo Publ., Publ., 272 p.

Sitkin, S.B. and Roth, N.L. (1993). Explaining the limited effectiveness of legalistic «remedies» for trust/distrust. *Organizational Science*. Vol. 4, no. 3, pp. 345–512. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.4.3.367>

Temnitskiy, A.L. (2003). [The problem of trust in the relationship of leadership - subordination as a subject of sociological analysis and an element of the concept of consent in Russian society]. *Sotsiologiya i sovremennaya Rossiya, pod red. A.B. Goffmana* [A.B. Goffman (ed.) Sociology and modern Russia]. Moscow: HSE Publ., pp. 167–186.

Temnitskiy, A.L. (2011). [Sociocultural model of a market-type employee]. *XI Mezhdunarodnaya*

nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obschestva: v 3 kn. [11th International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development: in 3 books]. Moscow: HSE Publ., book 2, pp. 376–385.

Thau, S., Crossley, C., Bennett, R.J. and Sczesny, S. (2007). The relationship between trust, attachment and antisocial work behaviors. *Human Relations*. Vol. 60, iss. 8, pp. 1155–1179. DOI: <https://doi.org/10.1177/0018726707081658>

Tukumtsev, B.G. (2006). [Involvement in the organization] *Sotsiologiya truda. Teoretiko-prikladnyy tolkovyy slovar', pod red. V.A. Yadova* [V.A. Yadov (ed.) Sociology of labor. Theoretical and applied ex-

planatory dictionary]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 31–32.

Yadov, V.A. (ed.) (1998). *Solidarizatsiya v rabochey srede: sotsial'noe i individual'noe* [Solidarization in the work environment: social and individual]. Moscow: IS RAS Publ., 231 p.

Yakhontova, E.S. (2004). [Trust in personnel management. Foreign approaches and domestic experience in assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9, pp. 117–122.

Yong, L.M.S. (1994). Managing creative people. *Journal of Creative Behavior*. Vol. 28, iss. 1, pp. 16–22. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.2162-6057.1994.tb00716.x>

Об авторах

Германов Игорь Анатольевич

кандидат социологических наук,
И.о. ректора, доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2338-6693>
ResearcherID: XKH-5783-2023

Лапин Павел Михайлович

специалист 2 категории
Отдела развития и оценки персонала

ООО «Лукойл-Пермь»,
614068, Пермь, ул. Ленина, 62;
e-mail: pah-lap@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3760-8277>
ResearcherID: ABG-7408-2022

About the authors

Igor A. Germanov

Candidate of Sociology, Acting Rector,
Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2338-6693>
ResearcherID: XKH-5783-2023

Pavel M. Lapin

Specialist Department of Assessment
and Development of Personnel

LLC «Lukoil-Perm»,
62, Lenin st., Perm 614068, Russia;
e-mail: pah-lap@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3760-8277>
ResearcherID: ABG-7408-2022

УДК 316.37:615.03–053.9

Поступила: 20.12.2022

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-141-151>

Принята: 22.02.2023

Опубликована: 10.04.2023

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ВРАЧЕЙ И ПОЖИЛЫХ ПАЦИЕНТОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Галкин Константин Александрович

*Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (Санкт-Петербург)*

В статье рассматривается осуществление заботы о пожилых людях в сельской местности в рамках коммуникации между врачами и пациентами, в том числе во время приема. Забота анализируется с двух позиций (с позиции сельских врачей и самих пожилых людей), анализируются их различия. На основании интервью, проведенных в Лужском районе Ленинградской области, предпринята попытка контекстуализировать взгляды на профессиональную заботу со стороны врачей и пожилых людей. Рассматривается то, как в контексте плотной сельской ткани и важности сельских сообществ забота врачей о пожилых людях становится более персонифицированной, и какие особенности такой заботы влияют на профессиональную автономию врачей, на общение, коммуникацию пожилых сельских жителей с медицинскими работниками. Разделение заботы и автономии ставит вопрос о роли сельских врачей в сельском сообществе, а также о специфике заботы, которая является более персонифицированной и транслируется фельдшерами в амбулаториях или ФАПах. Анализ материалов исследования позволил сделать вывод о том, что в рамках коммуникации «врач – пациент» при взаимодействии врачей и пациентов врачи рассматривают заботу как инструментальную возможность для того, чтобы наладить с пожилыми людьми более доверительное общение, взаимодействие. При этом сами пожилые люди остаются неудовлетворенными такой формой заботы. Следует отметить, что более персонифицированную заботу транслируют сельские фельдшеры и врачи, наиболее интегрированные в сельское сообщество, и являющиеся его важной частью, что обуславливает специфику в особенностях заботы о пожилых людях у разных профессионалов.

Ключевые слова: пожилые люди, сельские врачи, коммуникация «врач – пациент», забота о здоровье, сельская медицина.

Для цитирования:

Галкин К.А. Особенности взаимодействий врачей и пожилых пациентов в сельской местности на примере Ленинградской области // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 141–151.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-141-151>

SPECIFIC FEATURES OF INTERACTION BETWEEN DOCTORS AND ELDERLY PATIENTS IN RURAL AREAS (A CASE STUDY OF THE LENINGRAD REGION)

Konstantin A. Galkin

*Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)*

The article deals with care for older people in rural areas as part of communication between doctors and patients, including during appointments. Care is analyzed from two positions (from the position of rural doctors and the elderly themselves), their differences are analyzed. Basing on interviews conducted in the Luzhsky district of the Leningrad region, the paper makes an attempt to contextualize views on professional care from both sides. The article examines how, in the context of the «dense texture» and importance of rural communities, doctoral care for older people becomes more personalized and what features of such care affect the professional autonomy of doctors, the communication of older rural residents with medical professionals. The separation of care and autonomy raises the question of the role of rural doctors in the rural community as well as the specific features of care, which is more personalized and shown by paramedics at rural outpatient clinics or first aid stations. The paper concludes that within the framework of doctor – patient communication, when doctors and patients interact, doctors consider care as an instrumental opportunity to establish more trusting communication, interaction with the elderly. However, the elderly themselves remain dissatisfied with this form of care. More personalized care is provided by rural paramedics and doctors, who are most integrated into the rural community and are an important part of it, which determines the specific features of care for older people provided by different professionals.

Keywords: older people, elderly, rural doctors, doctor – patient communication, health care, rural medicine.

To cite:

Galkin K.A. [Specific features of interaction between doctors and elderly patients in rural areas (a case study of the Leningrad Region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 141–151 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-141-151>

Введение

Неотъемлемым фактором благополучия и равных прав в развитии общества выступает возможность получения необходимых медицинских услуг. Медицинская помощь направлена на удовлетворение первичных потребностей человека, на снижение смертности, на сохранение его здоровья. Плеяда исследований, посвященных изучению современной медпомощи, показывает положительный эффект от развития и предоставления качественной медицинской помощи на здоровье людей, на улучшение здравоохранения и демографической ситуации

в целом [Панова Л.В. и др., 2005; Русинова Н.Л. и др., 2007; Starfield B. et al., 2005].

Рассматривая региональные контексты, следует отметить явную неоднородность в возможностях получения качественной медицинской помощи, в том числе первичной, которая часто выступает одним из важнейших жизненных условий для жителей тех или иных районов [Савельева Ж.В. и др., 2018; Меренков А.В. и др., 2017; Lopez-Casasnovas G. et al., 2005]. Прежде всего она характерна для городских и сельских территорий, где влияет на специфику доступа к первичной медицинской помощи для разных групп населения. Так, в отличие от относительно развитой системы медицинской

помощи, характерной для крупных городов и включающей в себя систему поликлиник и больниц, оборудование и квалифицированный медицинский персонал для проведения исследований и операций, в сельской местности ареал обслуживания одной медицинской единицы — ФАПа (фельдшерско-акушерского пункта) или амбулатории — может достигать 20 км и более в зависимости от района и региона [Галкин К.А., 2022; Гричик А.С. и др., 2021].

Таким образом, проблема доступа пожилых людей к первичной медицинской помощи в селах привлекает внимание как в контексте проведения реформы здравоохранения, так и исходя из развития проектов, в которых закрепляется важность диспансеризации и проведения своевременного лечения пожилых людей (это такие проекты, как «Старшее поколение»¹, национальный проект «Демография»²). Между тем существует явный дисбаланс между заявленными возможностями для поддержания здоровья пожилых людей, развитием системы медицинской помощи и реальным положением дел. Последнее отличается тем, что пожилые люди в российских селах не могут получить квалифицированную консультацию врачей и должную медицинскую помощь. А не оказанная вовремя первичная медицинская помощь, как показывают данные медицинских исследований и статистики, нередко влечет за собой преждевременную смерть [Потокина С.А., 2021; Смыслова О.Ю., 2022]. Это относится главным образом к так называемым группам риска; одной из них являются пожилые люди старше 65 лет, которые имеют больше шансов заболеть сердечно-сосудистыми заболеваниями (а отсутствие быстрой и квалифицированной медицинской помощи лишь усиливает это).

Сегодня существует большой спектр исследований (преимущественно зарубежных), посвященных тому, как различные факторы препятствуют или, наоборот, способствуют получению пожилыми людьми первичной медицинской помощи. В то же время исследования, направленные на изучение индивидуальных

особенностей восприятия самими пожилыми людьми специфики неравенств в рамках получения медицинской помощи, как правило, остаются за кадром. Помимо различных объективных критериев, важной составляющей выступает и то, что пожилые люди сами моделируют необходимость получения медицинской помощи [Şahin D.S. et al., 2019; Valtorta N.K. et al., 2018].

В рамках настоящей статьи мы рассматриваем особую форму заботы, которая транслируется сельскими врачами — это профессиональная забота, профессиональный уход. В отличие от других форм заботы (в частности, такой формы, как работа, которую осуществляют по отношению к пожилому человеку социальные работники или в отдельных случаях профессиональные сиделки, а также персонал домов-интернатов), забота врачей и фельдшеров медицинской амбулатории предполагает наличие специальных профессиональных знаний и навыков, а также обучение медицинской помощи, в которую входит и уход за пожилыми [Conrad P. et al., 2010].

При понимании заботы с позиции врачей или фельдшеров немаловажным выступает и рассмотрение этого концепта с точки зрения преодоления профессионального выгорания и дозированной эмпатии, преодоления чрезмерной идентификации медицинского специалиста с пациентом. Кроме того, в контексте сегодняшнего развития медицины и необходимых мер, способов и особенностей лечения пациентов значимым выступает и умение быстро переключать внимание с заботы о пациенте на работу с документами и различные бюрократические процедуры [Бороздина Е.А., 2010]. Как отмечают многие социальные исследователи медицины, взаимодействие врачей и пациентов не предполагает сильной эмпатии и продолжительного контакта, поэтому даже лечение относительно продолжительных или хронических заболеваний, как правило, представляет собой фрагментарное взаимодействие с пациентами при отсутствии длительных контактов, длительной коммуникации [May C. et al., 2004; Panagioti M. et al., 2018; Pauly B. et al., 2019].

В настоящем исследовании мы фокусируемся на изучении заботы врачей о пожилых людях в повседневной жизни последних. Мы рассматриваем заботу как одну из форм отноше-

¹ Федерального проект «Старшее поколение»: https://xn--80aарамреччfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/starshhee_pokolenie

² Национальный проект «Демография»: <https://xn--80aарамреччfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya>

ния пожилых людей к своему собственному здоровью, через которую формируется взаимодействие с агентами — медицинским персоналом. Важной характеристикой выступает индивидуальное понимание заботы, которая наряду с объективными факторами (инфраструктурным дефицитом, присутствующим в сельской местности, и качеством оказания медицинских услуг, медицинской помощи) способствует пониманию взаимодействия сельских пожилых жителей с сельскими врачами, сельским медицинским персоналом. Само обращение за медицинской помощью мы рассматриваем в контексте взаимодействия двух агентов: агентов заботы (медицинского персонала, фельдшеров и врачей сельских учреждений) и получателей заботы (самих пожилых жителей, проживающих в сельской местности). Рассматривая специфику российского сельского контекста, ученые отмечают, что основными провайдерами ухода, которые обеспечивают заботу о пожилых людях, выступают социальные работники (соседи, врачи и фельдшеры также могут быть интегрированы в систему заботы, но только в том случае, если они сами интегрированы в местное сообщество). Отмечается, что важную роль здесь играет именно неформальная помощь, неформальная забота о пожилых людях, а также то, как устроена система формальной помощи. В работах отмечается, что доверие (а нередко и его отсутствие) к формальной помощи может выступать прецедентом для отказа пожилых людей от такой помощи, а также ориентиром на неформальную помощь, прежде всего на помощь местного, локального сообщества [Парфенова О.А., Петухова И.С., 2019; Богданова Е.А., 2019].

Таким образом, понимание особенностей заботы о пожилых людях в сельской местности обусловлено аналитическими выводами, полученными в публикациях, в которых отмечается, что сами пожилые люди в селах уделяют большее внимание именно неформальной помощи, в то время как инструментальная и ограниченная помощь, забота без коммуникации и терапевтического общения создают сложности получения пожилыми людьми такой формы заботы, что впоследствии вызывает нежелание пожилых людей обращаться к ней.

Исходя из ограничений, присущих профессиональной автономии врачей и фельдшеров,

работающих в сельской местности, следует отметить, что врачебная забота постоянно балансирует между терапевтическим общением, лояльностью, эмпатией, свойственной сельскому сообществу, и идентичностью врача, которую характеризуют следующие позиции: медиализированность взаимодействия с пациентами; отсутствие продолжительного общения и коммуникации с пациентами [Галкин К.А., 2018]. Таким образом, работа сельского врача, в особенности аспекты его деятельности с пожилыми людьми, сочетает в себе две роли: профессиональную роль (предписывающую достаточно ограниченную коммуникацию и ограниченные взаимодействия) и роль врача как члена местного сообщества (ориентированную на трансляцию заботы в сельском сообществе, а нередко и на неформальные практики).

Мы рассматриваем заботу как одну из форм отношения пожилых людей к своему собственному здоровью, через которую формируется взаимодействие с агентами — медицинским персоналом. Важной характеристикой выступает индивидуальное понимание заботы, которая наряду с объективными факторами (инфраструктурным дефицитом, присутствующим в сельской местности, и качеством оказания медицинских услуг, медицинской помощи) способствует пониманию взаимодействия сельских пожилых жителей с сельскими врачами, сельским медицинским персоналом. Само обращение за медицинской помощью мы рассматриваем в контексте взаимодействия двух агентов: агентов заботы (медицинского персонала, фельдшеров и врачей сельских учреждений) и получателей заботы (самих пожилых жителей, проживающих в сельской местности).

Представленный в настоящей работе подход к рассмотрению заботы с двух сторон является инновационным, т.к. в большинстве работ, посвященных заботе о пожилых людях, сама забота рассматривается преимущественно с позиций агентов заботы (врачей и социальных работников). Мы же концентрируемся на том, как распределяются функции заботы между двумя агентами и в какой степени представления о заботе у пожилых людей соответствуют представлениям о заботе у врачей и фельдшеров ФАПов и амбулаторий. Также мы рассматриваем, как врачи, придерживающиеся «заботливого» подхода (который включает в себя особый

тип коммуникации и наиболее комфортные терапевтические проявления заботы, нередко характерны для сел), совмещают такую заботу с бюрократизированностью и чрезмерной институционализацией в рамках взаимодействия, общения с пожилыми пациентами (это, в сущности, характерно для работы врачей в целом, и сельская местность не представляется исключением из правил).

Методология и эмпирическая база

Исследование проводилось с марта по август 2022 г. Всего было проведено 20 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми и 15 полуструктурированных интервью с сельскими врачами. Средняя длительность интервью — 45–50 мин. Почти все работники ФАПов и амбулаторий являются врачами и фельдшерами. Непрерывный стаж работы в медицинском учреждении сельской местности варьируется от 1 года до 20 лет. Чаще всего информанты называли себя сельскими врачами, подчеркивая тем самым принадлежность к сельской местности, включенность в сельскую жизнь в качестве медицинского профессионала. Исследование проводилось в одном субъекте Российской Федерации — Ленинградской области (Лужский район). Этот выбор методологически обоснован тем, что указанный район, с одной стороны, находится близко к городу федерального значения (что обеспечивает приток в район городских врачей, не имеющих опыта работы в сельской местности), а с другой стороны, удален от Петербурга на расстояние более 100 км (что позволяет рассматривать его как место, где формируется отдельный контекст сельского сообщества, обусловленный достаточно плотной социальной тканью сел и особой реципрокностью в рамках коммуникации, общения, взаимодействия врачей с пациентами). Названия деревень, в которых проводилось исследование, не разглашаются в целях сохранения анонимности информантов. Выборка исследования формировалась с учетом максимальной вариации.

На заботу врачей о пациентах, на их взаимодействие влияют разные факторы: личные взаимоотношения, коммуникация, местоположение медицинского учреждения и его укомплектованность персоналом. Для того, чтобы наиболее полно рассмотреть представленную

картину, интервью в рамках исследования брались у врачей, имеющих разный возраст, стаж работы и степень включенности в локальное сельское сообщество. Пожилые люди, в свою очередь, имели большой опыт проживания в исследуемых районах и различные трудности со здоровьем, обусловленные прежде всего теми или иными хроническими заболеваниями.

Нарративы интервью с врачами и пожилыми людьми анализировались с применением метода тематического анализа, в рамках которого выделялись ключевые темы, такие как: коммуникация и взаимодействие с врачами; включенность врачей в сельское сообщество; забота о пожилых пациентах; этические дилеммы; лояльность к пациентам; роль сельского сообщества в заботе о пожилым человеком. Представленные темы легли в основу представленного в статье аналитического описания.

Результаты и обсуждение

Такие особенности, как внимание, коммуникация и попытки понять пожилого пациента, рассматривались в интервью как присущие преимущественно фельдшерам и среднему медицинскому персоналу. Некоторые работающие в сельской местности фельдшеры позиционировали свою работу как специфическую, в первую очередь исходя из особенностей и специфики сельского контекста, плотных социальных связей, характерных именно для сел. Так, в одном интервью сельский фельдшер ФАПа разводил два понятия: «профессионал» и «отзывчивый, заботливый человек, интегрированный в заботу о пожилых и старающийся помочь им»:

«Здесь по-другому и нельзя. Это в городе — с его постоянным ритмом жизни, скоростью, уймой транспорта — ты теряешься, ты пациенту уже не друг, а словно компьютер: что-то делаешь и уходишь. А здесь, особенно если говорить о пожилых пациентах, без помощи, по правде говоря, вообще почти никуда. Потому что если ты не сможешь помочь или будешь как-то не так, т.е. наплевательски разговаривать с человеком, относиться к нему, то потом только на себя и обижайся. Ты тогда не житель села, а самое главное, не медик, который может быть пациенту другом» (ж., 51, фельдшер, село, Ленинградская область).

Представление о медицинском персонале как о друге, человеке, интегрированного в сельский контекст и более персонифицированную коммуникацию между врачом и пациентом, характерную для сельской местности, предполагает выстраивание доверительных отношений, в рамках которых важную роль играет забота о пациенте. В то же время сами медицинские работники стараются подчеркнуть свой профессиональный статус, маркируя его пониманием специфики коммуникации, общения и взаимодействия с сельскими пациентами, которое диктует сельская среда. Информанты отмечали, что умение распознать и выстроить коммуникацию в зависимости от подобного контекста — важный профессиональный навык медицинского работника на селе. При этом понимание заботы как части работы предписывается именно фельдшерам. Врачи же в большей степени склонны сохранять при коммуникации более профессиональные режимы (однако некоторые врачи, преимущественно с большим стажем работы, отмечали в интервью готовность сопереживать и выстраивать индивидуальный подход при взаимодействии с пожилыми пациентами):

«Я здесь работаю уже одиннадцать лет и многое замечал за это время. Да, конечно, самое главное — это то, что ты врач и должен постоянно подчеркивать свой статус. Но если к тебе приходит бабушка, которая одна-одинешенька живет и у которой дети неизвестно где, с жалобами на боль в суставах, то, помимо оказания ей посильной помощи, ты все равно с ней говоришь, и говоришь много: и о хозяйстве, и об огороде, и о погоде. И так работа намного быстрее идет, потому что это тоже часть работы, без этого никуда» (м., 48, село, Ленинградская область).

В отличие от среднего медицинского персонала и фельдшеров, врачи, работающие в сельской местности, склонны более осторожно проявлять заботу к пожилым людям. Такой подход связан преимущественно с тем, что чрезмерная забота о пожилых и попытка стать для пациента другом или родственником может быть негативно оценена коллегами. Это, в свою очередь, может отрицательно повлиять на статус эксперта-врача в медицинском сообществе, кото-

рый, как правило, закрепляется за единственным врачом амбулатории или ФАПа и связан с доверием всего местного сообщества, а нередко и с пониманием того, что врач выступает в сельской местности единственным спасителем ввиду удаленности других медицинских учреждений. Заботливое отношение улучшает коммуникацию и понимание между врачами и пожилыми людьми:

«У нас здесь врачиха есть, она хорошая. Когда ты к ней приходишь, то нет такого, как в областной больнице, когда тебе тычут бумагой в рожу (мол, иди анализы сдавай и еще благодари, если слова найдутся). Наши врач всегда пытается спросить о чем-либо и помочь. Да и вообще, когда ты к ней приходишь на прием, она для тебя что-то вроде родственницы или соседки. Т.е. на приеме все очень душевно и хорошо, сама атмосфера, таким образом, располагает к общению» (ж., 87, инфаркт, село, Ленинградская область).

В рамках анализа интервью и описания заботы врачей пожилые люди отмечали, что забота крайне важна для выстраивания коммуникации, налаживания диалога, более доверительного общения и повествования о своем заболевании, она укрепляет желание обращаться в амбулатории, в особенности учитывая тот факт, что большинство информантов — пожилые люди — оценивали качество и условия сельской медицины как крайне неблагоприятные.

Сами врачи оценивали заботу как то, что должно быть в большей степени присуще среднему медицинскому персоналу и фельдшерам. Для врачей важной в проявлении заботы была именно способность создать для пожилых пациентов во время приема приятные коммуникационные условия, выстроить с ними доверительные отношения и, таким образом, узнать больше о болезни. Основываясь на полученном материале для исследования, можно сделать вывод о том, что врачи, имеющие высшее профессиональное образование, подходят к процедурам и проявлению заботы более формально, а специфика самой заботы обыкновенно сводится к общению, к пониманию важности коммуникации с пациентами. В целом общение врачей и пожилых пациентов можно оценивать исходя

из ситуации профессионального ухода и деонтологии, а именно как общение, которое необходимо для того, чтобы узнать больше о заболевании и выбрать наиболее оптимальный способ его лечения. При этом в зависимости от стажа работы в сельской местности и интегрированности в местное сообщество у врачей начинают складываться особые нормы и формы коммуникации, в рамках которых по-разному проявляется забота. Как правило, здесь налицо перекося в сторону более персонифицированной заботы, размывания или смещения профессиональных ролей, развития максимально комфортных и доверительных отношений с пожилыми пациентами. У тех врачей, которые имеют небольшой стаж работы в сельском сообществе, проявление заботы в рамках коммуникации обычно транслируется на средний медицинский персонал, медицинских сестер и фельдшеров. Между тем врачи стараются минимизировать эмоции при проявлении заботы, и коммуникация выступает здесь способом получения необходимой информации, общения и, как отмечали в интервью информанты, «расположения пациента к себе». В то же время формы заботы, которые проявляются вербально, как подчеркивали пожилые пациенты, крайне важны для того, чтобы доверять врачам, и для того, чтобы понимать, что сами врачи разговаривают с пациентом и назначают необходимые процедуры не механистично, а вовлечены в его проблемы и готовы ему помочь.

При изучении подходов к лечению заболеваний и проявлению заботы врачей о пожилых людях в периоды заболеваний примечательно то, что эти лечение и забота выражаются в первую очередь в словах поддержки в ходе диалога. Здесь поддержка, выражающая заботу, выступает инструментом, который способствует облегчению вызванных заболеванием болевых ощущений, а также помогает перенести временные трудности, связанные с ожиданием приезда «скорой помощи» в случае резкого ухудшения самочувствия:

«Я живу в трех домах от Галины Васильевны. Она гипертоник, и у нее часто прыгает давление. Тогда она лежит ни живая ни мертвая. Так что хочешь не хочешь, а идти к ней и помогать ей нужно, даже если ты работать уже закончила и, что называется, си-

дишь дома и чай с пирожками пьешь. Подругому и никак, это важно и значимо, т.к. мы все здесь живем. Я ей таблетки дам и скорую дожжусь, а она этому рада, и не иначе» (ж., 57, врач, амбулатория, село, Ленинградская область).

Подобное проявление заботы выступает для пожилых людей (в случае резкого ухудшения их самочувствия) своеобразным лекарством, которое так же, как и лекарства, которые принимают пожилые, позволяет понять и почувствовать: в данный момент они (пожилые пациенты) не одни. Следовательно, эта поддержка становится весомой, она позволяет скоротать время до приезда скорой помощи, в целом повышает доверие при лечении, использовании необходимых медицинских процедур:

«Если не фельдшер, то кто?.. Хорошо, что это деревня, здесь все живут рядом и в принципе хорошо друг друга знают. Следовательно, важно, что, когда тебе плохо, ты можешь достаточно легко позвонить и вызвать фельдшера. А то я ведь здесь одна и порой даже давление себе измерить не могу. Общение с фельдшером заменяет тебе прогулки на природе или смотрение в окно, потому что когда ты одинока, то любому человеку в любое время рада» (ж., 75, ишемическая болезнь сердца, село, Ленинградская область).

В данной ситуации дозированная инструментальная забота, которая транслируется врачами (реже — фельдшерами), соприкасается с представлениями об эмоциональном отношении и доверии, т.е. представлениями о некоей идеальной модели заботы, существующей у пожилых сельских жителей. В экстренных ситуациях проявление гуманизма и активно выраженной заботы о пациентах часть информантов — участников исследования считала неотъемлемой частью своей профессиональной деятельности. Характерным здесь выступает то, что в экстренных случаях при ухудшении заболевания, врач обращает внимание как на физическую боль и недомогание, так и на субъективные переживания пациентов, проявляя таким образом эмпатию, создавая отклик на происходящее. А для медицинских работников такой отклик важен скорее с позиции достижения

некоторого блага, а именно обезболивания или минимизации кризисных состояний здоровья.

«Все-таки кризисы — это состояния особые. Да и все пациенты, чего греха таить, тоже люди особые. И, следовательно, необходим особый подход к лечению заболевания. Это на приеме ты можешь или промолчать, или голову отвести и в работу погрузиться, — сделать видимость того, что ты их (своих пациентов. — К.Г.) не замечаешь. А здесь так не может получиться. Вот поэтому и приходится так или иначе реагировать на то, что происходит, поддерживать людей, иногда и по руке гладить, — в общем, не быть безучастным. А иначе никак, такова наша работа. А здесь, в селе, это вдвойне мой принцип: если человеку плохо, то будь максимально открытым с ним» (м., 48, фельдшер, село, Ленинградская область).

Можно сделать вывод, что через активное проявление заботы устанавливается более тесный контакт с пожилым пациентом. В экстренных ситуациях информанты определяли проявление заботы как некий долг, обязательство, выполнение которого накладывает особый контекст сельской жизни. В то же время забота в такие экстренные моменты выступает для врачей и фельдшеров одной из возможностей контролировать ситуацию, контролировать эмоции пожилых пациентов, которые, как правило, связаны с болью. При этом сами врачи отмечали, что во время ухудшения самочувствия пациентов немаловажным является сохранение нейтральности и проявление заботы, что позволяет и пациенту отвлечься от общего эмоционального фона, а врачу — быть профессионально нейтральным при назначении тех или иных лекарств.

Заключение

Осуществляемая форма заботы со стороны сельских врачей выступает определенной мерой автономности, а для пожилых сельских жителей она выступает ни много ни мало эквивалентом доверия сельским врачам. Забота о пожилых людях со стороны врачей на селе выступает формой проявления различных аспектов деятельности врача как профессионала и сельского резидента. В аспекте гуманности профессиональные особенности врача или

фельдшера пересекаются с часто приписываемыми им качествами медицинского профессионала на селе. Однако в большинстве случаев проявление врачами заботы о пожилых пациентах выступает скорее частью процесса лечения. Именно через формы заботы врачи могут улучшить, наладить коммуникацию с пожилыми людьми, получить от них необходимое доверие, которое довольно сложно выстроить, в особенности если врач только недавно приехал работать в сельскую местность.

Получается, что проявление заботы врача о пожилым пациенте главным образом связано с поддержанием контроля над ситуацией в экстренных случаях, с попытками сохранения профессиональной автономии, помещенной, однако, в специфический сельский контекст деятельности. Понимание заботы у большинства сельских врачей и пожилых людей — участников настоящего исследования — взаимоисключающие элементы, которые нередко противоречат друг другу; однако пожилые люди, проживающие в сельской местности, принимают такую форму заботы ввиду отсутствия у них возможного выбора других форм.

Готовность сельских медицинских специалистов, в первую очередь врачей, к проявлению заботы выступает одной из форм профессиональной дифференциации, и чрезмерная забота воспринимается как посягательство на профессиональную автономию. Тем не менее такие проявления минимизируются, исходя из зависимости от интегрированности в сельское сообщество, от специфики роли врача в сельском сообществе. Для фельдшеров, не имеющих высшего медицинского образования, проявление заботы выступает неотъемлемой частью профессиональной деятельности, и, следовательно, оно связано с работой в сельской местности. Отсутствие проявления заботы и безучастие со стороны фельдшеров выступают элементами отстранения из сельского сообщества и, как отмечали информанты, неуважения к пожилым людям.

Следует отметить, что недоверие пожилых людей к сельской медицине и сельским врачам вызывает прежде всего инструментализм в проявлении заботы, что приводит к отсутствию полноценной заботы. Это воспринималось сельскими пациентами как часть пренебрежительного отношения. В целом инструменталь-

ный компонент заботы, характерный для коммуникации и взаимодействия между сельскими врачами и пожилыми пациентами, свойственен и представителям других профессий, направленных на предоставление помощи, а именно для социальных работников, работающих в сельской местности. В последнем случае данный компонент также создает сложности с восприятием заботы пожилыми людьми. Поэтому можно говорить о наличии важной связи между заботой о пожилых людях со стороны врачей и в целом обращением пожилых за медицинской помощью для лечения заболеваний, минимизации болевых ощущений, устранения иных возникающих трудностей со здоровьем.

Список литературы

- Богданова Е.А.* Режим заботы о пожилых маломобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального исключения // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства: сб. ст. / под ред. Е.А. Бороздиной, Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2019. С. 277–310.
- Бороздина Е.А.* На приеме у гинеколога: забота как составляющая профессиональной деятельности врача // Женщина в российском обществе. 2010. № 1(54). С. 77–90.
- Галкин К.А.* Особенности социальных неравенств в здоровье пожилых людей в России и Европе: обзор исследований // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2022. Т. 47, № 1. С. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.52575/2712-746x-2022-47-1-14-22>
- Галкин К.А.* Профессия, сообщество и повседневность в нарративах молодых сельских врачей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 3(51). С. 134–142.
- Гричик А.С., Борисова Е.А., Савельев В.Н.* Социальная эффективность медицинской помощи среди городских и сельских жителей // *Modern Science.* 2021. № 5–4. С. 37–40.
- Меренков А.В., Антонова Н.Л., Клейменов М.В.* Социальное неравенство в системе медицинского обслуживания на селе // Журнал научных статей «Здоровье и образование в XXI веке». 2017. Т. 19, № 10. С. 397–399. DOI: <https://doi.org/10.26787/nydha-2226-7425-2017-19-10-397-399>
- Панова Л.В., Русинова Н.Л.* Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 127–135.
- Парфенова О.А., Петухова И.С.* Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4(152). С. 173–186. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>
- Потокина С.А.* Обеспеченность услугами здравоохранения сельских жителей Центральной России // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики: материалы X Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.А. Бурмистрова и др.; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 253–263.
- Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В.* Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов и социальной среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10, № 1. С. 140–161.
- Савельева Ж.В., Музитовна Л., Кузнецова И.Б.* Социальная справедливость в здравоохранении: опыт и оценки россиян // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 3. С. 154–179. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2018-27-3-154-179>
- Смыслова О.Ю.* Стратегические направления повышения уровня и качества жизни населения сельских территорий России // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2022. Т. 15, № 3(74). С. 141–155. DOI: https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_3_141
- Conrad P., Mackie T., Mehrotra A.* Estimating the costs of medicalization // *Social Science & Medicine.* 2010. Vol. 70, iss. 12. P. 1943–1947. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.02.019>
- Lopez-Casasnovas G., Costa-Font J., Planas I.* Diversity and regional inequalities in the Spanish «system of health care services» // *Health economics.* 2005. Vol. 14, iss. S1. P. 221–235. DOI: <https://doi.org/10.1002/hec.1038>
- May C., Allison G., Chapple A., Chew-Graham C. et al.* Framing the doctor- patient relationship in chronic illness: a comparative study of general practitioners' accounts // *Sociology of health & illness.* 2004. Vol. 26, iss. 2. P. 135–158. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2004.00384.x>
- Panagiotti M., Geraghty K., Johnson J., Zhou A. et al.* Association between physician burnout and patient safety, professionalism, and patient satisfaction: a systematic review and meta-analysis // *JAMA internal medicine.* 2018. Vol. 178, iss. 10. P. 1317–

1331. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2018.3713>

Pauly B., Urbanoski K., Hartney E., Shahram S. et al. What is missing from «Patient-Oriented Research?» A view from public health systems and services // *Healthcare Policy*. 2019. Vol. 15, iss. 2. P. 10–19. DOI:

<https://doi.org/10.12927/hcpol.2019.26075>

Şahin D.S., Özer Ö., Yanardağ M.Z. Perceived social support, quality of life and satisfaction with life in elderly people // *Educational Gerontology*. 2019. Vol. 45, iss. 1. P. 69–77. DOI:

<https://doi.org/10.1080/03601277.2019.1585065>

Starfield B., Shi L., Macinko J. Contribution of primary care to health systems and health // *The milbank quarterly*. 2005. Vol. 83, iss. 3. P. 457–502. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2005.00409.x>

Valtorta N.K., Collingridge Moore D., Barron L., Stow D., Hanratty B. Older adults' social relationships and health care utilization: a systematic review // *American Journal of Public Health*. 2018. Vol. 108, no. 4. URL: <https://ajph.aphapublications.org/doi/full/10.2105/AJPH.2017.304256> (accessed: 06.12.2022). DOI: <https://doi.org/10.2105/ajph.2017.304256>

References

Bogdanova, E.A. (2019). [The care regime for elderly people with limited mobility in peripheral settlements: successes and failures in overcoming social exclusion]. *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty: perekrestki sotsial'nogo neravenstva, pod red. E.A. Borozdinoy, E.A. Zdravomyslovoy, A.A. Temkinoy* [E.A. Borozdina, E.A. Zdravomyslova, A.A. Temkina (eds.) Critical sociology of care: Intersections of social inequality]. St. Petersburg: EUSP Publ., pp. 277–310.

Borozdina, E.A. (2010). [At a gynecologist's appointment: care as a component of a doctor's professional activity]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 1(54), pp. 77–90.

Conrad, P., Mackie, T. and Mehrotra, A. (2010). Estimating the costs of medicalization. *Social Science & Medicine*. Vol. 70, iss. 12, pp. 1943–1947. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.02.019>

Galkin, K.A. (2018). [Profession, community and everyday life in the narratives of young rural doctors]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 3(51), pp. 134–142.

Galkin, K.A. (2022). [Features of social inequalities in the health of elderly people in Russia and Europe: research review]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. Vol. 47, no. 1, pp. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.52575/2712-746x-2022-47-1-14-22>

Grichik, A.S., Borisova, E.A., Savel'ev, V.N. (2021). [Social efficiency of medical care among urban and rural residents]. *Modern Science*. No. 5–4, pp. 37–40.

Lopez- Casanovas, G., Costa- Font, J. and Planas, I. (2005). Diversity and regional inequalities in the Spanish «system of health care services». *Health Economics*. Vol. 14, iss. S1, pp. 221–235. DOI: <https://doi.org/10.1002/hec.1038>

May, C., Allison, G., Chapple, A., Chew-Graham, C. et al. (2004). Framing the doctor-patient relationship in chronic illness: a comparative study of general practitioners' accounts. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 26, iss. 2, pp. 135–158. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2004.00384.x>

Merenkov, A.V., Antonova, N.L. and Kleimenov, M.V. (2017). [Social inequality in medical service system of rural areas]. *Mediko-farmatsevticheskiy zhurnal «Pul's»* [Medical & Pharmaceutical Journal «Pulse»]. Vol. 19, no. 10, pp. 397–399. DOI: <https://doi.org/10.26787/nydha-2226-7425-2017-19-10-397-399>

Panagiotti, M., Geraghty, K., Johnson, J., Zhou, A. et al. (2018). Association between physician burnout and patient safety, professionalism, and patient satisfaction: a systematic review and meta-analysis. *JAMA Internal Medicine*. Vol. 178, iss. 10, pp. 1317–1331. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2018.3713>

Panova, L.V. and Rusinova, N.L. (2005). [Inequalities in access to primary health care]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6, pp. 127–135.

Parfenova, O.A. and Petukhova, I.S. (2019). [Competition for the care of the elderly: strategies of social services in the new environment]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4(152), pp. 173–186. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>

Pauly, B., Urbanoski, K., Hartney, E., Shahram, S. et al. (2019). What is missing from «Patient-Oriented Research?» A view from public health systems and services. *Healthcare Policy*. Vol. 15, iss. 2, pp. 10–19. DOI: <https://doi.org/10.12927/hcpol.2019.26075>

Potokina, S.A. (2021). [Provision of health services to rural residents of Central Russia]. *Global'nye problemy modernizatsii natsional'noy ekonomiki: materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Global problems of modernization of the national economy: Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference]. Tambov: «Derzhavinskiy» Publ., pp. 253–263.

Rusinova, N.L., Panova, L.V. and Safronov, V.V. (2007). [Life expectancy in the regions of Russia: the importance of economic factors and the social environment]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 10, no. 1, pp. 140–161.

Şahin, D.S., Özer, Ö. and Yanardağ, M.Z. (2019). Perceived social support, quality of life and satisfaction with life in elderly people. *Educational Gerontology*. Vol. 45, iss. 1, pp. 69–77. DOI: <https://doi.org/10.1080/03601277.2019.1585065>

Savel'eva, Zh.V., Muzipovna, L. and Kuznetsova, I.B. (2018). [Social justice in healthcare: experience and Judgments of Russians]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 27, no. 3, pp. 154–179.

DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2018-27-3-154-179>

Smyslova, O.Yu. (2022). [Strategic directions for living standards and quality of life of the population of rural areas of Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Vestnik of Voronezh State Agrarian University]. Vol. 15, no. 3(74), pp. 141–155. DOI: https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_3_141

Starfield, B., Shi, L. and Macinko, J. (2005). Contribution of primary care to health systems and health. *The Milbank Quarterly*. Vol. 83, iss. 3, pp. 457–502. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2005.00409.x>

Valtorta, N.K., Collingridge Moore, D., Barron, L., Stow, D., Hanratty, B. (2018). Older adults' social relationships and health care utilization: a systematic review. *American Journal of Public Health*. Vol. 108, no. 4. Available at: <https://ajph.aphapublications.org/doi/full/10.2105/AJPH.2017.304256> (accessed 06.12.2022). DOI: <https://doi.org/10.2105/ajph.2017.304256>

Об авторах

Галкин Константин Александрович

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, 25/14;
e-mail: kgalkin1989@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>
ResearcherID: A-8784-2016

About the authors

Konstantin A. Galkin

Candidate of Sociology, Senior Researcher

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., Saint Petersburg, 190005, Russia;
e-mail: kgalkin1989@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>
ResearcherID: A-8784-2016

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать 0 (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде вневдренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Берсенева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 в *алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «>», «←», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennnye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID и ResearchID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/> и <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы подаются авторами посредством платформы Open Journal System по адресу <https://press.psu.ru/index.php/philsoc> Датой поступления статьи считается день подачи статьи на платформе.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-27012023.pdf>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2023 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	10 апреля
в № 2 — до 01 мая	7 июля
в № 3 — до 01 августа	6 октября
в № 4 — до 01 октября	29 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID and Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors should be post articles through the platform Open Journal System at <https://press.psu.ru/index.php/philsoc> The date when the Editorial Board receives the manuscript is the date of the submission on the platform.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2023

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 10
No 2 May 1	July 7
No 3 August 1	October 6
No 4 October 1	December 29

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2023
Выпуск 1

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 31.03.2023
Дата выхода в свет 10.04.2023
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 18,37
Тираж 500 экз. Заказ 759/2023

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке